

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 5

Гуманитарные науки.
Технические науки

№4(111)
2023

№4(111) • 2023 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИТА

Издатель ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книта»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011, т/ф +7 857-258-03-20

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия 5

Гуманитарные науки. Технические науки
№ 4(111) • 2023

Сборник научных трудов

Луганск
2023

УДК 08.378.4(477.61).ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5
В 38

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Черных Л. А. – доктор психологических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Дейнека И. Г. – доктор технических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Темникова С. В. – кандидат технических наук, доцент

Редактор рубрики «Гуманитарные науки»

Дибас О. А. – кандидат исторических наук, доцент

Редактор рубрики «Технические науки»

Калайдо А. В. – кандидат технических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Авершина А. С.	– канд. техн. наук, доц.	Крысенко Д. С.	– д-р ист. наук, доц.
Атоян А. И.	– д-р филос. наук	Кудинов В. А.	– д-р ист. наук, проф.
Бакаева Н. В.	– д-р техн. наук, проф.	Лепя Р. Н.	– д-р экон. наук, проф.
Барышева Е. И.	– канд. психол. наук, доц.	Логиновский С. С.	– д-р филос. наук, доц.
Беспалова Т. В.	– канд. полит. наук, д-р филос. наук, доц.	Максименко Е. Г.	– д-р психол. наук
Бредихин А. В.	– д-р ист. наук, проф.	Михайловская О. Г.	– канд. полит. наук, доц.
Васюк А. Г.	– канд. психол. наук, доц.	Мортиков В. В.	– д-р экон. наук, проф.
Вербенко И. А.	– д-р физ.-мат. наук	Муртузалиев С. И.	– д-р ист. наук, проф.
Горбенко Е. Е.	– канд. физ.-мат. наук, доц.	Поцелуев С. П.	– д-р полит. наук, доц.
Даренский В. Ю.	– д-р филос. наук, доц.	Проскурина Е. А.	– д-р полит. наук, проф.
Дрозд Г. Я.	– д-р техн. наук, проф.	Резниченко Л. А.	– д-р физ.-мат. наук, проф.
Дымарский Я. М.	– д-р физ.-мат. наук, проф.	Сильчева А. Г.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Ерхов Г. П.	– д-р ист. наук, проф.	Скороход Н. Н.	– канд. экон. наук, доц.
Занка И. П.	– канд. экон. наук, доц.	Татаренко Т. М.	– д-р полит. наук, проф.
Звонок Н. С.	– д-р филос. наук, доц.	Чубова И. И.	– канд. психол. наук
Кагермазова Л. Ц.	– д-р психол. наук	Швыров В. В.	– канд. физ.-мат. наук, доц.
Капустин Д. А.	– канд. техн. наук, доц.	Шевченко М. Н.	– д-р экон. наук, проф.
Киреева Е. И.	– канд. техн. наук, доц.	Шелюто В. М.	– д-р филос. наук, проф.
		Шепко Л. Г.	– д-р ист. наук, проф.

Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. Сер. 5, Гуманитарные науки. Технические науки. № 4(111) / гл. ред. Л. А. Черных ; вып. ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер. С. В. Темникова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Книта, 2023. – 132 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами гуманитарных и технических наук.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 433 от 8 мая 2018 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.)
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 6 от 25 декабря 2023 г.)

УДК 08.378.4(477.61).ЛГПУ:[3+62(062.552)]
ББК 95.4я43+60я5+3я5

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

- Даренская В. Н.** Концепции отчуждения человека в позднесоветской философии..... 5
- Горюнова Т. Н.** Концепция эволюции языка в русской «философии имени»..... 16

Исторические науки и археология

- Агафонов А. И., Воропай Е. С.** Преступления немецко-фашистских захватчиков и их пособников на оккупированной территории Луганщины (1942–1943 гг.)..... 25
- Кравец Ю. А., Левкович А. Э.** «Мягкая сила» во внешней политике США в начале XXI века..... 31

Политология

- Дибас О. А., Милокост Л. С., Борзенков В. Р.** Политика Си Цзиньпина по продвижению китайского влияния на мировой арене..... 37

Психологические науки

- Бажутина С. Б.** Содержание духовно-нравственной составляющей Я-идентичности..... 43
- Булах И. П., Хорошилова О. Е.** О некоторых особенностях становления субъекта учебной деятельности в системе развивающего обучения..... 56
- Кубатина Ю. А.** Толерантность к неопределенности как маркер личностной автономии психолога-профессионала..... 64
- Романов Н. А.** Особенности представлений подростков об идеальной личности..... 70
- Ткачева В. А.** Характеристика мотивационной сферы личности студентов в психологической науке..... 76

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

- Давыскиба О. В., Комар В. С.** Анализ математических методов оценки рискованности VaR..... 83
- Темникова С. В.** Исследование эффектов изотермического отжига пентапласта в широком температурном интервале..... 89

Технические науки

- Калайдо А. В., Шишлакова В. Н.** Автоматизация процесса расчета производственного освещения посредством табличного процессора MS Excel 97
- Капустин Д. А., Швыров В. В., Сентяй Р. Н., Короп Г. В.** Автоматизация контроля качества водоугольной суспензии и измерительные устройства для ее реализации..... 104

Корнеева А. Н., Шворникова А. М. Технические средства защиты от поражения электрическим током в производственных и служебных помещениях.....	111
---	-----

Экономические науки

Скорород Н. Н. Социально-экономическая эффективность образования как индикатор экономического развития и общественного прогресса.....	117
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	126

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Философские науки

УДК 130.2

Даренская Вера Николаевна,
канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
vera_darenskaya@mail.ru

Концепции отчуждения человека в позднесоветской философии

В статье рассмотрена специфика концепций отчуждения, которые возникли в поздней советской философии как результат осмысления социального опыта XX века. Показано, что к концу советского периода фактически произошла трансформация содержания категории отчуждения из социально-философской в экзистенциальную и антропологическую. Переход к гипотетическому будущему состоянию общества, в котором будет отсутствовать отчуждение, мыслился как имманентное преодоление противоречий общества, которое ныне существует и в котором отчуждение достигает апогея в форме капитализма. Однако общая тенденция в советский период состояла в постепенном смещении понимания отчуждения – из социально-предметной области в нравственно-экзистенциальную. В конце концов это привело к переходу к религиозной философии.

Ключевые слова: отчуждение, человек, советская философия, утопия.

Во всех утопиях будущее общество мыслилось как общество без отчуждения. Но реальное историческое развитие поставило под сомнение этот сценарий. Сделав ставку на комфорт как высшую ценность, общество «загнало» человека в технизированный мир, где он, подчиняясь чуждым его природе законам, отчуждается от самого себя. Техносфера постепенно выводит человеческую жизнь из органического единства с биосферой, что лишает человека биосферной «солидарности», оставляет его наедине с техническими средствами, ставящими под сомнение будущее человечества. Проблема отчуждения всегда «автоматически» ставит и проблему субстанциональности человека, поскольку человек оказывается перед лицом двух взаимосвязанных процессов. Первый из них предполагает «отнятие» человеческих сущностных сил и «ограбление» личности в труде, что соответствует этимологии слова «отчуждение», второй – обеспечивает становление в человеке нечеловеческого начала, влекущего за собой утрату им своей подлинной субъектности. Последнее превращает человека в «вещь» и актуализирует вопрос о его субстанциональности. Поэтому чем масштабнее предметное поле культуры, с которым взаимодействует человек, чем глубже освоение индивидом всего богатства социальных связей, чем шире выход в область общечеловеческого, тем ярче

сама индивидуальность, для которой мера личной свободы оказывается мерой гуманности общества.

В 1990 г. вышла коллективная монография «Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике» [17], в которой была сделана попытка обобщения анализа этой категории в советской философии. В ней было отмечено, что «проблема отчуждения становится средством осмысления кризиса нашего общества и внутренних механизмов его развития. Появившиеся симптомы реальной потребности общества в самостоятельном человеке свидетельствуют об обретении проблемой отчуждения объективного основания, ... что вызывает необходимость самооценки человека и осмысления его отношения к собственным сущностным силам. Таким образом, появилась возможность сбросить идеологические шоры и перейти к постановке проблемы отчуждения не только как жизненно важной общечеловеческой проблемы, но и в качестве глубоко личностной, затрагивающей интересы каждого конкретного индивида, проблемы» [19, с. 61]. Тем самым, к концу советского периода фактически произошла трансформация содержания категории отчуждения из социально-философской в экзистенциальную и антропологическую.

Здесь стоит ретроспективно рассмотреть основные наработки советской философии по проблеме отчуждения. В книге Ю. Н. Давыдова «Труд и свобода» (1962) проблема отчуждения рассматривалась как производная от конфликта культуры (самотворчества человека) и цивилизации (внешних устоявшихся форм жизни), которая берет начало у Ж. Ж. Руссо [5, с. 54]. Выход автор усматривал в идеале всесторонне развитой личности, которая не будет нуждаться ни во внешнем принуждении, ни в подчинении других людей своим целям и интересам. Переход к такому гипотетическому будущему состоянию общества, в котором будет отсутствовать отчуждение, мыслился как имманентное преодоление противоречий общества, которое ныне существует и в котором отчуждение достигает апогея в форме капитализма. К. Маркс писал: «Пределом для капитала служит то обстоятельство, что ... развитие протекает антагонистично, и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид отчуждает себя самого; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям своего собственного, а как к условиям чужого богатства и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистическая форма преходяща и создает реальные условия для своего собственного уничтожения» [10, с. 34–35]. И. С. Нарский в своем разборе концепции отчуждения К. Маркса комментировал это так: «Под отчуждением понимается особый вид социального диалектического противоречия, развивающегося через обратное, но непременно негативное воздействие продукта на порождающие его связи и отношения – воздействие угнетающее, деформирующее и разрушительное» [12, с. 9].

И. С. Нарский понятийно развивал эту концепцию следующим образом: «Овеществление практической деятельности в её социально значимых результатах создает в условиях отчуждения “нечто совершенно внешнее”, и оно превращается в своего рода античеловеческое омертвление и окаменение. Эти омертвленные продукты могут затем заново персонифицироваться в нечто античеловеческое. В сфере обыденного

экономического сознания данный процесс переживается как “товарный фетишизм”» [12, с. 101].

В свою очередь, концепция «овеществления» стала основной в советской трактовке отчуждения, поскольку здесь само отчуждение понималось материалистически, т. е. как производное от предметных отношений. Г. С. Батищев дал феноменологию «овеществления» в такой формулировке: «Человек уже не формирует себя посредством самостоятельной созидательной деятельности, развертываемой им в мире его собственных, во взаимности с другими культурно-исторических содержаний, но, напротив, даже и деятельность свою, правда в ее ущербном виде, подчиняет процессу приспособления самого себя к требованиям и функциям заведомо иной, нежели общественно-человеческая действительность. Он подчиняет и приспособляет себя явно лишенным такого характера факторам – овещненным формам, – возможно, нисколько не считая это чем-то ненормальным, а, напротив, принимая овещненность за нечто само собой разумеющееся, привычное. Поэтому теперь он именно в овещненных формах стремится утвердить себя и как бы восстановить свою утраченную субъектность посредством принятия этих форм внутрь себя. Такая восстановленная из овещненных форм его персональность дана ему только как представителю функций, выразителю и исполнителю логики вещного порядка, логики социальных вещей» [3, с. 261].

Однако общая тенденция в советский период состояла в постепенном смещении понимания отчуждения – из социально-предметной области в нравственно-экзистенциальную. Уже упомянутый Ю. Н. Давыдов во втором издании своей известной в то время книги «Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии» (1989) дал классическое экзистенциальное понимание «отчужденного человека»: «перед лицом смерти такой человек не может предположить, что его переживет нечто существенное, устойчивое, заслуживающее серьезного отношения. Все свое он унесет с собою в пустоту небытия, а то, что не было им самим, тождественным его «самости», не представляется ему ни ценным, ни истинным, ни субстанциальным. Но тем более ужасающим будет сознание, с которым он встретит свою кончину: сознание того, что воистину “все кончено” – эти слова приобретают здесь совершенно буквальный смысл абсолютной катастрофы, метафизической аннигиляции бытия ... для человеческого типа, интересующего нас в данном случае, смерть, даже его собственная, отнюдь не выступает как порождение его собственного сознания. Наоборот: она для него нечто единственно серьезное и непреложное, существующее за его пределами. Она единственная “объективная реальность”, с абсолютной достоверностью, интимнейшим образом данная ему, причем данная в самом глубоком и адекватном переживании – в переживании беспредельного ужаса и отчаянной безнадежной тоски» [6, с. 30–31].

Однако и первый тип понимания отчуждения также продолжал развиваться и нашел свое интересное отражение в коллективной монографии «Отчуждение труда: история и современность» (1989), в которой был параграф «Община: общество до отчуждения». Автор его развивал тезис К. Маркса о том, что труд ещё не был отчужден в первобытном обществе,

так как работник относился к объективным условиям своего труда как к своей собственности, как к «неорганической природе своей субъективности» [10, с. 478]. Исходя из этого, современный автор писал далее: «законом натурального производства является ... перемена видов деятельности, обогащающая содержание труда работника. Натуральный производитель не успевает “зациклиться” на одной трудовой операции. Это обуславливает разносторонность его личности и рабочей силы» [14, с. 112].

Эта концепция вообще принципиально важна для понимания человека традиционного общества, который в силу специфики своей жизнедеятельности в определенной степени был «универсальной личностью» и еще не знал тех форм отчуждения, которые возникнут позже. Эту закономерность автор указанной работы объясняет так: «внешний характер естественных процессов, к которым “привязано” натуральное производство, обуславливает высокую роль случайности. Естественные условия производства по отношению к производителю носят как бы “текущий” характер, постоянно меняясь и (несмотря на наличие определенной цикличности) никогда полностью не повторяясь. Это лишает процесс труда в натуральном производстве монотонности, которая, казалось бы, неизбежно следует из природной запрограммированности его результата. В содержании труда охотника и даже собирателя появляются элементы творчества, их рабочая сила развивается в процессе трудовой деятельности» [14, с. 113]. Таким образом, *традиционная цивилизация фактически понуждает человека к творчеству просто для выживания*. «Из приведенных выше характеристик натурального производителя, – делает вывод автор, – как субъекта производительных сил следует вывод об отсутствии материальной основы отчуждения его труда как деятельности. В первобытных и крестьянских общинах труд, как правило, рассматривается как нормальное проявление жизнедеятельности человека, реализация личности мыслится только в труде. Весь процесс ... представляет собой развитие человека-работника, прогрессирующее обогащение его труда элементами творчества» [14, с. 115].

Определенным итогом советского периода исследований этой темы стала коллективная монография «Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике» (Свердловск, 1990). В частности, В. И. Копалов в статье «Отчуждение, его исторические варианты и перспективы» писал: «Отчуждение многолико. Его универсальной характеристикой является превращение результатов труда человека в силу, враждебную ему, превращающую его из цели в средство общественного развития. Образ Сизифа – олицетворение и символ отчуждения в его общественном и личностном аспектах» [8, с. 25]. Тем самым, здесь понятие отчуждения выходит далеко за пределы социальной философии и становится целым экзистенциально-мифологическим символом. «Отношение к проблеме отчуждения, – отмечает этот автор, – в советской философской литературе проявилось и в том, что на рубеже 1960–70 гг. она была в центре философских дискуссий, а затем отошла на периферию философской проблематики» [8, с. 26]. *«Вспышка» интереса к проблеме отчуждения закономерно произошла именно в конце 1980-х в ситуации социального и культурно-смыслового кризиса.*

Также В. И. Копалов предложил следующее различие понятий: «Если отчуждение характеризует объективную сторону общественного процесса, то фетишизм есть его субъективное отражение в сфере обыденного сознания и идеологии» [8, с. 36]. Однако наряду с этими измерениями содержания он выделяет еще и третье, связанное с отчуждением как разрывом социокультурной традиции: «утрата национальных святынь, дефицит исторического сознания привели к состоянию тупика в изложении отечественной истории, к истреблению исторической памяти, к превращению целого ряда поколений в манкуртов, забывших и презревших свои истоки, свое прошлое. А это, в свою очередь, ведет к утрате чувства патриотизма, к эрозии национального самосознания» [8, с. 39]. Автор также отмечает отличие традиционного общества от современного – а именно в том, что «некоторые авторы, в частности А. Я. Гуревич, подчеркивают, что средневековое общество не знает развитых форм отчуждения» [8, с. 30], хотя он и не вполне согласен с такой точкой зрения. В свою очередь, в наше время «преодоление всяческих вариантов отчуждения начинается с его осознания, а это нередко связано с психологической ломкой» [8, с. 40].

В. Н. Руденко в статье «Становление и эволюция теории отчуждения в советской философии: от проблемы к идеологии отчужденного действия» также констатировал, что «проблема отчуждения становится средством осмысления кризиса нашего общества и внутренних механизмов его развития. Появившиеся симптомы реальной потребности общества в самостоятельном человеке свидетельствуют об обретении, проблемой отчуждения объективного основания: в ткань философских исследований органически входят вопросы ... жизненных ценностей отдельной личности, что вызывает необходимость самооценки человека и осмысления его отношения к собственным сущностным, силам. Таким образом, появилась возможность сбросить идеологические шоры и перейти к постановке проблемы отчуждения не только как жизненно важной общечеловеческой проблемы, но и в качестве глубоко личностной, затрагивающей интересы каждого конкретного индивида, проблемы» [19, с. 61]. Здесь мы ясно видим все ту же тенденцию перехода от понимания отчуждения как социальной категории к её пониманию как экзистенциала, связанного с внутренними процессами становления личности. В свою очередь, этот подход уже открывал путь к анализу исторических типов отчуждения.

В свою очередь, Н. К. Эйнгорн в статье «Моральное отчуждение: специфика и истоки» продолжил «интериоризацию» понятия отчуждения и предложил следующее определение: «моральное отчуждение есть процесс противодействия утверждению гармонии самоценности субъекта; моральное отчуждение, как результат, есть дисгармоничный в своих сущностных проявлениях субъект (личность, общество)» [23, с. 64–65]. Такая «интериоризация» содержания понятия отчуждения и связь его с понятиями личности и гармонии также показывает тенденцию перехода категории отчуждения в сферу экзистенциального анализа. С. Л. Коробова в статье «Нравственные чувства как состояние переживания и преодоления отчуждения» сделала «предположение о единстве нравственных чувств и психологического состояния отчуждения. Не менее органичным для морали является и преодоление отчуждения, поскольку внутреннее борение

и преодоление, являющиеся имманентно присущими морали, как раз и делают нравственность свойством, не просто усиливающим состояние отчуждения, но и помогающим это отчуждение преодолевать» [7, с. 102].

Исследуя феномен отчуждения в эстетическом аспекте, Б. В. Орлов в статье «Сущность отчуждения и особенности его проявления в искусстве» писал: «В ситуации отчуждения происходит складывание феномена ложно-иллюзорного сознания. Вместо правды как ценностного эквивалента истины проявляются ложные формы и соответствующие псевдоценности, которые суммарно можно определить как “мифологемы”. Мифологема предстает как сложное единство рационального и иррационального компонентов сознания, означаемого и означающего, субъективного и объективного, в конечном счете ложного и истинного» [13, с. 119]. Последнее определение, данное еще в 1990-м году, фактически предсказало и современную проблематику мифологем массового сознания и «постправды» как формы отчуждения сознания.

В 1990-х годах интерес к проблеме отчуждения в российской философии вновь угасает: характерно, что в сборнике «Отчуждение человека в перспективе глобализации мира» (СПб., 2001) непосредственно теме отчуждения посвящена всего лишь одна статья Н. Д. Абсавы «К вопросу об отчуждении и некоторых его формах», в которой дается её самая тривиальная трактовка: «По самому общему определению, отчуждение – это крайняя форма социального перерождения человека, потеря им своей родовой сущности» [1, с. 205]. В монографии В. В. Парцвания-Чараия «Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному» (2003) [15] было введено понятие «разотчуждающийся человек», которое обозначало гипотетического будущего человека. Время от времени выходят отдельные статьи по проблеме отчуждения, причем в них, как правило, философское разрешение проблемы переносится в будущее, которое должно «раскрыть тайну отчуждения и начать наш долгий, трудный путь его преодоления» [4, с. 108], поскольку, как утверждает Д. Н. Приходько, «преодолевая одни отчуждённые состояния, мы неизменно будем сталкиваться с другими, во многом нам неизвестными» [16, с. 30].

В позднесоветской философии происходил не только плодотворный процесс усвоения мировой философской традиции, в частности достижений философии XX века, но и самостоятельная работа по исследованию той проблематики понимания человека, которая называется «экзистенциальной». В ситуации оторванности от западных течений мысли советские философы «позднего» периода (1970–1980-е годы) шли самостоятельным и оригинальным путем в анализе экзистенциалов как антропологических категорий. Н. В. Мотрошилова, исследуя экзистенциализм, отмечала: «Отечественные авторы и читатели, жившие в условиях социализма, изучая экзистенциалистов или работы о них, находили и в себе самих подобные ощущения, умонастроения» [11, с. 258]. Сами экзистенциалы как самые общие, исходные концептуализации человеческого бытия-в-мире относятся к теоретическому фундаменту философского осмысления сущности жизни человека. Термин «экзистенциал» впервые стал широко применяться М. Хайдеггером для обозначения и анализа основных «настроений» (*Stimmung*) индивида в его самоопределении относительно своей целостной бытийной среды.

«Настроения» в подобном понимании – это такие специфические состояния человека, которые имеют сложный чувственно-смысловой, эмоционально-рефлективный характер, но вместе с тем не разлагаются на отдельные составляющие, а остаются глубоко целостными, органическими и внутренне подвижными, способными к трансформации из одного в другой.

Фундаментальные настроения составляют глубинный фон отдельных элементов человеческого сознания – как эмоционально-чувственных, так и рационально-рефлективных. Кроме того, они способны образовывать устоявшиеся констелляции между собой, определяя смысложизненные ориентации человека. По собственному выражению М. Хайдеггера, «настроение (Stimmung) есть определенный способ (Weise)... [который] настраивает и определяет “что” и “как” человеческого бытия... это вовсе не самое эфемерное из эфемерного, но то, что в принципе придает присутствию (Dasein) основания и ее возможность» [20, с. 159]. Суть концептуальной инновации немецкого философа заключалась в том, что за внешней, эмоциональной формой фундаментальных «настроений» было раскрыто их онтологическое измерение, очерчивающее выход, трансцендирование человеческого мироотношения не только за пределы биологической жизни, но и за пределы социальности. Это уникальное и неповторимое, «только мое» вот-здесь-и-теперь-бытие – Dasein. Это то, что неотчуждаемо в принципе.

В целом для теоретической концептуализации этого измерения человеческого бытия в поздней советской философии использовалось терминологическое выражение «духовно-практическое освоение мира». В частности, В. И. Шинкарук определял духовно-практическое освоение мира как такое «преодоление чуждости мира», что «реализуется путем создания образов его иного, идеализированного и желаемого состояния в соответствии с идеалами истины, добра и красоты» [21, с. 28]. Эта концепция актуальна и эвристична для нашего времени в первую очередь в контексте проблемы отчуждения человека. Идея трансцендирования как подлинного преодоления отчуждения развивается в философии и позже [22]. Центральной фигурой поздней советской философии был М. К. Мамардашвили, который также разрабатывал целый ряд антропологических категорий-экзистенциалов, главной из которых была категория сознания. Исследуя феномен сознания, он считал ключевыми категории символа, пути и «второго рождения» как экзистенциального процесса. В частности, в своих «Лекциях о Прусте (психологическая топология пути)» он дал определение этой специфики как «тему пути, который стоит проходить и который несет на себе отпечаток смертного пути... философы считают, что без символа смерти, без того, чтобы жить в тени этого символа, – ничего нельзя понять, ничего нельзя в действительности испытать» [9, с. 15]. Это не что иное, как центральный для всей его философии символ «второго рождения»: «люди не рождаются биологическим способом, а лишь, проходя путь, становятся или не становятся людьми», отсюда возникает «религиозный образ второго рождения» [9, с. 26].

Прохождение через такие состояния, фиксируемые в базовых символах культуры, символически определяется как «второе рождение». Символ прохождения через смерть как «новое рождение» является базовым архетипом человеческой культуры. Как писал об этом психолог А. А. Пузырей, также в позднесоветский период совершивший «выход» на эту экзис-

тенциальную и антропологическую проблематику, «известная во всех эзотерических духовных движениях основная трехчленная формула работы над собой, гласящая: пробудиться – умереть – родиться, реализуется в терминах матрицы основных состояний ... умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преобразующей ветхого человека в нового человека, что ведет к подлинному исцелению, т. е. восстановлению цельного, полного “человека в человеке” ... это рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, – и есть в наших словах прохождение через “маленькую смерть” в направлении “второго рождения”» [18, с. 175]. Архетипический смысл переживания символической смерти для духовного рождения человека в новую жизнь является базовым для его экзистенциального становления, хотя и по-разному реализуется в разных типах культур и цивилизаций. В архаических культурах прямо и непосредственно «второе рождение» осуществлялось в обрядах инициации. В современной цивилизации таких обрядов нет, и их функцию берет на себя культура. Однако она уже не гарантирует того, что «второе рождение» произойдет – это теперь результат личного усилия. Таким образом, в этих концепциях была уже очерчена проблематика внутреннего, экзистенциального преодоления отчуждения, важная для понимания и традиционных культур, и современности.

Стоит также кратко рассмотреть наследие Г. С. Батищева, который также сделал важные инновации в разработку экзистенциальных категорий в поздний период своего творчества, когда он стал православным мыслителем, хотя и продолжал писать на языке своей философской среды. Так, в выступлении на круглом столе «Жизнь и смерть: загадки и противоречия» (1989) он ярко концептуализировал экзистенциал смерти как символ предельной формы отчуждения. Поскольку этот текст Г. С. Батищева остался малоизвестным и не публиковался после его смерти, то стоит привести здесь ряд интересных выдержек. Он говорил: «Умирание происходит, увы, очень часто при продлении физической жизни, ролевого функционирования, имитации и мимикрии под жизненность. Но на самом деле под личиной живого человека ходит лишь социализированный организм» [2, с. 32–33]. Парадокс состоит в том, что для того, чтобы родиться в подлинную жизнь, нужно умереть для жизни неподлинной – но этот процесс, растянутый на всю земную жизнь, в культуре дан в формах «инициации», которые его моделируют и ускоряют.

Общий принцип «запуска» процесса «инициации» на уровне волевых и культурных интенций человека Г. С. Батищев определяет так: «Чем богаче инаковыми образами личностный культурный мир человека, чем глубже его онтологическая укорененность ... В нем становится все больше и больше того, что поистине “тлена избежит”, ибо достойно этого» [2, с. 33]. Таким образом, «ключ» к «новому рождению» лежит в «инаковых образах личности», инаковых по отношению к моему смертному егo, которые нужно найти и которым нужно открыться. Эти образы в культуре разнообразны, высший из них – образ Христа. Г. С. Батищев определял экзистенциал смерти как особый смысловой «топос» сознания, который уничтожает все, недостойное вечной жизни, следующим образом: «Продления было бы достойно только то время жизни, которое ... какой-то степени приобщается

к надвременному, вечному» [2, с. 34]. Таким образом, смерть как особая экзистенциальная категория сознания (в отличие от смерти тела как эмпирического факта биографии) – это точка перехода воли человека от позиции смертного его к осознанию бессмертия души. Г. С. Батищев определил феноменологию такого перехода к осознанию бессмертия в ходе философской рефлексии следующим образом: «Суть дела не в том, чтобы отыскать “рецепт бессмертия” для того в нас, что достойно уничтожения и прехождения, а в том, чтобы в конечных границах выйти на уровень приобщенности и сопричастности беспредельным, абсолютным смысловым содержаниям и вместить их претворение в здесь-и-теперь» [2, с. 35]. Откуда же в человеке могут появиться такие вечные и беспредельные содержания? Это возможно только в результате приобщения к живой религиозной традиции. Сам Г. С. Батищев крестился в Православие в конце жизни под именем Иоанн и ездил к духовнику – старцу Псково-Печерского монастыря, продолжая работать в Институте философии вплоть до своей смерти в 1990 году. Похожий путь прошли многие философы позднего советского времени. В этом смысле можно сказать, что в этот период русская философия вернулась к своей исконной религиозной традиции и продолжила труд мыслителей Серебряного века.

Список литературы

1. **Абсава, Н. Д.** К вопросу об отчуждении и некоторых его формах / Н. Д. Абсава // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира : сб. филос. ст. / под ред. Б. В. Маркова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2001. – ISBN 5-86708-216-4. – Вып. 1. – С. 205–221.
2. **Батищев, Г. С.** Выступление / Г. С. Батищев // Жизнь и смерть: загадки и противоречия : (по материалам «круглого стола», Москва, 1989 г.) / сост. И. Н. Михеева. – Москва, 1990. – ISBN 5-07-000728-9. – С. 32–37.
3. **Батищев, Г. С.** Проблема овещнения и ее гносеологическое значение (в свете Марксовой концепции овещнения) / Г. С. Батищев // Гносеология в системе философского мировоззрения / отв. ред. В. А. Лекторский. – Москва, 1983. – С. 250–272.
4. **Вторушин, Н. А.** Категория отчуждения: гносеологический анализ / Н. А. Вторушин // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313, № 6. – С. 108–121.
5. **Давыдов, Ю. Н.** Труд и искусство : избр. произв. / Ю. Н. Давыдов. – Москва : Астрель, 2008. – 670 с. – ISBN 978-5-271-19394-1.
6. **Давыдов, Ю. Н.** Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии / Ю. Н. Давыдов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 317 с. – ISBN 5-235-00238-5.
7. **Коробова, С. Л.** Нравственные чувства как состояние переживания и преодоления отчуждения / С. Л. Коробова // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1990. – ISBN 5-230-06651-2. – С. 102–111.
8. **Копалов, В. И.** Отчуждение, его исторические варианты и перспективы / В. И. Копалов // Проблема отчуждения в современной теории культуры,

- этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1990. – ISBN 5-230-06651-2. – С. 25–41.
9. **Мамардашвили, М.** Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / М. Мамардашвили. – Москва : Ad Marginem, 1995. – 548 с. – ISBN 5-88059-008-9.
 10. **Маркс, К.** Сочинения : 50 т. Т. 46, ч. 2. [Экономические рукописи 1857–1859 годов : (первоначальный вариант «Капитала»)] / Карл Маркс ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1969. – 618 с.
 11. **Мотрошилова, Н. В.** Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль / Н. В. Мотрошилова. – Москва : Акад. Проект, 2012. – 375 с. – ISBN 978-5-8291-1397-1.
 12. **Нарский, И. С.** Отчуждение и труд : по страницам произведений К. Маркса / И. С. Нарский. – Москва : Наука, 1983. – 144 с.
 13. **Орлов, Б. В.** Сущность отчуждения и особенности его проявления в искусстве / Б. В. Орлов // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1990. – ISBN 5-230-06651-2. – С. 119–131.
 14. **Отчуждение труда: история и современность** / Я. И. Кузьминов, Э. С. Набиуллина, Вад. В. Радаев, Т. П. Субботина. – Москва : Экономика, 1989. – 285 с. – ISBN 5-282-00079-2.
 15. **Парцвания-Чараия, В. В.** Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному : [монография] / В. В. Парцвания-Чараия. – Санкт-Петербург : Университ. книга, 2002. – 374 с. – ISBN 5-94483-046-8.
 16. **Приходько, Д. Н.** Отчуждение и пути его преодоления : спец. 09.00.11 «Соц. философия» : автореф. дис на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук / Приходько Дмитрий Николаевич ; Томский гос. ун-т. – Томск, 1995. – 71 с.
 17. **Проблема отчуждения** в современной теории культуры, этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск : УрГУ, 1990. – 136 с. – ISBN 5-230-06651-2.
 18. **Пузырей, А. А.** Драма неисцеленного разума / А. А. Пузырей // Зоценко М. М. Повесть о разуме. – Москва, 1990. – ISBN 5-7155-0253-5. – С. 171–183.
 19. **Руденко, В. Н.** Становление и эволюция теории отчуждения в советской философии: от проблемы к идеологии отчужденного действия / В. Н. Руденко // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. – Свердловск, 1990. – ISBN 5-230-06651-2. – С. 50–62.
 20. **Хайдеггер, М.** Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 151–172.
 21. **Шинкарук, В. И.** Сущность мировоззрения. Научное мировоззрение как его высший исторический тип / В. И. Шинкарук // Научное мировоззрение и социалистическая культура / [В. И. Шинкарук, В. П. Иванов, Н. И. Михальченко и др. ; отв. ред.: В. И. Шинкарук, В. П. Иванов]. – Киев, 1988. – ISBN 5-12-000008-8. – С. 23–41.
 22. **Шихлинский, С. О.** Метафизический «прорыв» и проблема отчуждения / С. О. Шихлинский // Социальная теория и современность / Российская

акад. упр. Гуманит. центр, Каф. философии. – Москва, 1992. – Вып. 24 :
Философская антропология. – С. 191–198.

23. **Эйнгорн, Н. К.** Моральное отчуждение: специфика и истоки /
Н. К. Эйнгорн // Проблема отчуждения в современной теории культуры,
этике и эстетике : сб. науч. тр. / редкол.: Н. К. Эйнгорн (отв. ред.) [и др.]. –
Свердловск, 1990. – ISBN 5-230-06651-2. – С. 63–78.

Darenskaya V. N.

Concepts of human alienation in Late Soviet philosophy

The article examines the specifics of the concepts of alienation that arose in late Soviet philosophy as a result of understanding the social experience of the twentieth century. It is shown that by the end of the Soviet period, there was actually a transformation of the content of the category of alienation from socio-philosophical to existential and anthropological. The transition to a hypothetical future state of society in which there will be no alienation is thought of as an immanent overcoming of the contradictions of the society that currently exists and in which alienation reaches its apogee in the form of capitalism. However, the general trend in the Soviet period was a gradual shift in the understanding of alienation – from the socio-subject area to the moral-existential one. This eventually led to a shift to religious philosophy.

Key words: *alienation, man, Soviet philosophy, utopia.*

Горюнова Татьяна Николаевна,
аспирант кафедры философии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
tatiana.nikolayevna@list.ru

Концепция эволюции языка в русской «философии имени»

Концепция эволюции языка является одной из центральных тем в русской философии имени, которая представляет собой оригинальное направление философской мысли. Эта концепция привлекает внимание многих выдающихся мыслителей, среди которых П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев и другие. Особое внимание уделяется взаимосвязи языка, мышления и бытия, а также роли языка в процессе познания и самопознания. Целью данной работы является анализ концепции эволюции языка в русской философии имени. Для этого будут рассмотрены идеи различных мыслителей и их вклад в развитие данной теории. Особое внимание будет уделено взаимосвязи языка, мышления, бытия и процесса познания.

Ключевые слова: философия имени, учение об имени А. Ф. Лосева, научная концепция С. Н. Булгакова, язык и мышление, глоттогонический процесс.

В русской философии предпосылкой к исследованиям в области философии имени послужили труды П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева и С. Н. Булгакова, которые начали осмысливать значение имени и логоса. Эти авторы опирались на диалектический подход в понимании сущности имени. В наше время данная традиция русской мысли имеет большое методологическое значение для понимания происхождения языка. Уже появились отдельные исследования, которые рассматривают её именно в этом ракурсе [3; 4]. Целью данной статьи является анализ генетический аспектов языка на основе методологии русской «философии имени».

В своих работах по антиномии языка Флоренский, основываясь на идеях Гумбольдта, говорит, что «язык – это живой процесс, он постоянно меняется и развивается. Каждое новое слово, каждая новая форма возникают в результате мгновенного действия духа, отдельного акта в его уникальности, и именно в этом его настоящая сила» [5, с. 126]. Таким образом, человек – творец языка, божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовною жизнью, изнутри. Поэтому язык есть достояние народа, а не отдельного лица... Мы можем использовать язык, но его творцами нас назвать нельзя» [5, с. 127].

Согласно учению Николая Кузанского, слово и язык, при всём их различии, совпадают как абсолютный минимум в своей исходно-субстанциональном основании. Слово является словом в силу того, что исходно оно тождественно языку и обладает всеми его фундаментальными характеристиками. Язык является языком в силу того факта, что он состоит из реально существующих слов, равноценных в своих сущностных характеристиках языку. Именно поэтому, анализируя слово, мы должны принимать во внимание язык, а изучая язык – слово.

Исходная теоретическая установка понимания слова как знака для обозначения мысли в теоретическом познании была сформулирована уже в древнегреческой философии. Согласно Аристотелю, «[имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя». Благодаря именам у нас есть возможность познания, которой лишены животные, не имеющие преимущества использования имен. Дж. Локк описывает слово как «чувственный знак, необходимый для коммуникации». Он также отмечает, что «слова являются чувственными символами идей того, кто их использует». Г. В. Лейбниц в своих трудах говорит, что первые слова формируются «случайным образом по физическим причинам». Таким образом, во всех теориях слово рассматривается как знак, отражающий что-либо: внешнее явление или идею; оно есть нечто вторичное по отношению к мысли, поскольку оно так или иначе выражает мысль. При этом слово формируется извне каким-либо образом и каким-либо способом.

Алексей Фёдорович Лосев – выдающийся русский философ, мыслитель и учёный, одна из ключевых фигур в истории русской философии XX века. В своих работах Лосев обращался к различным темам, но одно из ключевых его главных достижений – это его «Философия имени». Лосев утверждал, что имя – это не просто условное обозначение объекта или явления, но и его сущностное определение. Имя не просто указывает на объект, но и выражает его сущность, раскрывает его смысл. Лосев считал, что имя является одним из основных инструментов познания мира и человека. Ещё одной важной идеей Лосева была идея о том, что имена не только выражают сущность объектов, но и влияют на них. Лосев полагал, что имя может быть использовано для воздействия на объект или явление, которое оно обозначает. Например, произнесение имени Бога может вызвать определенные изменения в мире. Философия имени Лосева также имеет важное значение для понимания связи между именем и реальностью. Лосев утверждал, что имена являются не просто символами реальности, но и её частью. Таким образом, имя не только отражает реальность, но и участвует в её создании.

А. Ф. Лосев является одним из самых глубоких теоретиков знаковой системы. В своём труде «Знак, символ, миф» философ поставил задачу «разработки учения о языковом знаке». В основании своей концепции знаковой природы языка он даёт следующее исходное понимание языка. Язык существует как определенное объективное явление и предстает перед человеком в виде специфической реальности. Лосев не определяет знак, но предлагает его понимание. Согласно его теории, исходной является действительность, познаваемая человеком лишь частично, что представляет собой «обозначаемое». Эта действительность, воспринимаемая человеком, может быть определена как «обозначаемое». Однако, даже в обозначенном человек познаёт не всё, а лишь некоторую часть, которую следует назвать «значение». Согласно учению Лосева, является формой мысли, а мысль, в свою очередь, отражает сущность. Этот подход имеет глубокие корни в философии и науке, начиная ещё со времён античности. На основе данного подхода анализировал слово Платон, но ещё в большей мере Аристотель.

И безусловно, именно на основе такого подхода анализировали язык стоики. Такой подход сохраняется в философии Фомы Аквинского, который отмечает: «Имя “человек” выражает сущность человека».

Г. В. Ф. Гегель утверждает, что «язык есть произведение мысли». Следовательно, понятие является формой мышления и познавательной деятельности, направленной на раскрытие сущности, а слово, передающее эту сущность другому, является формой речевой деятельности и коммуникации. Это означает, что слово, которое обладает связью с сущностью, и речь, связанная с познавательным процессом, не могут существовать отдельно друг от друга. Однако, речевая деятельность значительно отличается от познавательной, поскольку слово не открывает сущность, а скорее передает её другим. В этом смысле слово не является формой познания, а скорее формой передачи сущности. Этот момент четко прослеживается в работе А. Ф. Лосева «Философия имени». Автор отмечает, что «тайна слова» заключается в коммуникации с предметами и другими людьми. Язык есть живая целостная словесная культура, где отдельное слово есть исходный элемент языка. Как и отдельная клетка в организме, слово имеет неисчерпаемый потенциал в живом языке. В своей книге «Философия имени» Лосев утверждал, что отвержение того, что имя – это жизнь, и что общение с людьми и природой возможно только через слово, означает впадение не только в антисоциальное одиночество и сумасшествие, но также проявление глухоты и немоты в отношении социальной действительности.

Человек, не способный воспринимать имена как отражения реальности и сущности предметов, а воспринимающий их лишь как простые звуковые сигналы, проявляет черты глухоты и немоты, и существует в мире, лишённом языковой и символической выразительности. Если слово и имя не являются составляющими действительности и не отражают социальную реальность и многообразие общественных отношений, тогда мир погружается во тьму безумия, в которой существуют лишь подобные ему темные и безумные создания. Однако мир не таков. Язык сам в себе в значительной степени несёт свою истину. Так, можно сказать: «Круглый квадрат летает», однако при этом совершенно очевидно, что данное утверждение не соответствует истине. Если бы язык состоял исключительно из заблуждений и искажений, никто бы не стал им пользоваться, и язык как средство коммуникации был бы невозможен. Язык исходно несёт в себе добро и зло, подобно тому, как каждый человек несёт в себе «образ Божий» и «первородный грех».

В онтологическом контексте философия имени исследует диалектическое взаимодействие между языком, мышлением и реальностью. В социальном контексте имя несёт ответственность за все аспекты мышления и деятельности человека. «Философия имени» Лосева основана на понимании того, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявлениях. Вообще Лосев в своих исследованиях всегда стоял на диалектической точке зрения и главным своим методом всегда называл исключительно диалектический, своеобразно функционирующий и в различии с феноменологией, и с формальной логикой, и с метафизикой, утверждая, что истинная диалектика всегда есть непосред-

ственное знание. Хорошим примером является «целое», которое представляет собой диалектический синтез «одного» и «многого». Уже основываясь на данном принципе (принципе единства во множественности), можно судить о единстве естественного человеческого языка. В своей работе «Философия имени» А. Ф. Лосев напоминает нам, что мышления не существует без слов. Без слова невозможно ни мысленное, ни интеллектуальное общение, ни, тем более, активное и интенсивное взаимодействие. Также невозможно без слова и собственно имя, а, следовательно, и мышление, в принципе, как таковое.

Лосев подходит к разрешению существующего имяславского спора с разных сторон, обосновав главный имяславский тезис на трёх уровнях, дал целостную картину понимания имени не только в религиозном ключе, но и на философском и научном уровнях. Слово он достаточно часто отождествляет с именем, однако при этом они не являются синонимами в полном смысле: «...не каждое слово – имя. Но собственное имя потенциально уже налично в слове и в развитой форме есть не больше, как лишь стгущенное в смысловом отношении слово» [2, с. 640].

В другой своей работе «Диалектика художественной формы» Лосев излагает и разъясняет ключевые идеи, утверждая, что самое важное заключается в том, что имя представляет собой энергию сущности вещи и, следовательно, выполняет все интеллектуальные, мифологические и индивидуальные функции, связанные с этой вещью. Поэтому имя не просто звук, оно является отражением вещи, данной в мышлении, при этом не теряя своей реальности. Более того, ясно, что только такое понимание имени позволяет обосновать взаимодействие субъекта и объекта. Если имя рассматривать исключительно как звуковой сигнал, то оно будет существовать само по себе и повторение этих звуков не приведет к взаимодействию с объектом. Если же считать, что имя действительно обозначает определенную вещь, то по имени можно получить информацию о самой вещи. Это становится возможным при наличии в имени отражения существенных характеристик вещи, поскольку только так можно определить, о каком именно объекте идет речь. «Конечно, имя не есть вещь в смысле субстанции. Как субстанция вещь вне своего имени» [2, с. 641], – отмечает А. Ф. Лосев.

Лосев полагает, что вещи и имена не могут существовать обособленно от социальной действительности, которая предполагает наличие живой и разумной коммуникации между субъектами и объектами. Он начинает свой анализ связи между именем и вещью с рассмотрения вопроса о том, что такое действительность и как она соотносится с именем. Философ утверждает, что имена принадлежат вещам, а вещи имеют свои имена. «Ясно, что и вещи, и их имена относятся к действительности и суть какая-то сторона». Любая вещь имеет внешнюю (видимую) и внутреннюю (невидимую) сторону. Их противоположность – основная и универсальная антитеза мысли и бытия. Лосев также утверждает, что только человек способен общаться с вещью через ее имя, т. е. на уровне ума и сознания, и таким образом общаться с ее смысловым значением. Из истории человечества видно, что имя относится именно к одушевленным вещам. Оно предполагает живую одаренную сознанием индивидуальность. Именуя неодушевленные вещи, следует рассудить о правильности данного действия, поскольку «...имя, раз оно даётся, несёт за собой интерпретацию. Имя есть всегда имя одушевленной

вещи. Имя есть всегда имя личности (или её степени и модификации)... Имя всегда само живо. Имя – порождение живых, взаимообщающихся личностей. Имя вещи есть орудие общения с нею как с живой индивидуальностью... имя вещи есть орудие существенного и личностно-индивидуального смыслового общения её со всем окружающим» [2, с. 643].

Отсюда следует важнейшее утверждение Лосева: «имя есть всегда имя одушевлённой вещи». Философ приходит к пониманию имени – того, что вещь всегда понимается через имя, которое возможно и является переживанием самой вещи, даже проживанием взаимодействия с ней. Языковая концепция А. Ф. Лосева, в общем своём смысле, сводится к следующему: «Существует только смысл и больше ничего». Язык «берётся изнутри», как сущность, а не как духовно-культурологическая структура, данная человеческому сознанию: «Отличительной особенностью у Лосева есть также то, что проблема языка перемещена из гносеологии в чистую онтологию. Лосевская “вещь” – это не чувственный объект внешнего мира, но сущность как один из моментов вертикальной ценностной шкалы» [4, с. 302].

По Лосеву, не человек создаёт язык, но язык человека. Любой язык в его интерпретации приравнивается к формальному, материальному выражению физической энергемы языка как сущности. Согласно Лосеву, человек является лишь одной из форм воплощения языка, при этом такой формой, которая и задает человеческую личность как таковую во всей онтологической сложности человеческого. Звуковая форма выражения языка становится лишь акциденцией языка как сущности. При этом язык, как субстанция, необходимым образом требует и коммуникативности, и интерпретации. Ещё точнее – он имеет их изначально, в свёрнутом виде.

В свою очередь, язык в булгаковской «Философии имени» понимается метафилологически и онтологически как своеобразная ословесненная космология. Здесь можно увидеть и достаточно парадоксальную тенденцию эпохи (радикальную реакцию на деструктивный процесс номинализации, поскольку магистральной линией нескольких столетий было именно стремительное понижение космологического статуса языка). Человеческое существование изначально пронизано двумя взаимообусловленными первофеноменами – язык и космос. Логоцентричность (ословесненная мыслимость) космоса не только сообщает антропологическое измерение тотальности, но и базируется в исходной космологичности языка. Булгаков ставит перед собой вопрос «что такое слово?». Данный вопрос не вмещается в науку о словах как таковую, поскольку лингвистика изучает только конкретные, облечённые в материальную форму слова, в связи со всем богатейшим содержанием слова в сравнительно узких пределах науки о языке, а вопросы, связанные с онтологической сущностью слова, при этом остаются вне рассмотрения. Здесь же необходима «интуиция слова, узрение его в непосредственном бытии, в его идее». Необходимо выделить и установить то, что «о нём само собой разумеется, составляет аксиому». Такой аксиомой для философа является мысль, которую он варьирует, сохраняя её суть, что слово принадлежит двум мирам – космосу и человеку [1, с. 16]

Размышления о природе имен и их роли в философии всегда вызывали много споров. Идея о том, что имена могут быть основой философских теорий, не является чем-то специфическим для античности или средне-

вековья. В философии XX века тема имени (шире – языка), его сущности, его соотношения с вещью в том или ином виде представлена у многих философов. Отличительной особенностью концепции языка С. Н. Булгакова является то, что язык перемещается им из конвенциональной сферы, в сферу бытийную, энергетическую. Основой такого подхода к языку послужила религиозно-философская традиция православного энергетизма. Доктрина энергетизма в православии связана с имяславским движением в нём. Оно возникло в начале XX века на Афоне, а возглавил имяславцев иеромонах Антоний. Имяславие учило, что имя Бога необходимо относить как к сущности Бога, так и к его энергиям. Имяславская позиция выражается формулой: «Имя Божие есть Сам Бог». По Библии, носителем Слова является Бог: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть» (Евангелие от Иоанна). Сотворяя мир, Бог прибегает к акту говорения: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды...И стало так» (Быт. 1: 1–4). Затем он устанавливает имена сотворенным сущностям: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью... И назвал Бог твердь небом...И назвал Бог сушу землю, а собрание вод назвал морями» (Быт. 1: 5). Таких имен Бог устанавливает немного: день, ночь, небо, земля, море, поручая именование всего остального Адаму. Таким образом, согласно Библии, Бог наделил людей способностью к языку, которую они употребили для наименования вещей.

Человеческое познание совершается в слове и через слово, мысль неотделима от слова, её саморефлексия неизбежно требует анализа того, что составляет этот её первичный элемент или материал, т. е. оно должно начинаться с анализа слова, исследования её сущности. Природа слова символична, и философия слова тем самым вводится в состав символического мировоззрения. Булгаков много писал о самом слове, однако никогда не отделял его от целостной системы речи, отмечая, что слово не может находиться вне контекста, так как в противном случае оно перестает быть словом и превратилось бы в простой звуковой сигнал. Булгаков отмечал, что космическое значение слова и его символическая составляющая представляют собой точку, не имеющую измерений, во вселенной и существуют только в связи с этой вселенной и как исходный пункт для бесконечных проявлений вселенной (космофаний). В то же время, использование языка возможно только в рамках речевого контекста, в живой и непрерывно меняющейся среде слов, значений и высказываний. Булгаков утверждал, что слово живо и является живым смыслом только в речи, и отдельное слово просто не существует как абстракция, подобно тому, как не существуют отдельно взятые сердце или легкие или другие органы живого тела. Поэтому, несмотря на то, что первооснову речи, космические её корни, мы искали и нашли в символах-словах, однако мировое всё никогда не говорит о себе с помощью отдельного символа или раздробленной сигнализацией, но через символы, связанные между собой, объединяющиеся, переливающиеся своими смыслами.

В этих словах мы находим подтверждение собственным выводам, что первооснову составляли не отдельные слова, слоги или выкрики, но

полноценный, целостный и живой язык. Язык вместе со своей средой есть целостное пространство, живущее в своём времени. Целостное пространство речевой деятельности охватывает вс. Вселенную, и оно восходит к Богу на протяжении всей истории развития человечества. Язык возможен только в этом грандиозном целостном духовном, социальном и природном пространстве и времени. И эти выводы нисколько не обесценивают значения слова в языке на всех стадиях его развития. Напротив, – именно слова обогащают нашу речь, именно слова наполняют смыслом наши высказывания, именно с помощью слов человек научился передавать знания, опыт и даже чувства и переживания. И тем не менее, само по себе слово не может являться самостоятельным обособленным первоначалом в антропоцентричном контексте. Когда мы говорим непосредственно о языке человека, о том даре, который получил он от Бога вместе со своей жизнью и всем, что её наполняло, совершенно точно и очевидно, что язык уже имел определённую форму и полноту, а также динамичность развития, присущую всему живому (ведь, получив язык от Бога, Адам получил право дать имена живым существам, то есть принять непосредственное участие в процессе творения и развития естественного живого человеческого языка).

Что являло собой слово и каков был (если был) язык до появления человека, не имеет значения просто потому, что, размышляя о человеческом языке, не имеет никакого существенного значения рассуждать о его возможных формах до начала человеческой истории, поскольку только с начала истории человечества язык можно назвать по-настоящему человеческим. И тогда в данном контексте становится очевидно, что языковым предком непосредственно человеческого языка был протоязык, единый полный, живой и развивающийся язык на стадии своего становления. То, что происходило (и происходит) с ним в дальнейшем, есть результат непосредственного антропологического влияния. Ведь даже библейская история о Вавилонском столпотворении свидетельствует об этом. Влияние человека не всегда была положительным и полезным, однако мы не можем отрицать, что именно оно накладывало отпечаток на истории его развития и преобразования. Начиная с древнейших времён, человек сам творил свою историю, создавая свою культуру (непосредственной частью которой является и язык), обычаи, и традиции.

Язык является целостным явлением, включенным во все духовно-нравственные и социальные аспекты жизни народа. Он может быть сохранен и защищен только в контексте целостного, благополучного социального духовно-нравственного пространства народа, как неотъемлемая часть этого пространства. Следовательно, для успешного развития личности важна вся его историческая речевая среда, находящаяся в процессе постоянного развития. Слова возникают в глубинах человеческого сознания как голоса, исходящие от самих вещей и сообщающие о них, не являясь при этом субъективными (хотя и могут иметь субъективный оттенок), но обладающие универсальной значимостью, что позволяет передавать их другим и обеспечивает их понимание всеми участниками коммуникации.

Любое знание является процессом наименования, и предикат, или идея, соединяясь с субъектом или подлежащим, образует имя. Так формируются все имена и названия. Это соединение может быть более или

менее постоянным и прочным, и в зависимости от его продолжительности мы разделяем так называемые «собственные» и «общие» имена. Любое имя в своем происхождении является общим, так как возникает от процесса наименования, однако в то же время оно обязательно становится собственным, когда оно прочно закрепляется за своим носителем как его постоянный предикат. Таким образом, носитель имени называется этим предикатом. «Слово – это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание. Слово космично в своём естестве», поскольку принадлежит «не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию» [1, с. 231]. Язык для того и дан человеку, что в нём и через него говорит вся вселенная, поэтому всякое слово – это не только слово данного субъекта о чём-то, но и слово самого чего-то. Человек в выборе слова понуждается онтологической необходимостью, он волен сказать или не сказать слова, вызвав или не вызвав тем самым идею, но, раз она вызвана к сознанию, он уже не властен её изменить, а может исказить её в осуществлении. Важнейшей составной частью философии имени С. Н. Булгакова является понимание им слова, имени как энергетической сущности, имеющей космический статус. Как уже было сказано, о. Сергей Булгаков создавал «Философию имени», основываясь на понимании софийной природы слова. Булгаковскому имяславию свойственен феномен «ословесненной космологии». «Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления, в этом всё дело», – к такому выводу приходит русский философ. Булгаков раскрывает онтологический и антропологический аспекты имени: «В антропологическом смысле: слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия». А проводя анализ имени, он утверждает, что «буква есть та первоматерия, в которой и из которой образует себе тело слово, идея; она всеобща, изначально так, как всякая простая краска или число» [1, с. 235].

Подводя итог анализу трудов двух выдающихся русских философов – Алексея Федоровича Лосева и Сергея Николаевича Булгакова, посвящённых философии имени, необходимо отметить, что оба философа рассматривали имя как важный инструмент познания и определения сущности объектов и явлений; и Булгаков, и Лосев считают, что в акте именования снимается противоположность между субъектом и объектом, познающим и познаваемым. Именованное, по их мнению, есть высший принцип проявления первосущности и в инобытии, высшая форма диалектического самораскрытия сущности. Однако, если Лосев акцентировал внимание на том, что имена имеют непосредственное влияние на обозначаемые объекты и участвуют в создании реальности, то Булгаков больше интересовался символической стороной имен и их значением для человеческого сознания. Таким образом, философия имени Лосева и Булгакова представляет собой два разных подхода к пониманию роли и значения имен в познании и бытии. Оба подхода имеют свои достоинства, и их сравнительный анализ позволяет лучше понять специфику каждого из них и их место в русской и мировой философии.

Список литературы

1. **Булгаков, С. Н.** Философия имени / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 446 с. – ISBN 5-02-026769-4.
2. **Лосев, А. Ф.** Философия имени / А. Ф. Лосев // Бытие – имя – космос : сборник / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва, 1993. – ISBN 5-244-00717-3. – С. 613–801.
3. **Седаев, П. В.** Проблема философия имени в работах С. Н. Булгакова / П. В. Седаев // Вестник научных конференций. Нижний Новгород. – 2015. – № 3. – С. 153–155.
4. **Соваков, Б. Н.** О языковой концепции Лосева / Б. Н. Соваков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Философия. Социология. Право». – 2013. – № 16(159), вып. 25. – С. 300–306.
5. **Флоренский, П. А.** У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики : (черты конкретной метафизики) : в 2 т. Т. 2 / П. А. Флоренский. – Москва : Акад. проект, 2013. – 607 с. – ISBN 978-5-8291-1483-1.

Goryunova T. N.

The concept of language evolution in the Russian «philosophy of the name»

The concept of language evolution is one of the central themes in the Russian philosophy of the name, which represents an original direction of philosophical thought. This concept attracts the attention of many prominent thinkers, including P. A. Florensky, S. N. Bulgakov, A. F. Losev and others. Special attention is paid to the relationship between language, thinking and being, as well as the role of language in the process of cognition and self-knowledge. The purpose of this work is to analyze the concept of language evolution in the Russian philosophy of the name. To do this, the ideas of various thinkers and their contribution to the development of this theory will be considered. Special attention will be paid to the relationship between language, thinking, being and the process of cognition.

Key words: *philosophy of the name, the doctrine of the name of A. F. Losev, scientific concept of S. N. Bulgakov, language and thinking, glottogenic process.*

Исторические науки и археология

УДК 94 (477.61) "1941/1945" : 355.012

Агафонов Александр Иосифович,
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
agafonof@mail.ru

Воропай Елена Сергеевна,
ассистент кафедры истории Отечества
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
voropay.elena18@mail.ru

Преступления немецко-фашистских захватчиков и их пособников на оккупированной территории Луганщины (1942–1943 гг.)

В статье исследуются преступления немецких оккупантов на оккупированной территории Луганщины: в Краснодоне, Луганске, Кондрашевке, районе Острой могилы, Меловском, Станично-Луганском районах.

Показаны формы и методы немецко-фашистских преступлений в отношении гражданского населения.

Ключевые слова: *оккупация, пособники, коммунисты, евреи, Луганск, Краснодон, Свердловск, Острая Могила, Ровеньки, «Молодая гвардия».*

Изучение преступлений нацистов и их пособников, донесение фактов преступлений до учащихся и молодежи становится более актуальным в свете проводимой Специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, начавшейся 24 февраля 2022 г. Ведь именно в событиях более чем 80-летней давности находятся корни русофобии, вылившейся в гражданскую войну на Украине в 2014 г., которая переросла фактически в открытое противостояние нашей страны с коллективным Западом сегодня. Отмена культуры, открытые ущемления русскоговорящих граждан в большинстве стран Европы, физические расправы по языковому и религиозному признаку, открыто используемые нацистские символы – более чем явные признаки возрождения самой человеконенавистнической идеологии, приведшей к десяткам миллионов жертв в прошлом и собирающей свою «кровавую жатву» уже в настоящем времени.

Ключевым фактором такой ситуации являются недостаточные знания нашей молодежи о трагедии мирного населения СССР, оказавшегося под нацистской оккупацией в годы Великой Отечественной войны. Молодежь практически ничего не знает о фактическом истреблении советского народа со стороны оккупантов, о роли, которая была уготована поработенным народам в Третьем Рейхе.

Целью данной работы является изучение и анализ преступлений нацистов и их пособников на оккупированной территории Луганщины.

Задачи работы:

- рассмотреть идеологию нацизма и нацистский «новый порядок» на оккупированной территории Донбасса;
- исследовать условия оккупации и предпосылки к террору населения Луганщины;
- проанализировать поведение нацистских пособников оккупационного режима на Луганщине.

Для решения задач, поставленных в исследовании, был использован широкий круг источников.

Первыми документами Советского государства были ноты народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 6 января 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилии немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских территориях и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». 2 ноября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

В 50-е гг. XX в. начинается период активного обсуждения вопроса о военных преступлениях нацистов. В работе Н. Н. Полянского «Международное правосудие и преступники войны» обоснована необходимость уголовного преследования виновных в военных преступлениях. Широкую известность приобрели работы Г. Н. Александрова, Е. П. Мелешко, посвященные конкретным актам военных преступлений. М. И. Семиряга в работе «Тюремная империя нацизма и ее крах» анализирует все совершенные немецкими захватчиками категории преступлений, включая преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории СССР.

В ноябре 2020 г. в рамках проекта «Без срока давности» подготовлен и опубликован сборник документов о преступлениях нацистов против мирных жителей в годы Великой Отечественной войны. В сборник, состоящий из 23-х томов, вошли недавно рассекреченные архивные материалы, содержащие конкретные данные о жертвах преступлений нацистов.

Среди научных работ о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на Донбассе можно выделить учебное пособие в 2-х частях «История Великой Отечественной войны. 10 класс», изданное коллективом авторов: Т. Ю. Анпилогова, В. А. Бельдюгин, Л. В. Благушина и др., а также статью А. С. Саенко «Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941–1943 гг.)»

Накануне Великой Отечественной войны на совещании 30 марта 1941 г. Гитлер заявил: «Мы обязаны истребить население – это входит в нашу миссию охраны германской нации. Я имею право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви». Согласно указу «О военном судопроизводстве», который был зачитан в немецких войсках 21 июня 1941 г., запрещалось отдавать офицеров и солдат Вермахта под суд, какое бы преступление против мирного населения они не совершали:

«Было предоставлено полное право применять к мирным жителям карательные меры борьбы, как то: истреблять русское население по своему усмотрению, полностью сжигать деревни, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию» [8, с. 67].

В планах Третьего Рейха Донбассу отводилось особое место. Богатейший запас угля и плодородные почвы вызвали особый интерес германского руководства. Этот регион в начале Второй мировой войны являлся одним из самых крупных промышленных центров СССР, на который приходилось 60 тонн угля, 50 тонн металла. Планы Третьего Рейха предусматривали использование угля для собственной промышленности и фронтовых перевозок, для организации выработки чугуна, металла и производства проката, для производства и ремонта танков, паровозов, минометов и прочих военных орудий.

17 июля 1942 г. в город Ворошиловград (ныне Луганск) вошли немецко-фашистские войска, а 22 июля они заняли Свердловск – последний населенный пункт Украины, после чего вся территория республики оказалась в оккупации немцев и их союзников. Ворошиловградская область занимала часть той территории УССР, которая из-за близости к фронту была непосредственно подчинена военной немецкой администрации.

По всей области была создана система временных концлагерей для военнопленных, в которых массово истреблялись нелояльные по отношению к оккупационной власти лица. Так, в лагере, располагавшемся в Меловском районе, погибло около 1200 военнопленных, в Станично-Луганском – около 2000, на ст. Кондрашевская – 1500 человек.

Определенную часть населения на оккупированной территории составляли и коммунисты, которые либо не успели эвакуироваться, либо не пожелали этого сделать. Коммунистов, которые не были уничтожены сразу, оккупационные власти заставляли регистрироваться, а в случае отказа – расстреливали. Так, в Краснодоне в августе 1942 г. немцы живьем закопали в землю тридцать коммунистов-шахтеров, не явившихся на регистрацию. Всего в Краснодонском районе зверски замучены и расстреляны 242 человека. По статистическим данным установлено, что в районе после оккупации не оказалось 4003 человек, из которых угнано в Германию 347 человек, пропало без вести 532 человека [3, с. 3].

Расстреливали также стариков, инвалидов, детей, психически больных и беспомощных людей. Например, в марте 1943 г. в селе Иллирия Лутугинского района были расстреляны 15 стариков, находящихся в доме инвалидов; на хуторе Суходол Славяносербского района – 19 детей-инвалидов [9, с. 110].

В апреле 1943 г. в Попаснянском районе гитлеровцы загнали детей на минное поле, в результате чего 37 детей подорвались на минах. В Артемовском районе за время оккупации было расстреляно 602 человека [4, с. 8].

Следующая категория, подлежащая уничтожению, – еврейское население.

60% еврейского населения Европы подверглись систематическим преследованиям и уничтожению в Германии и на захваченных ею территориях в 1933–1945 гг. На территории бывшего СССР эта цифра составила в общей сложности 2 миллиона 900 тысяч человек.

Основная масса евреев была уничтожена айнзацгруппами, которым активно помогали армейские части и полицейские формирования.

Подавляющим большинством расстрелянных во второй половине 1942 г. евреев Луганской области были жители областного центра. Причем евреи составили 58% всех уничтоженных нацистами мирных жителей Ворошиловграда. Их расстреливали, травили, душили газом [10, с. 45].

Жестокая трагедия разыгралась в Луганске в кровавое воскресенье 1 ноября 1942 г., когда гитлеровцы уничтожили свыше трех тысяч мирных граждан. Эта акция была тщательно спланирована и готовилась заблаговременно. В конце октября по указанию военной комендатуры многим семьям (в первую очередь, еврейским) были вручены извещения с требованием явиться на стадион им. Ворошилова (ныне «Авангард») к 7 часам утра. С собой необходимо было взять ценные вещи и продукты на трое суток. На стадион потянулись мужчины и женщины с грудными детьми на руках, больные и беременные, старики, дети. Место сбора было оцеплено эсесовцами. Часть пришедших гитлеровцы погрузили в автомашины, а остальных погнали пешком в район Острой Могилы – к месту массовой казни. В течение нескольких часов фашисты расстреливали из автоматов и пулеметов ни в чем не повинных людей и сталкивали их тела в противотанковый ров [1, с. 6, 7].

В другой части города, в районе Иванищева Яра, также обнаружена яма с 56 трупами мужчин, из которых несколько человек было в военных костюмах; всего комиссией обнаружено 1957 трупов замученных и расстрелянных граждан [1, с. 7].

Специфика региона, как и постоянная перспектива изменения линии фронта, обуславливала частую смену настроений местного населения, которое по-разному встретило приход немцев. Нередкими были и случаи, когда представители городского и сельского населения, особенно пострадавшие в советский период от политики «раскулачивания» и репрессий, стремились помочь немцам и враждебно относились к красноармейцам. Немцам, безусловно, требовалась новая администрация на оккупированных территориях. Причем чаще всего на должности сельских старост и городских бургомистров людей назначали принудительно. Хотя встречались и добровольцы, готовые служить новой оккупационной власти.

Полиция также набиралась преимущественно из местных жителей и формально подчинялась старостам и бургомистрам. Хотя на самом деле они находились в подчинении немецких карательных органов: гестапо, полиции безопасности, СС, СД и других. Поэтому им приходилось участвовать в репрессиях в отношении мирного населения и во многих трагедиях Великой Отечественной войны присутствует их немалый вклад. Они устраивали облавы на членов ВКП(б), подпольщиков, партизан, диверсантов, разведчиков. Выявляли случаи содействия организациям сопротивления и искали сочувствующих советской власти лиц. Да много чем они занимались. Всего и не перечесать. По факту, этих людей нужно было судить, как военных преступников, но до суда многие не дожили благодаря партизанам [8, с. 136].

Например, в городе Рубежное немецкую комендатуру возглавлял капитан Гауфман, а его пособниками были: начальник районной полиции Стариков Алексей Поликарпович, ранее работал в городе Рубежное в отделе

связи – фельдшером-связистом; начальник городской полиции Ильченко – бывший белый офицер, ранее работал в городе Рубежное бухгалтером предприятия песчаного карьера; начальник жандармерии города Рубежное Кадацкий, бывший работник Рубежанского химического завода [10, с. 48].

5 января 1943 г. на допросе в полиции житель оккупированного немцами Краснодона Геннадий Почепцов выдал своих товарищей по подпольной организации «Молодая гвардия». Прийти в полицию посоветовал отчим Василий Громов. По его наводке немцы арестовали в общей сложности три десятка человек, не лояльных к «новому порядку» – коммунистов, советских и профсоюзных работников и просто лиц, уклонявшихся от регистрации на бирже труда или ляпнувших крепкое словцо в адрес оккупантов.

С другой стороны, автор серьезного исследования русского коллаборационизма Б. Ковалев отмечает: «Среди старост и прочих представителей новой русской администрации были люди, занявшие эти посты по принуждению, заданию советских спецслужб. По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны личный состав русской полиции оказался расколот. Часть сотрудников с оружием в руках перешла на сторону партизан» [8, с. 72].

В целом на Луганщине оккупанты уничтожили 45649 мирных жителей, а с учетом людей, умерших от голода и артобстрелов, число погибших жителей области достигает 100 тыс. [10, с. 52].

Таким образом, Великая Отечественная война и немецкая оккупация стали тяжелым испытанием для Ворошиловградской (ныне Луганской) области. Но ее жители выстояли, из руин подняли разрушенную оккупантами экономику и в короткие сроки создали условия для дальнейшего развития и процветания края.

Список литературы

1. **Акт Ворошиловградской комиссии** о вскрытии массового захоронения мирных граждан в г. Ворошиловграде в районах «Острая Могила» и «Иванищев Яр» // Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. – Ф. Р-1658. – Оп.1. – Д. 154. – Л. 6–7.
2. **Акт Ворошиловградской комиссии** о вскрытии могил с трупами жертв фашистского террора около г. Ворошиловграда в районе поселка завода им. «ОР» // Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. – Ф. Р-1658. – Оп. 1. – Д. 387. – Л. 1а, 1б, 1в.
3. **Акт Краснодонской районной комиссии** по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими оккупантами, и расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами в отношении гражданского населения Краснодонского района Ворошиловградской области // Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. – Ф. Р-1658. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 1–3.
4. **Анпилогова, Т. Ю.** Нацистский оккупационный режим на Ворошиловградщине / Т. Ю. Анпилогова, О. А. Онищук // Наша газета. – 2004. – 20 марта (№ 42(3705)). – С. 6–12.
5. **Без срока давности:** преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в

- годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А. В. Юрасов. – Москва : Связь Эпох, 2020. – 576 с. – ISBN 978-5-6043945-3-3.
6. **Докладная записка** зам. начальника войск НКВД по разведывательной работе подполковника Тарасенко начальнику Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии комиссару госбезопасности Леонтьеву о зверствах немецких захватчиков во временно оккупированных районах Ворошиловградской области Украинской ССР // Российский государственный военный архив. – Ф. 32880. – Оп. 4. – Д. 456. – Л. 20–21.
 7. **Из акта комиссии** по расследованию массового расстрела советских граждан в г. Ворошиловграде. 13 апреля 1943 г. // Луганский облгосархив. – Ф. Р-702. – Оп. 6. – Д. 159. – Л. 48–51.
 8. **Ковалев, Б. Н.** Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 483 с. – ISBN 5-17-020865-0.
 9. **Луганщина в годы Великой Отечественной войны.** 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов / [сост. А. М. Бурлаков и др.]. – Донецк : Донбасс, 1969. – 386 с.
 10. **Саенко, А. С.** Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941–1943 гг.) / А. С. Саенко // Наука. Общество. Оборона. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 34–54.

**Agafonov A. I.,
Voropai E. S.**

**Crimes of the Nazi invaders and their accomplices
in the occupied territory of Luhansk region (1942–1943)**

The article examines the crimes of the German occupiers in the occupied territory of the Luhansk region: Krasnodon, Lugansk, Kondrashevka, the area of Acute Grave, Melovsky, Stanichno-Lugansk district.

The forms and methods of Nazi crimes against the civilian population are shown.

Key words: *occupation, accomplices, communists, Jews, Lugansk, Krasnodon, Sverdlovsk, Ostroj Grave, Rovenki, "Molodaya Gvardiya".*

УДК 327.8(73) «20»

Кравец Юрий Антонович,

канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры всемирной истории и
международных отношений
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
yuriykravetch1975@mail.ru

Левкович Артур Эдуардович,

магистрант, направление подготовки
«Международные отношения. Мировая политика»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
levkovich.arthur322@mail.ru

«Мягкая сила» во внешней политике США в начале XXI века

В данной статье рассматривается роль «мягкой силы» во внешней политике США в начале XXI века. Анализируются основные концепции и стратегии, используемые США для достижения своих внешнеполитических целей с помощью дипломатии, экономической помощи, культурного влияния и «мягкой силы». Приводятся примеры конкретных событий и инициатив, которые иллюстрируют использование «мягкой силы» США в решении глобальных проблем и разрешении региональных конфликтов.

Ключевые слова: «мягкая сила», США, внешняя политика, дипломатия, культурный обмен, гуманитарная помощь, развитие, демократия, международное сотрудничество.

Актуальность рассматриваемой темы. «Мягкая сила» – это способ достижения геополитических целей путем привлечения других стран к своей стороне без применения насилия. Важнейшими элементами «мягкой силы» являются культурные, экономические и образовательные факторы. «Мягкая сила» – это способ стратегической коммуникации, который применяется для создания своего имиджа, увеличения влияния и продвижения своих интересов в международном сообществе.

Принципы использования «мягкой силы» включают активное продвижение своих идей и ценностей, создание имиджа лидера в мировой политике, а также поддержку культурных, социальных и экономических связей между США и другими странами. Согласно Джозефу Наю, «мягкая» сила государства зиждется на трёх главных составляющих: «его (государства) культуре (в том случае, когда она привлекательна для других), его политических ценностях (в том случае, если оно следует им как в своей внутренней, так и внешней политике), а также его иностранной политике (когда остальные страны признают её легитимной)».

Степень научной разработки и обзор последних публикаций. Теме «мягкой силы» во внешней политике США уделяется значительное внимание в недавних научных публикациях. Несколько недавних публикаций внесли свой вклад в научную разработку и обзор этой темы. Одной из

примечательных публикаций является книга под названием «Мягкая сила как инструмент внешней политики США» [7], в которой исследуется важность «мягкой силы», присущей гражданскому обществу, такому как американские университеты, СМИ и технологические компании. В ней также обсуждается, как подъем Китая, которому не хватает сопоставимого гражданского общества, проверит значимость «мягкой силы» в глобальной борьбе за свое влияние.

Другой важной публикацией является статья под названием «Мягкая сила и будущее внешней политики США» [8], в которой пересматривается оригинальная концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Наем. Его труд добавляет новые перспективы к оригинальной триаде источников «мягкой силы», подчеркивая влияние выдающихся личностей.

Кроме того, еще одна статья, посвященная «мягкой силе» и американской внешней политике [9], дает представление об источниках американской «мягкой силы», о том, как они остаются привлекательными, несмотря на непопулярные внешнеполитические решения, и о сохранении антиамериканских настроений. Это предлагает ценный исторический контекст и проливает свет на изменения и преемственность в «мягкой силе» Соединенных Штатов.

Цель исследования. В данной работе делается попытка изучить роль «мягкой силы» во внешней политике США в начале XXI века; проанализировать основные концепции и стратегии, используемые США для достижения своих внешнеполитических целей с помощью дипломатии, экономической помощи, культурного влияния и «мягкой силы»; рассмотреть примеры конкретных событий и инициатив, которые иллюстрируют использование «мягкой силы» США в решении глобальных проблем и разрешении конфликтов.

Изложение основного материала. «Мягкая сила» отличается от «жесткой силы» прежде всего: во-первых, непрямым воздействием; во-вторых, большим разнообразием средств; в-третьих, растянутостью воздействия во времени; в-четвертых, меньшей предсказуемостью и очевидностью результатов воздействия на начальном этапе в отличие от применения мер воздействия той же самой «жесткой» силы; в-пятых, применение инструментов «мягкой» силы не носит характер «кнута» и «пряника» и часто находится за пределами правительственного контроля государств.

Из перечисленного нами списка сам основоположник теории «мягкой силы», профессор Най, выделял два пункта:

- нахождение большого количества ресурсов «мягкой силы» за пределами правительственного контроля;
- растянутость воздействия во времени («работая косвенно, они (составляющие «мягкой силы») формируют среду для проведения политики, и иногда получение желаемых результатов занимает целые годы») [1, с. 35].

Как можно увидеть, пункты 2, 4 и 5, приведенные нами, подпадают под формулировку, данную в пункте 1, перечня характерных признаков ресурсов и инструментов «мягкой» силы по Джозефу Наю. Своим перечнем характеристик мы бы хотели чуть шире и подробнее раскрыть критерии, выведенные Джозефом Наем. Теперь обратимся конкретнее ко второй

составляющей «мягкой силы», а именно, к политическим ценностям государства во внутренней и внешней политике. Наряду с культурными, у стран они могут быть схожими, либо одно государство обладает неким набором подобных ценностей, которые кажутся другому весьма и весьма привлекательными, существуют заимствованные, приобретенные. Джозеф Най отзывается о привлечении как о гораздо более сильном инструменте воздействия, нежели принуждение, указывая на то, что многие ценности, как, например, демократия, права человека, возможности для личного роста представляются в позитивном свете очень многим [2, с. 23–24].

Заканчивая анализ составляющих «мягкой силы», обращаемся к последней – третьей составляющей, а именно, внешней политике государства. Говоря о ней, Най уточняет, что в контексте «мягкой силы» внешняя политика понимается не в качестве комплекса операций, а как международный авторитет государства с точки зрения принятия или непринятия её мировым сообществом, её легитимности в мире. В начале XXI века США начали все чаще использовать «мягкую силу» в своей внешней политике. Например, в 2003 году была запущена инициатива «Международное образование для будущего» [5, с. 207], которая была призвана повысить образовательный уровень в развивающихся странах и уменьшить разрыв между США и другими странами. Другим важным примером использования «мягкой силы» являются программы «US-Bangladesh Partnership Dialogue» и «Prosper Africa», которые направлены на повышение экономического развития в регионах, где это развитие отставало от мировых стандартов. Один из наиболее ярких примеров использования «мягкой силы» во внешней политике США – это «Открытое небо». Это соглашение между США, Россией и другими странами, которое позволило экспертам по военной авиации пролетать над территориями другой стороны без препятствий. Этот пример иллюстрирует то, что благодаря мягкой дипломатии можно добиться нетривиальных решений, которые оказывают положительное воздействие на весь мир.

Однако необходимо отметить, что «мягкая сила», как любой другой инструмент внешней политики, также имеет свои ограничения. Во-первых, использование «мягкой силы» может быть крайне сложным и требовать больших затрат, как финансовых, так и временных. Во-вторых, некоторые страны могут не считать США лидером в мировой политике и не желать следовать американским примерам. США использовали «мягкую силу» в своих дипломатических усилиях по укреплению отношений с другими странами и формированию своего лидерства. Одним из инструментов было активное участие в международных организациях, таких как ООН, НАТО, Мировая торговая организация и другие. США также активно разрабатывали и продвигали проекты в области развития, сотрудничества и борьбы с глобальными вызовами, такими как изменение климата и борьба с терроризмом.

Экономический аспект «мягкой силы» США был выражен через экономическую помощь, инвестиции, торговые отношения и развитие международных экономических институтов. США быстро стали главным экономическим донором многих стран, предоставляя им финансовую помощь и развивая проекты в области экономики, образования, здравоохранения

и технологий. Такие программы, как «Миллениумский вызов» и «Программа развития изменяющейся экономики» предоставили значительную помощь многим развивающимся странам и способствовали росту их экономик. Здесь уместно вспомнить послевоенный план Маршалла, который подразумевал всестороннюю экономическую помощь так называемым сегодня странам Запада, взамен на что Америка достигала своих политических интересов (например, запрет на допуск левых сил во власть за оказание финансовой поддержки). В дальнейшем было сформировано специальное Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), нацеленное на «экономическую помощь» зарубежным государствам. Не стоит забывать и про сферу кредитования, для которой были созданы Международный валютный фонд, а также Всемирный банк. Вся эта «экономическая поддержка» никогда не являлась бескорыстной, так как взамен страна, по отношению к которой проводилась «помощь», попадала либо в долговую долларовую кабалу, или же должна была идти на какие-либо уступки в пользу Соединённых Штатов [3, с. 44–45].

«Мягкая сила» США в культурной сфере стала ярко выражена в начале XXI века. Американская культура и стиль жизни, такие как фильмы Голливуда, музыка, мода и технологии, стали популярными во многих странах. Компании, такие как Apple, Microsoft и Facebook, активно продвигают американские технологические инновации по всему миру. США также внедрила «мягкую силу» через образовательные программы, стипендии для иностранных студентов и культурные обмены. Другим важным средством формирования имиджа США на мировой арене являются средства массовой информации. Американское телевидение посредством спутников как вещает на весь мир, так и продает свои программы, фильмы, сериалы телеканалам в самые разные точки планеты. Как нам кажется, телевидение для американцев – это некий идол, которому поклоняется вся страна. Свыше одного миллиарда людей в мире следят за новостными репортажами CNN. Телевизионный канал новостей CNN выполняет функции пропагандиста, который направляет в нужное «проамериканское» демократическое, политическое русло как само американское общество, так и различные социальные слои обществ зарубежных стран. Стоит упомянуть также и «глобальную паутину» США, в том числе всеми любимые социальные сети Facebook и Google. В начале 2013 года было зафиксировано свыше 700 млн. активных пользователей Facebook и более 300 млн. людей, предпочитающих поисковую систему Google. Политика «мягкой силы» США также имеет своих критиков, которые высказывают определенные сомнения и претензии по поводу ее эффективности и последствий. Вот некоторые примеры.

Одной из основных критик политики «мягкой силы» США является ее недостаточная эффективность в достижении конкретных политических и стратегических целей. Некоторые считают, что использование дипломатии, экономического влияния и культурного обмена может быть недостаточным для решения сложных международных проблем и конфликтов [4, с. 58]. Другая критика заключается в том, что политика «мягкой силы» может быть недостаточно сильной и влиятельной в сравнении с политикой «жесткой

силы». Некоторые считают, что использование военной силы и угрозы санкций может быть более эффективным способом защиты национальных интересов и достижения политических целей. Еще одна критика политики «мягкой силы» США связана с распространением американской культуры и ценностей. Некоторые страны и культуры считают, что американизация может привести к потере собственной идентичности и культурного разнообразия. Также существует критика в отношении применения политики «мягкой силы» США, связанная с обвинениями в двойных стандартах. Некоторые страны считают, что США применяют политику «мягкой силы» только в тех случаях, которые соответствуют их интересам и игнорируют нарушения прав человека и демократических принципов в других странах [6, с. 254].

В целом, политика «мягкой силы» США имеет своих сторонников и критиков. Однако, несмотря на критику, она остается важным инструментом внешней политики США и продолжает использоваться для достижения своих целей и укрепления своего влияния в мире.

Заключение. Таким образом, в начале XXI века использование «мягкой силы» США во внешней политике стало ключевым элементом стратегии формирования и поддержания влияния страны в мире. Дипломатический, экономический и культурный векторы оказали значительное влияние на отношения США с другими странами и способствовали привлечению и поддержанию союзников. «Мягкая сила» играет важную роль в современной внешней политике США. Как показали примеры, использование «мягкой силы» может привести к продвижению идеологических ценностей, экономическому и культурному развитию в других странах, предотвращению конфликтов и повышению престижа США в мире. Однако, использование «мягкой силы» также может быть сложным и иметь ограничения. Учитывая это, США будут продолжать балансировать между «мягкой» и «жесткой силой», выбирая оптимальные инструменты для достижения своих геополитических целей.

Перспективы дальнейших разработок в данном направлении. Эта публикация вносит вклад в научное развитие понимания «мягкой силы» во внешней политике США. Переоценивая источники «мягкой силы» и анализируя ее влияние, мы информируем дискуссии и формируем взгляды на роль «мягкой силы» в международных отношениях. Важно отметить, что это всего лишь малая часть предстоящей работы по этому направлению и дальнейшие исследования обеспечат более полное научное понимание и развитие «мягкой силы» во внешней политике США, что позволит ещё больше погрузиться в исследование данной проблемы.

Список литературы

1. **Алексеева, Т.** Насилие и демократия в политике США / Т. Алексеева // Международные процессы. – 2008. – № 2. – С. 33–39.
2. **Астафьева, Е. М.** «Жесткое влияние «мягкой силы» / Е. М. Астафьева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2009. – № 12. – С. 17–28.
3. **Валлерстайн, И.** «Постамериканский период» мировой истории / И. Валлерстайн // Международные процессы. – 2009. – № 3. – С. 40–45.

4. **Валовая, М. Д.** Политика : учебник / М. Д. Валовая. – Москва : Магистр, 2008. – 335 с. – ISBN 978-5-9776-0079-8.
5. **Власть, взаимозависимость и негосударственные субъекты мировой политики** / под ред.: Х. В. Милнер и Э. Моравчика. – Принстон : Принстон Юниверсити Пресс, 2009. – 320 с. – ISBN 978-0-691-14028-5.
6. **Геополитика** : учебник / [Абрамова О. Д., Буянов В. С., Гаврилов Ю. Н. и др. ; отв. ред. Л. О. Терновая, С. В. Фокин] ; под общ. ред. В. А. Михайлова. – Москва : Изд-во РАГС, 2007. – 456 с. – ISBN 9785772902547; 5772902547.
7. **Неймарк, М. А.** «Мягкая сила» в мировой политике / М. А. Неймарк ; предисл. Е. П. Бажанов. – Москва : Дашков и К, 2017. – 350 с. – ISBN 978-5-394-02795-6.
8. **By Ohnesorge.** Soft Power and the Future of U.S. Foreign Policy / Edited by Hendrik W. Ohnesorge. – Manchester, UK : Manchester University Press, 2023. – 280 pp. – ISBN 978-1-5261-6911-2. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/soft-power-and-future-us-foreign-policy> (date of access: 15.01.2024). – Text : electronic.
9. **Joseph S. Nye, Jr.** Is the American Century Over? / S. Nye Jr. Joseph. – Cambridge : Polity Press, 2015. – 152 p – ISBN 978-0-7456-9007-0. – URL: <http://www.politybooks.com/> (date of access: 15.01.2024). – Text : electronic.

**Kravets Y.A.,
Levkovich A. E.**

«Soft power» in U.S. foreign policy at the beginning of the XXI-st century

This article examines the role of «soft power» in U.S. foreign policy at the beginning of the XXI-st century. The main concepts and strategies used by the United States to achieve its foreign policy goals through diplomacy, economic assistance, cultural influence and «soft power» are analyzed. Examples of specific events and initiatives that illustrate the use of US «soft power» in solving global problems and resolving regional conflicts are given.

Key words: «soft power», USA, foreign policy, diplomacy, cultural exchange, humanitarian aid, development, democracy, international cooperation.

Политология

УДК 327

Дибас Оксана Андреевна,

канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры всемирной истории
и международных отношений
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
oksana-dibasa@rambler.ru

Милокост Любовь Сергеевна,

канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой всемирной
истории и международных отношений
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
lubov.milokost@mail.ru

Борзенков Владислав Романович,

магистрант, направление подготовки
«Международные отношения.
Мировая политика»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
sepsr.romanov@gmail.com

Политика Си Цзиньпина по продвижению китайского влияния на мировой арене

В данной статье рассматриваются основные инициативы, выдвинутые 12-м Генеральным секретарем КПК, лидером КНР Си Цзиньпином. Особое внимание уделено инициативе китайского лидера «сообщество единой судьбы человечества», которую по праву называют одной из ведущих политических идей современного КНР. Центральное место в статье занимает анализ инициатив Си Цзиньпина, процесс их реализации и воздействие на усиление китайского влияния на мировую политику.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, «великая держава», «сообщество единой судьбы человечества», китайский лидер, китайская инициатива.

На XVIII съезде КПК, который проходил с 8 ноября по 15 ноября 2012 года, состоялась передача власти от «четвертого» к «пятому» поколению китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. Личность нового Председателя, избранного на свой пост в марте 2013 года, до этого уже была известна многим как внутри Китая, так и за его пределами, поскольку Си с 2008 года занимал должность заместителя Председателя и уже в то время осуществлял множество зарубежных визитов. Заняв наивысшие посты в китайской политической иерархии, Си Цзиньпин внес значительный вклад в изменение как внутренней, так

и внешней политики, его продолжающееся правление уже называют «новая эра» или «эра Си Цзиньпина».

Первой инициативой Си Цзиньпина после XVIII съезда КПК стала идея о «китайской мечте» (чжунго мэн), впервые о которой китайский лидер заявил в ноябре 2012 года на выставке «Путь к возрождению» в Китайском национальном музее [7]. Центральное место в новой идее занимает возрождение великой китайской нации, осуществление которого разделено на два этапа: к 2020 году – построение общества «сяокан» (среднего достатка), к 2050 году – общества «датун» (гармоничного или же наивысшего общества). Термины «сяокан» и «датун» относятся к конфуцианству, и Си Цзиньпин, говоря о «китайской мечте», объединил идеи конфуцианства и социализма. Великое возрождение китайской нации предполагает как внутривнутриполитический трек – единство и консолидация нации, так и внешнеполитический – укрепление позиции Китая на мировой арене за счет внутреннего развития [5]. Председатель Си противопоставляет «столетнему периоду унижения китайской нации» идею о великом возрождении и возвращении справедливого места для Китая.

В дальнейшем продолжение трека «китайской мечты» на международной арене стал «китайский план» для мира, озвученный Си Цзиньпином 28 марта 2014 года на выступлении в немецком Фонде Кербера. «Китайский план» означал совершенствование современных международных отношений, в которых Китай смог бы внести свой вклад посредством помощи в решении множества международных проблем [8]. Данный план является весьма гибким, поскольку в Китае исключили из него упоминания о «китайской модели» или «китайской специфике», оставив большое пространство для маневра при его реализации.

Гибкость в формулировании своих инициатив является одной из особенностей внешнеполитических установок КНР, в частности в правлении товарища Си. Предлагая свои инициативы международному сообществу, китайское руководство не использует в своей терминологии узконаправленные слова или выражения, отдавая большее предпочтение обобщенным фразам.

Инициатива «Один пояс, один путь» (далее – ОПОП) в свою очередь является примером отсутствия как экономических рамок, сводящихся к обобщению о выгоде для всех участников проекта, но и размытости политической составляющей. Ввиду отсутствия точных рамок ОПОП, как в экономической, так и политической сфере, руководство КНР с меньшим сопротивлением может заручиться поддержкой большинства стран, необходимых для реализации инициативы, поскольку имеется большее место для аргументации о взаимовыгодном сотрудничестве. Запрет на использование терминов «проект», «стратегия» и «программа», введенный в 2015 году, является подтверждением гибкости китайских политиков.

Внешнеполитические и внешнеэкономические инициативы, выдвигаемые Си Цзиньпином, обладают ключевой особенностью, отличающей их от предыдущих китайских инициатив. Данные инициативы являются дополнением остальных, и, в случае успешной реализации одной из инициатив, последующие обретут больший шанс на воплощение в жизнь. В пример можно привести инициативу ОПОП, являющуюся экономической,

и концепцию «сообщества единой судьбы человечества», выступающей как политическая и культурная идея.

Для раскрытия предыдущего примера необходимо детальной углубиться в «концепцию сообщества единой судьбы человечества» (далее – КСЕР). Первое публичное заявление о КСЕР было озвучено китайским лидером в рамках 70-й Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в 2015 году [2]. Однако сама идея возникла в 2007, когда Ху Цзиньтао заявил о «общности судьбы», но тогда Председатель Ху делал акцент на китайских соотечественниках за рубежом. Си Цзиньпин расширил идею своего предшественника до глобальной. В расширенной трактовке Си продолжает линию о перестройке современного мироустройства на мир, основанный на гармонии и согласии. Китайский лидер, как и в «китайской мечте», вновь использует конфуцианские трактаты, но в этот раз на мировом уровне. Помимо этого, Си Цзиньпин делает упор на связи судьбы всех стран и народов нашей планеты. Для процветания мира сформированы пять направлений совместной деятельности: политика, безопасность, экономика, культура, экология. Кооперация стран и народов в выбранных сферах деятельности поможет совершенствовать современный миропорядок [10].

В первую очередь, КСЕР направлена на развивающиеся страны, где заручиться поддержкой Китая будет легче. Большое количество стран, поддерживающих или участвующих в концепции, вовлечет в обсуждение инициативы развитые страны, возвысив ее до глобального уровня.

Инициатива ОПОП, как и КСЕР, первоочередное внимание также уделяет развивающимся странам. Оставляя большее пространство для обсуждения концепции ввиду их неточного звучания, Китай оставляет за собой возможность как для аргументации, так и конкретизации при обсуждении концепций с развивающимися странами Азии, Африки и Европы.

Кроме того, Си Цзиньпин усовершенствовал продвижение внешнеполитических идей на мировой арене, начав повсеместное обсуждение концепций. Китайский лидер использует множество площадок для реализации проектов. К примеру, развивая КСЕР, Си Цзиньпин на саммите G20, состоявшемся в Ханчжоу в 2016 году, продолжил утверждать о реформировании миропорядка и китайском виденье на этот счет [4]. Председатель также использует форумы БРИКС, ШОС, АТЭС, АСЕАН, на которых ретранслирует различные инициативы. Используются также двусторонние форматы: Китайско-африканский форум сотрудничества, Китайско-латиноамериканский форум и др. Анализ выступлений показывает, что в каждой аудитории Си Цзиньпин определяет приоритеты и акценты, исходя из специфики проводимого мероприятия.

Обсуждая КСЕР с развивающимися странами, Пекин уделяет внимание двум составляющим: реализация КСЕР окажет благоприятное воздействие на решение разных региональных проблем; Китай позиционирует себя как развивающуюся страну, исходя из чего страны будут стремиться к взаимному развитию [3]. Определяя себя как развивающуюся страну, Китай ставит себя в равноправные отношения с другими странами, чем подтверждает свои принципы «о равноправных, суверенных и справедливых» отношениях, что будет стимулировать к принятию китайских концепций.

Одним из основных результатов по продвижению КСЕР стало вхождение идеи Си Цзиньпина в резолюцию Совбеза ООН в 2017 году. Помимо этого, идея была поддержана другими институтами ООН, такими как Комиссия социального развития, Совет по правам человека ООН. Это говорит о возросшем влиянии не только КНР, но и идей Председателя.

Важным направлением деятельности Си Цзиньпина по продвижению КСЕР стало международное гуманитарное сотрудничество, предусматривающее культурный плюрализм, то есть сохранение в условиях глобализации культурных особенностей каждой нации [6]. Яркий пример представляет собой конференция «Диалог азиатских цивилизаций», проведенная по инициативе Си Цзиньпина в мае 2019 г. в Пекине.

С 2012 года дипломатия КНР развивается под руководством Си Цзиньпина. Его внешняя политика получила название «дипломатия великой державы с китайской спецификой», что подтверждает достижение стратегической цели по восстановлению статуса сверхдержавы [1]. Она основана на формировании международных отношений большой страны и занимается глобальными делами на основе концепции и духа великой державы. Предпосылкой формирования концепции «дипломатии великого государства с китайской спецификой» является приобретение «китайского облика» во внешней политике КНР. Неотъемлемой частью поиска национальной специфики становится демонстрация устойчивости и предсказуемости китайской дипломатии, наличия у нее прочных ценностных устоев. «Великодержавность китайской дипломатии также выражается тем, что Китай выступает с идеями о реформировании современного миропорядка, но подходит к этому вопросу со всей «ответственностью», которая присуща великим державам [9]. Пекин полагает, что внес в развитие мира существенный вклад, что также возвышает его роль как великой державы. Китай и в будущем планирует подходить к различным вопросам с «ответственностью», постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу.

В 2016 году Ван И, характеризуя «дипломатию великой державы», заявил, что основными целями являются всемерное продвижение «китайской мечты» о национальном возрождении и строительство «сообщества единой судьбы человечества». При этом стратегический выбор Китая – собственное мирное развитие и одновременно содействие международному мирному развитию. Таким образом, можно проследить взаимодополняемость и взаимозависимость концепций Си Цзиньпина.

Еще одной теорией Си Цзиньпина является концепция «международные отношения нового типа». Как и с КСЕР, истоки концепции исходят от других китайских лидеров, в данном случае от Мао Цзэдуна и его теории «трех миров». Теорию «трех миров» на XVIII съезде развивал Ху Цзиньтао. В своем докладе он поделил страны мира на три направления, отличающиеся по характеру и содержанию: развитые страны; сопредельные государства и остальные развивающиеся страны. Подчеркивается, что в отношениях с развитыми странами Китай намерен расширять сферу сотрудничества, разрешать разногласия и «продвигать новый тип отношений между крупными державами, характеризующийся долгосрочным, стабильным и прочным развитием» [11]. Для продвижения данной инициативы Си Цзиньпин

продолжает использовать различные международные площадки. Первой такой площадкой, где китайский лидер объявил о своей инициативе, стал МГИМО, где Председатель выступал в 2013 году. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал членов мирового сообщества совместными усилиями продвигать процесс установления международных отношений нового типа, ядром которых станет взаимовыгодное сотрудничество, подчеркнув, что Китай с твердой решимостью идет по пути мирного развития [10].

В отношениях с развивающимися странами Китай будет укреплять единство и сотрудничество, защищать их законные права и интересы, способствовать увеличению их представительства и голоса в международных делах и оставаться «их надежным другом и верным партнером навсегда» [12].

Си Цзиньпин на современном этапе внес значительный вклад в становление КНР в роли великой державой. Все вышеперечисленные инициативы, выдвинутые Си Цзиньпином, можно отнести к элементам продвижения китайского влияния на мировой арене. Китай берет на себя большую ответственность «великой державы», участвует в мировых процессах и обсуждении реформы мироустройства, в которых планирует занимать одно из важнейших мест. КНР демонстрирует всему мировому сообществу не только свой экономический потенциал, но и политические возможности, происходит процесс «возрождения» Китая и китайской нации, в котором Си Цзиньпин занимает ведущее место. Основным приоритетом является реформирование существующего миропорядка, в котором великие державы основное внимание будут уделять сотрудничеству и кооперации, оставив менталитет «холодной войны» и противостояние в прошлом.

Список литературы

1. **Бояркина, А. В.** Осмысление «дипломатии великой державы с китайской спецификой»: общее и особенное / А. В. Бояркина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Политология. История. Междунар. отношения». – 2021. – № 3. – С. 90–97.
2. **Варченко, А. Л.** Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица / А. Л. Варченко // Китай в мировой и региональной политике: история и современность : [сб. ст. : ежегодник / редкол.: Е. И. Сафронова (отв. ред., сост.), О. У. Муфаззалова]. – Москва, 2022. – ISBN 5-8381-0111-3. – Вып. 27. – С. 71–83.
3. **Денисов, И. Е.** Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 5. – С. 89–98.
4. **Мокрецкий, А. Ч.** Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина / А. Ч. Мокрецкий // Международная жизнь. – 2019. – № 3. – С. 10–18.
5. **Нежданов, В.** Изменяющийся язык китайской дипломатии / Владимир Нежданов. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам : [сайт]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/izmenyayushchiysya-yazyk-kitayskoj-diplomatii/?sphrase_id=90111986 (дата обращения: 08.04.2023).
6. **Нежданов, В. Л.** История происхождения политики «мягкой силы» в КНР / В. Л. Нежданов // Китай: история и современность : материалы

- VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. / [редкол.: Бугров Д. В. и др.]. – Екатеринбург, 2015. – ISBN 978-5-7996-1430-0. – С. 182–187.
7. **Нежданов, В.** «Новая эра» Си Цзиньпина: развитие КНР и перемены в международных отношениях / Владимир Нежданов. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам : [сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/-novaya-era-si-tsinpinga-razvitie-knr-i-peremeny-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/> (дата обращения: 17.04.2023)
 8. **Се, Тао.** Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину» / Тао Се. – Текст : электронный // Carnegie endowment for international peace : [сайт]. – URL: <https://carnegiemoscow.org/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 07.04.2023).
 9. **Сун, Чжихао.** От дискуссий о смысле «мирного подъема» до ценностных ориентиров современной внешней политики: некоторые взгляды из Китая / Чжихао Сун // Проблема Дальнего Востока. – 2022. – № 3. – С. 56–77.
 10. **Харитонов, А. И.** «Мягкая сила» с китайской спецификой / А. И. Харитонов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Политология. История. Междунар. отношения». – 2017. – № 1(7). – С. 113–120
 11. **Хубриков, Б. О.** «Мягкая сила» КНР в эпоху Си Цзиньпина / Б. О. Хубриков // Дискурс-Пи. – 2019. – Т. 16, № 1(34). – С. 77–89.
 12. **Shen, S.** 10 Characteristics of Chinese Diplomacy in the Xi Jinping Era / by Simon Shen. – Text : electronic // Foreign Policy Association : [website]. – URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2016/04/19/10-characteristics-of-chinese-diplomacy-in-the-xi-jinping-era/> (date of access: 15.04.2023).

**Dibas O. A.,
Milokost L. S.,
Borzenkov V. R.**

Xi Jinping's policy of promoting Chinese influence on the world stage

This article examines the main initiatives put forward by the 12th General Secretary of the CPC, Leader of the People's Republic of China Xi Jinping. Special attention is paid to the initiative of the Chinese leader "community of the common destiny of mankind", which is rightfully called one of the leading political ideas of modern China. The central place in the article is occupied by the analysis of Xi Jinping's initiatives, the process of their implementation and the impact on strengthening Chinese influence on world politics.

Key words: Xi Jinping, "great power", "community of the common destiny of mankind", Chinese leader, Chinese initiative.

Психологические науки

УДК 159.923.2: 17.022.1

Бажутина Светлана Борисовна

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
bajuta@mail.ru

Содержание духовно-нравственной составляющей Я-идентичности

Автор статьи описывает смысловое содержание духовно-нравственной стороны Я-идентичности через систему ценностно-смысловых ориентиров человека. Для подтверждения сделанных выводов им приводится анализ исследований, проведенных на Луганщине в разные годы. Интерпретация полученных результатов позволяет говорить об особенностях представленности феномена духовно-нравственной стороны идентичности человека вообще и, в частности, у современных молодых людей.

Ключевые слова: *духовно-нравственная Я-идентичность, религия, идеология, высшие смыслы, система ценностей, картина мира.*

В предисловии к книге одного из самых известных исследователей идентичности Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис» отечественный психолог А. В. Толстых дал следующее определение этому сложному феномену: «Идентичность, просто говоря, – это тождественность человека самому себе. ...понятие идентичности обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития. Идентичность – это прежде всего показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой скрыты, однако, на предшествующих стадиях онтогенеза» [7, с. 11].

В нашей статье мы решили обратиться только к духовно-нравственной стороне этого сложного образования как основному маркеру, позволяющему отличать человека от всех других живых существ, ибо только развивая себя нравственно и возвращая свой дух, индивид начинает осознанно и осмысленно относиться к правилам человеческого общежития, понимать их необходимость и целесообразную зависимость от качества социально-экономического устройства общества, ориентировать себя, свое бытие в мире на подлинные образцы людского совершенства.

Кроме того, нам представляется, что ситуация современного социально-экономического кризиса показывает неспособность и социального устройства, и экономики, часто использующих для манипуляций «партнерами» идеи лицемерия, обмана, порабощения и наживы, удерживать человечество в рамках нормального, природосообразного, гармоничного развития, неспособность уберечь человечество от разрушения и даже угрозы полного

самоуничтожения. Нужны другие идеи, которые смог бы рождать здоровый дух, воспитанный в системе здоровых, созидательных нравственно честных и адекватных законам жизни принципов. Эти мысли и сподвигли нас обратить внимание на духовно-нравственную сторону идентичности человека, ибо только широкое распространение среди людей жизнеутверждающей, созидательно-ориентированной, духовно-нравственной популяции людей способно было бы удержать человечество от гибели.

Небольшой ретроспективный экскурс в содержание понятия «духовно-нравственный». Анализ религиозной, философской, психолого-педагогической литературы позволяет сделать некоторые выводы относительно поставленной проблемы. Вопросы духа – жизни во временном периоде и вечности, знания и откровения, великого предназначения и пошлого существования, деяния подвига и греха и многие-многие другие – волновали человечество едва ли не с момента зарождения людских сообществ (именно сообществ, а уже потом отдельных индивидов в них!) и способности индивидов смотреть на себя со стороны в разных ракурсах и аспектах бытийности.

Эти вопросы и ответы, связанные с ними, люди аккумулировали в великое Знание, изложенное в основных религиозных учениях. В этих учениях все обозначенные проблемы были систематизированы, дополнены, адаптированы к реалиям современной тому времени жизни и вновь предоставлены людям. Религия стала первым проводником нравственности и духовности в массы. Примечательно, что в этом Знании проблемы духа всегда поднимались и решались параллельно с проблемами нравственного бытия человека. Факт очень важный: решение вопросов, связанных с поиском человеком высших смыслов, изначально гармонировало с правилами, правами и обязанностями человека в разных ситуациях события, которые опытным путем отбирались народами для установления в социуме общей атмосферы, наиболее благоприятствующей нормальной жизни и развитию людей. Так, в виде притчей, сказаний, проповедей во всех основных религиозных канонах появились и были детально изложены нормы и принципы, определяющие адекватность бытийности человеческой общности, указано основное направление высших форм духовного развития человека и описано содержание составляющих это развитие проблем (оставим за скобками идею о том, что все эти мысли на ранних этапах развития религии были овеяны еще и неким мистическим «сверхсмыслом», доступным только людям избранным, проводникам божественного на земле, а, по сути, так или иначе связанными с управленческими структурами государственной власти разных стран и народов).

После революции 1917 г. в связи с попытками уничтожения религии и церкви как опасного «духовного опиума» для народа в стране с самой большой территорией и устойчивой христианской верой на время воцарился хаос поиска «новых идей», создававший даже предпосылки для гибели неокрепшей социальной формации. Остановить разрушение удалось в немалой степени тем, что неформально были возвращены в виде «новой» идеологии («Кодекса строителя коммунизма») основные христианские принципы, в которых по существу, а по форме лишь в новой стилистике, были изложены прежние нравственные нормы и даже в какой-то мере сохранено основное содержание религиозной веры – необходимость духовного очищения

человека, правда, уже с целью совместного, справедливого социального созидания и актуализации возможностей отдельного человека для улучшения человеческой общности, в целом для гармонизации жизни на земле.

Известный советский, российский философ А. А. Зиновьев в своей книге «На пути к сверхобществу» писал, что и религия, и идеология в любом государстве выполняют пропагандистскую функцию. Коннотация содержания этой функции ученым двоякая: с одной стороны, пропаганда имеет своей целью сохранение стабильности и порядка в социуме путем принуждения людей к исполнению определенных норм и правил, за невыполнение которых человека ожидает наказание, чем и обеспечивается целостность и жизнеспособность государства. Но, с другой стороны, пропаганда приводит к унификации внутреннего мира всех членов общества, они становятся «одинаковыми», «серенькими», динамика жизни в стране замирает и останавливается. По мнению философа, только малая группа пассионарных личностей способна обеспечивать развитие и качественные изменения в человеческом сообществе [4].

Согласимся с А. А. Зиновьевым относительно того, что и религиозные учения, и государственная идеология довольно мощно работают на поддержание единообразия ментальности граждан. Действительно, сила убежденности народных масс зависит от частоты звучания пропагандируемых идей в социуме, их эмоциональной наполненности, а еще от референтности тех личностей, которые данные идеи декларируют.

Но сила идейной убежденности народа зависит не только от них. Есть некие общие, спонтанные установки, привитые семейным воспитанием и вызванные особенностями коллективного бессознательного социальной общности, которое выкристаллизовалось ее многовековым историческим культурно-экономическим и духовно-нравственным развитием. Сила идейной убежденности увеличивается еще и под воздействием определенного качества реальной социально-образовательной событийности конкретного человека и социальной формации в целом. Пассионарии могут появиться лишь там, где основные человеческие ценности – справедливости, свободы и ответственности, уважительного отношения к человеку, созидающему и способному защитить ближнего, – наблюдаются в реалиях нашей обычной жизни. Заметим, однако, что пассионарии могут появляться не только среди тех, кто направляет вектор справедливого, гуманного, прогрессивного общечеловеческого развития, они могут появиться и в той среде, где цветут идеи социальной стратификации, исключительности отдельных наций, особого права «сильного» и т. д. По нашим ощущениям, противостоять идеям этих последних можно только количеством нравственно здорового «позитивно запропагандированного» сообщества, в котором культурные и духовно-нравственные принципы в большей мере отвечают жизненным реалиям.

Кроме того, мы полагаем, что пропагандистская функция и религии, и идеологии не должна сводиться к простому внушающему воздействию на сознание людей и формированию у них лишь готовности поддерживать идеи деятелей религии или власти. Правильно организованная пропаганда активно способствует подаче массам объективных, правдивых знаний о наличной ситуации в стране и в мире, объяснению гражданам логики

происходящих событий с позиции господствующей в государстве идеологии и политики. Современная ситуация показывает, что это, действительно, необходимая и неизбежная составляющая современной жизни любого общества, если оно хочет сохранить свою целостность и стабильность существования.

Еще в 2021 г. мы проводили исследование (в нем участвовали 182 человека), в котором параллельно с использованием батареи методик проводили еще и анкетирование относительно вовлеченности наших респондентов в изучение истории России, ее политики и современной геополитической проблематики, в чтение художественной литературы отечественных авторов. Оказалось, что те, кто положительно оценивал интересующие нас параметры, структурировали картину Мира, в целом, значительно адекватнее, системнее выделяли в ней социально-значимые смысловые дихотомии, их ценности были связаны с созидательным, человеческим отношением к жизни и другим людям. Те же, кто осознанно не принимал обозначенные критерии, отличались в массе своей выраженной эгоцентричностью, меркантильностью ценностей, мало адекватным и хаотичным видением мира [2]. Эти данные выразительно убеждают в необходимости широкой популяризации среди населения исторических, политических, идеологических знаний. Навязываемые ныне убеждения в ненужности поиска смыслов высокого порядка (смысла человеческой жизни, служения Родине и народу, поиска субъектности своего миссийства и мессианства, а также ряда других), попытка замены этих смыслов на псевдоидеи свободы выбора пола, «как бы раскаяние» за расовую дискриминацию, идеи «чайлдфри» и т. п. ведут человечество к хаосу, бессмысленности, внутреннему опустошению, к манипулированию незрелым сознанием молодых людей, к отвлечению от решения подлинных, серьезных проблем социального мироустройства, ведут вообще к расчеловечиванию и уплощению духа и нравов. Поэтому сегодня как никогда важно разобраться в содержании духовно-нравственной идентичности субъекта, независимо от того, какой он национальности, этнической принадлежности, пола, социального и материального положения.

Поэтому вернемся к разговору о психологическом содержании духовно-нравственной составляющей идентичности человека и, продолжая мысль о том, что эта сторона Я-идентичности человека представляет собой освоенные субъектом смыслы религиозных и идеологических воззрений, мы будем настаивать на необходимости объединения в своей основной сущности их содержания. Нам представляется, что в современных условиях жизни государств противопоставлять каноническим религиозным постулатам похожие идеологические убеждения атеистов недальновидно и даже разрушительно.

Так, по данным нашего исследования 2019 г. (424 человека, средний возраст испытуемых 34 года), 70% всех респондентов ценность религии включили в первые 10 ценностей (общее количество ценностей – 20). А вот среди испытуемых 2021 г. (средний возраст – 21 год) – только 40%. Но и в той, и в другой выборке прямая положительная корреляционная зависимость (при $p < 0,01$) наблюдалась между этой ценностью и ценностями: «сохранения национальной принадлежности, своей этнической идентичности» и «служением Родине и своему народу». Следовательно, можно сделать вывод,

что в сознании нашего народа значимость религиозной веры устойчиво связывается не только с ментальностью и культурой нации, но и со служением народу и Отечеству.

При этом в самой большой выборке (424 чел.) только 278 респондентов (66%) при структурировании картины мира опирались на четкое понимание дихотомии конструкта «добро/зло». Напомним, что, по данным наших исследований, это *необходимое условие* для наиболее адекватного, логически обоснованного восприятия мира, направленного на утверждение созидательного и гуманного существования человека на земле [1]. Все эти испытуемые демонстрировали явное принятие «добра», которое связывали с *уважительным отношением к человеку, своей совестью, мамой, отцом, собственным Я, сотрудничеством с другими людьми, личной свободой и ответственностью за свои действия и поступки, семьей, познанием окружающего мира и желанием сделать все вокруг красивым и гармоничным*, а «зло» они откровенно не принимали, «зло» у них положительно коррелировало с *бедой, зависимостями от чего бы то ни было и кого бы то ни было, унижением и насилием над другим человеком*. В этой группе лишь 74 человека (26% группы) признавали для себя особую значимость религии [1]. Получается, что большая адекватность восприятия мира этой группой обусловлена не религиозностью респондентов, а их образовательно-воспитательными светскими убеждениями.

Вместе с тем, 125 испытуемых данной выборки не смогли отдифференцировать полюса дихотомии. Они, создавая для себя Модель Мира, часто *добро* связывали со *злом, насилием, унижением другого человека, родителями, своей совестью, личной свободой и преумножением материальных ценностей*. Ценностная активность этих людей на уровне осознанной готовности была направлена на собственное материальное обогащение, а их установки на другого человека оказывались весьма размытого, противоречивого, невнятного содержания (почти такие же расклады и корреляционные связи фиксируются и во всех других выборках в группах с извращенным пониманием дихотомии конструкта «добро/зло»). При этом значимость религии в данной группе для себя отметили тоже 74 человека (но это уже 59% от общего числа). Признаваемая самими респондентами для себя необходимость религиозности не очень-то влияла на духовно-нравственные выборы их позиции [1].

Таким образом, приведенные факты убеждают, что гуманистическая направленность личности, ее духовно и нравственно более высокие ценности и смыслы не всегда зависят от приверженности людей религиозным постулатам и религиозной вере. Идеиные убеждения атеистов, проживающих на территории Донбасса, нередко несут в себе более гуманистическое и созидательное содержание. Примечательно вместе с тем, что в системе духовно-нравственных ориентиров во всех последних экспериментальных группах испытуемых осознанно выбираемые ценности *«быть Человеком, жизнь свою строить по человеческим принципам»*, ценность *«жизни по Совести»*, ценность *«познания сути всего происходящего вокруг»* и ценность *«самосовершенствования»* всегда входили в систему приоритетных, независимо от особенностей восприятия полюсов дихотомического конструкта. Это обстоятельство позволяет нам говорить о том, что на уровне

осознанного выбора респондентами озвучиваемых им духовно-нравственных ценностей их содержание по ряду параметров часто является общим, свидетельствующим об обобщности принятия всеми нашими людьми идей гуманизма, познания и совершенствования себя. Позволим себе утверждать, что в коллективном бессознательном людей Донбасса, в целом, сохраняются и доминируют созидательные гуманистические установки.

Приведенные факты позволяют сделать ряд важных предварительных выводов относительно содержания духовно-нравственной составляющей идентичности современных людей.

1. Ценностно-смысловая направленность духовно-нравственного содержания Я-идентичности человека не зависит от силы его религиозной веры: и верующие, и неверующие граждане в современном социуме выбирают для себя примерно одну и ту же систему ценностей, если рассматривать содержание сделанных выборов. Подлинный же выбор скорее обуславливается либо внутренними спонтанными установками, либо осознанно предпочитаемыми убеждениями.

2. Адекватность структурирования индивидуальной смысловой картины окружающего мира конкретного субъекта в большей мере определяется качеством восприятия дихотомического конструкта «добро/зло» и степенью адекватности его эмоционального отношения к осваиваемым смыслам, нежели осознанным структурированием содержания духовно-нравственных ценностей. Последнее больше зависит от понимания респондентами социальной желаемости делаемых ими выборов.

3. В своей субъективной картине мира индивид всегда определенным образом воссоздает собственное его понимание (правда, оно далеко не всегда полностью осознанно, четко структурировано и системно, что в дальнейшем подтверждается индивидуальными терапевтическими беседами с испытуемыми), а уже, исходя из этого, человек пытается определить свое уникальное место в нем. Кроме того, мир людей, освоивших в норме содержание полюсов дихотомии, отличается в большей мере относительной устойчивостью положительных смыслов «добра» и отрицательных – «зла». Значительная часть социально-значимых понятий у этой группы испытуемых всегда тяготеет к полюсу «добра» и создает его особую конфигурацию, индивидуально неповторимую в каждом отдельном случае. Зло же у этих людей чаще связано исключительно только с агрессией, насилием над человеком и с другими формами порабощения тела и духа. Этими основными характеристиками, видимо, и будет определяться сущностная основа духовно-нравственной идентичности живущего в нашей стране человека: «добра» много, оно объемно и разновекторно, а «зла» – мало, но оно вполне конкретно направлено против человека.

4. Испытуемые, которыми дихотомия «добра/зла» на бессознательном уровне воспринимается спутано, мир вообще слабо структурируют, у них и «добро», и «зло» наполнены часто одними и теми же смыслами, а полярными оказываются категории, объективно таковыми не являющиеся. Позиция этих респондентов оказывается выражена неявно и неясно, поэтому говорить о содержании их духовно-нравственной идентичности сложно.

Сделанные наблюдения позволяют вернуться к более детальному рассмотрению специфики духовно-нравственной стороны Я-идентичности

человека. Начнем с объяснения самого понятия «духовность». В своей статье «Деятельность. Знание. Духовность» В. П. Зинченко определил его содержание так: «Духовностью называют поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения» [5, с. 88].

В этом определении *духовностью* назван деятельностный процесс, активность человека по поиску в себе возможностей для улучшения своей природы, главное содержание которой заключается, по мнению ученого, в постоянной когнитивации истины всего сущего. Подобную особенность духовности в той или иной степени отмечали практически все ведущие отечественные психологи: К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и многие другие. Все они говорили о том, что суть духовности заключается в совершенствовании человеком своих возможностей познания окружающего мира. Причем, это не только совершенствование индивидом своих когнитивных возможностей, это и его стремление выйти как бы «за пределы себя», в некую «трансцендентную» реальность для решения архисложных проблем. При этом многими авторами отмечалось, что активизация новых значимых целей и смыслов осуществляется духовно развитым человеком не столько для себя, сколько для улучшения жизни общества в целом. Л. С. Выготский связывал данный процесс с переходом личности в состояние «вершинной психологии», когда человек становится способным решать сложные проблемы духа и нравов.

Обратим внимание на одну важную содержательную особенность «духовности» – это не просто «процесс поиска истины во всем сущем» субъектом, это, в первую очередь, **поиск Человека как некой непрложной истины в себе**, поиск качеств, позволяющих, помогающих видеть Человеческое и в себе, и в других, сохранять и оберегать Человечность во всем, быть понимающим и милосердным даже при проявлении жестокости, созидать и творить на благо жизни Человека на земле. Познавательная активность при таком толковании духовности приобретает некое подчиненное значение и определяется смыслами поиска факторов продолжения жизни всего рода человеческого на земле.

Направляется духовный поиск индивида, по мнению многих авторов, системой освоенных им ценностей. Вообще ценностями и смыслами по существу определяется все содержание духовного мира субъекта и сам факт наличия духовности в его сознании. Как писали об этом Р. В. Овчарова и С. В. Уманский, «...личностная ценность – идеальное представление о должном, задающее направление жизнедеятельности и выступающее источником смыслов» [6, с. 87]. Другими словами, именно созданная индивидом для себя система ценностей определяет смыслы, которыми субъект обозначает мир и свою деятельность в нем. Этими ценностями и смыслами будет характеризоваться степень духовного развития конкретного человека.

В «представлении о должном» проявляются ценности, сущностно характеризующие Человека: согласно общечеловеческим традициям выживания, – это стремление к сознательной, справедливой организации социальных сообществ, уважение к человеку вообще, общинность

существования, творческое созидание полезного, гармонизация мира и жизни индивида в нем, это умение посочувствовать и прийти на помощь тем, кто в беде.

Вокруг этих основных маркеров «духовности» и группируются смыслы, которыми будет определяться духовно-нравственное лицо человека. Как точно заметил Б. С. Братусь, «...понятно, что ход нормального в нашем понимании, т. е. направленного на присвоение родовой человеческой сущности, развития смысловой сферы должен состоять в одновременном движении ... к общечеловеческим представлениям, смысловой идентификации с миром и по линии перехода от нестойких, эпизодически возникающих отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям». В ценностном содержании духовности отражается «универсальность, высшая нравственная способность человека отождествлять себя со всем человечеством...» [3, с. 87–89].

Подытоживая сказанное, сформулируем содержательные компоненты духовно-нравственной идентичности человека:

- уважительное отношение к любому человеку, вне зависимости от его национальности, статусности и социальной принадлежности;
- глубокое знание культуры своего народа (как духовной, так и материальной), постоянное внимание к ее изменениям и движениям, отражаемое этносознанием людей;
- интерес к особенностям социально-экономической и духовной жизни других народов, стремление разобраться в разных сторонах их бытийности, в сложном взаимодействии стран и этносов, в их поведении, общении и деятельности, особенностях менталитета;
- стремление к познанию целостности окружающего мира и отдельных ее составляющих, своего места в нем и собственной социально-значимой миссии;
- развитие в себе творческой, изобретательской активности, направленной на усовершенствование и гармонизацию жизни людей;
- принятие природосообразных правил и законов построения человеческой бытийности: здоровый образ жизни, активный созидательный труд, создание традиционной семьи, уважительное отношение к старшим и забота о воспитании и образовании младших, справедливое социальное устройство и справедливое распределение благ, возможность равноправного участия в социальной жизни страны и т. д.

Пожалуй, этим кратким перечнем содержательных компонентов можно ограничиться, хотя духовно-нравственная сфера конкретного человека всегда уникальна, своеобразна и особенна. Объединяет уникалов в сфере духа пять общих качеств: все эти люди глубоко и нелицемерно человечны, способны строить равноправные отношения сотрудничества с другими людьми разных этносов, вероисповеданий и убеждений, у них ярко, хотя и в разной форме, проявляется созидательное, творческое, жизнелюбивое начало, они готовы нести ответственность за свои действия и поступки, готовы к серьезным самоограничениям во имя установления справедливого, направленного на развитие каждого и всех, человеческого строя.

Мы глубоко убеждены, что духовно-нравственная сторона Я-идентичности больше не должна описываться никакими другими конкрет-

ными чертами, к ней не стоит предъявлять никаких других требований, чтобы не ограничивать свободу творческого поиска. Людей с подобного рода качествами надо выращивать, образовывать и осознанно сберегать в любом социуме. Мы намеренно говорим об этих людях на языке светской науки, так как убеждены, что духовно-нравственная сфера нашего современника, впитав в себя основные религиозные постулаты и правила бытийности «человека верующего», должна быть все же намного шире, объемнее и сложнее по характеру решаемых ею проблем, нежели в период становления и развития религий. Учиться решать эти проблемы должны как люди, совершившие для себя теологический выбор, так и называющие себя «атеистами».

Покажем на примере анализа данных последней выборки испытуемых (2022–2023 гг.), как представлена у наших респондентов духовно-нравственная составляющая Я-идентичности. Выборка – 195 человек, жители ЛНР. Как мы уже писали в более ранних своих статьях, социально-значимые и духовно-нравственные смыслы группируются вокруг полюса «добра» у испытуемых, которые при структурировании картины мира используют конструкт «добро/зло». В связи с этим всю нашу последнюю выборку мы поделили на три группы: первая – «норма», где явно выделены полюса конструкта. Респондентов этой группы было 126 чел. (65% общей выборки). Вторая – «деформаторы», у которых полюса либо смешаны в областях принятия/непринятия или же находятся в извращенной логике восприятия: «зло» – принимается, «добро» – отвергается (63 чел., 32%). Третья – «размытые»: к «добру» и «злу» испытуемые относятся индифферентно, разница между полюсами 1–3 балла, один из полюсов «5» или «6» баллов. Таких было 26 чел. (13%).

Принятие ценности религиозной веры для ощущения собственного счастья (поставили эту ценность на 1–8 места) обнаружено: в первой группе – у 63 чел. (50%), во второй – у 14 чел. (22%), в третьей – у 8 чел. (31%). Как видим, самое большое количество в первой группе, самой большой (50% группы). В целом же, данная ценность не вошла в систему основных у большинства обследованных респондентов.

Интересно, что ценность религиозной веры в общей выборке 195 чел. (как и во всех предыдущих исследованиях других лет) положительно коррелировала (на уровне $p < 0,001$) с ценностями «сохранения своей национальной принадлежности, своей этнической идентичности» (0,383) и с «возможностью созидать на благо своей Родины, своего народа» (0,336). Отрицательные же корреляционные связи этот показатель продемонстрировал с ценностями: «Я, мое душевное состояние и материальное положение» (–0,387), мое здоровье (–0,319), «главное – быть профессионалом своего дела!» (–0,262), «только любовь, только наслаждение любовью!» (–0,256), «главное – это постоянно самосовершенствоваться» (–0,362).

Таким образом, можно сделать предположительный вывод, что люди, активно проповедующие необходимость веры, в большей мере, чем нерелигиозные, склонны сохранять свою этническую идентичность и больше нацелены на служение Родине и народу. Они не эгоистичны, не являются гедонистами и меркантильными людьми, скептически относятся к современным идеям самосовершенствования, которые, по результатам нашего же исследования, характерны большинству испытуемых, что

свидетельствует о доминировании у подавляющего большинства респондентов нашей выборки индивидуалистического эгоцентризма, направленного только на улучшение собственного Я (заметим, что показатель «самосовершенствования» имеет выраженную отрицательную корреляцию с показателями «необходимости самому отвечать за собственные действия и поступки» и желанием «созидать во имя Родины и народа»).

Посмотрим, как распределились ценностные ориентиры в каждой из выделенных групп. В отличие от предыдущих наших исследований, в выборке испытуемых 2022–2023 гг. и в группе «норма», и в группе «деформаторы» на первое место вышла ценность «Я», на второе – «мое здоровье», что еще раз свидетельствует, в сравнении с исследованиями предыдущих лет, об усилении эгоцентрической направленности выбора в системе ценностей в обеих группах. Однако, у «деформаторов» дальнейшее ранжирование было следующим: 3. Главное – самосовершенствоваться. 4. Моя семья. 5. Главное – всегда добираться до сути происходящего, правильно понимать ее и делать нужный выбор. 6. Остаться в согласии со своей Совестью. 7. Быть профессионалом. 8. Деньги позволяют человеку быть хозяином жизни, и чем их больше, тем лучше.

Отметим, что на последнем месте в их системе поставлена ценность «иметь возможность созидать на благо своей Родины, своего народа». Примечательно также, что понятие «моя Совесть», принимаемое 47% респондентов этой группы, у них положительно коррелирует (параметр «моя Совесть» в проективной методике ЦТО) с акзитивными потребностями (0,328 при $p < 0,01$ по методике ОЭН Б. И. Додонова) и со шкалой жизненных целей (0,329 при $p < 0,01$ по методике СЖО Д. А. Леонтьева. Однако, с другими шкалами по методике Д. Леонтьева значимых корреляций нет, что свидетельствует о нереалистичном, прожектерском характере целей респондентов.)

Таким образом, получается – по существу цели «деформаторов» связаны с переживаниями накоплений, по большому счету не имеющих для человека практической реализации. Мы видим также, что то, что они называют Совестью, наполнено тоже подобного рода переживаниями и не имеет какого-либо духовно-нравственного содержания.

Приведенные факты достаточно ярко свидетельствуют о том, что люди с деформациями восприятия смыслового конструкта «добро/зло» чаще эгоцентричны, их ценности прагматичны и утилитарны, у них не обнаруживается стремлений к поиску в себе собственного духовно-нравственного лица, ими отрицается необходимость служить Родине и своему народу.

Обратимся к ранжированию ценностей в группе «норма»: 3. Моя семья. 4. Главное оставаться всегда Человеком, жизнь свою строить по общечеловеческим принципам. 5. Жизнь в согласии с людьми, в уважении ими, позволяет чувствовать себя счастливым. 6. Главное – остаться в согласии со своей Совестью. 7. Главное – всегда добираться до сути происходящего, правильно понимать ее и делать нужный выбор. 8. Самосовершенствоваться.

Как видим, выборы ценностей респондентами этой группы имеют, в отличие от предыдущей, выраженную направленность на добрососедскую жизнь с другими людьми, на уважительное отношение к другим, что также подтверждается соответствующими корреляциями с категориями по

методике ЦТО. Так, «моя Совесть» у представителей группы положительно коррелирует с «Я сам» (0,294 при $p < 0,01$) и «моя мама» (0,247 при $p > 0,01$). Ощущение «личной свободы» у этих людей тем позитивно ярче, чем выше самооценка принятия их другими и выше уровень положительного отношения к своему мужу (жене). Испытуемые группы значительно чаще, чем «деформаторы», принимают категории «уважительного отношения к человеку» и «сотрудничество с людьми», вместе с тем они явно не приемлют «зло» и «насилие над человеком, унижение его».

Примечательно, что ценность Я, стоящая у этой группы испытуемых в ранге ценностей на первом месте, коррелирует с ценностью «быть истинно религиозным человеком» (0,339 при $p < 0,001$) и ироничным отношением к работе («работа не волк, в лес не убежит!») (0,291 при $p < 0,001$). Этот факт говорит все же о слабой наполненности социально-значимым содержанием собственного Я и у этой части респондентов.

В целом, приведенный анализ позволяет сделать вывод, что люди, четко воспринимающие полюса конструкта «добро/зло», отличаются более внимательным и уважительным отношением к человеку, они готовы сотрудничать с другими. В их системе ценностей больше выражено содержание гуманного отношения к другим людям.

Обращает на себя внимание еще один факт: в обеих группах, и «норма», и «деформаторы», ценность «служение Родине и народу» на высоком уровне значимости положительно коррелирует с ценностями «участия в строительстве справедливого общества», «истинной религиозностью», «сохранением национальной идентичности», но при этом в первой группе эта ценность корреляционно противопоставляется еще и ценностям семьи, здоровья, профессионализма, карьерного роста, что, по нашему мнению, отражает особенности жизни в Донбасском регионе, где люди, активно служащие своей Родине и народу, в любой момент могут потерять и здоровье, и семью, и профессионализм...

Таким образом, респонденты группы «норма», с одной стороны, понимают, а 50% этой группы и принимают необходимость созидания во благо народа, Родины, готовы участвовать в строительстве справедливого строя, укрепления его национальной и духовно-нравственной сущности, но, с другой, – такого рода активность они считают вредной для своего личного здоровья, карьеры, семьи. Мы полагаем, что такие связи обусловлены реальной геополитической ситуацией в регионе, когда за подобные выборы людям нередко приходится платить собственной жизнью.

А «деформаторы» просто связывают высокими положительными корреляциями «служение своему народу и Родине» с категориями «все, что я не приемлю в этой жизни» и «готовностью слышать и понимать другого человека» (по ЦТО), что можно интерпретировать как понимание, что такая ценность «служения Родине...» в обществе есть, о ней они слышат, но принимать ее не хотят.

Все последние приведенные данные наглядно убеждают нас в слабости социально значимой активности молодых респондентов, ограниченности ее нуждами исключительно своего маленького собственного Я.

Третья группа испытуемых выстроила для себя следующую систему ценностей: 1. Главное оставаться всегда Человеком, жизнь свою строить

по общечеловеческим принципам. 2. Я, мое душевное состояние и материальное положение. 3. Главное – всегда добираться до сути происходящего, правильно понимать ее и делать нужный выбор. 4. Жить в согласии с Совестью. 5. Семья. 6. Мое здоровье. 7. Развитие творчества. 8. Самосовершенствование.

Напомним, что эта группа очень малочисленна, и говорить о каких-то устойчивых особенностях смысловых связей между параметрами методик сложно. Вместе с тем, анализ результатов этих испытуемых показывает серьезную противоречивость их выборов. Так, первая ценность, выбранная испытуемыми группы, имеет высокую положительную корреляцию (0,554 при $p < 0,001$) с их мнением «все, что я не приемлю в этой жизни». Примечательно еще, что у этой группы респондентов самые большие расхождения в самооценках между уровнем их притязаний и самооценкой (по адаптированному нами варианту теста Дембо-Рубинштейн), что свидетельствует о наличии у них проблем в оценивании себя.

Отметим последнее: испытуемые всех трех групп в систему основных ценностей вводят ценности семьи, здоровья, совершенствования и ценность Совесть.

В качестве общего вывода резюмируем: говорить о яркой выраженности духовно-нравственной составляющей Я-идентичности наших молодых респондентов вряд ли возможно. Хотя, с другой стороны, испытуемые всех групп в свои системы ценностей включили такие, которые несут ряд значимых смыслов этой составляющей: смыслы уважительного отношения к людям, отрицание насилия и зла, свободы и ответственности. Части респондентов свойственны размышления над проблемами служения Родине, народу, над справедливым устройством страны, в которой они живут. Особенно это было характерно для тех людей, которые имели в своей ценностно-смысловой структуре достаточно четкое представление о содержании понятий «добра» и «зла».

Таким образом, следует констатировать, что между теоретическим толкованием содержания духовно-нравственной составляющей идентичности человека и ее практическим воплощением в реальной жизни людей существует еще достаточно большая разница. Назвать наше население в полной мере духовно-нравственными личностями все же нельзя. Однако, наличие целого ряда ценностей и смыслов, связанных с поисками духа и подлинной нравственной сущности у большей части обследованных, говорит о том, что процесс очеловечивания себя нашими людьми уже начат.

Список литературы

1. **Бажутина, С. Б.** Дихотомические конструкты в структуре этнического самосознания личности / С. Б. Бажутина // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». – 2018. – № 1. – С. 42–46.
2. **Бажутина, С. Б.** Некоторые особенности формирования социально-значимых смыслов ребенка / С. Б. Бажутина // Дополнительное образование детей в сфере культуры и искусства: преемственность и инновации : сб. науч. тр. по итогам VI Всерос. науч. конф., г. Таганрог, 29–30 окт. 2021 г. / под ред. М. В. Кревсун. – Ростов-на-Дону, 2021. – ISBN 978-5-7972-2932-2. – С. 19–28.

3. **Братусь, Б. С.** Аномалии личности / Б. С. Братусь. – Москва : Мысль, 1988. – 301, [2] с. – ISBN 5-244-00008-X. – URL: <https://medbookaide.ru/books/fold1002/book1221/p1.php> (дата обращения: 26.06.2023). – Текст : электронный. – Режим доступа: сайт «Смысловая сфера личности».
4. **Зиновьев, А. А.** На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – Москва : Центрполиграф, 2000. – 689 с. – ISBN 5-227-00590-7.
5. **Зинченко, В. П.** Деятельность. Знание. Духовность / В. П. Зинченко // Высшее образование в России. – 2003. – № 5. – С. 81–91.
6. **Овчарова, Р. В.** Психология личности : учеб. пособие / Р. В. Овчарова, С. В. Уманский ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Курганский гос. ун-т. – Курган : РИЦ КГУ, 2010. – 237 с. – ISBN 978-5-4217-0039-5.
7. **Эриксон, Э.** Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с. – ISBN 5-01-004479-X.

Bazhutina S. B.

The content of the spiritual and moral component of Self-identity

The author of the article describes the semantic content of the spiritual and moral side of self-identity through a system of value and semantic guidelines of a person. To confirm his conclusions, he provides an analysis of studies conducted in the Luhansk region in different years. The interpretation of the results obtained allows us to talk about the peculiarities of the representation of the phenomenon of the spiritual and moral side of human identity in general and, in particular, among modern young people.

Key words: *spiritual and moral self-identity, religion, ideology, higher meanings, value system, picture of the world.*

УДК 37.015.3

Булах Ирина Петровна,
канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Хорошилова Ольга Евгеньевна,
учитель начальных классов
ГУ ЛНР «ЛОУ СОШ № 19»
pochta_bulah@mail.ru

О некоторых особенностях становления субъекта учебной деятельности в системе развивающего обучения

Анализируется содержание категории «субъект учебной деятельности», представленной в школе развивающего обучения (система Эльконина-Давыдова-Репкина). Подходы к определению субъекта учебной деятельности дополняются результатами лонгитюдного исследования и практическим опытом авторов статьи. Выделено содержание этапов становления субъектности младших школьников в системе развивающего обучения. Показано, что в границах младшего школьного возраста формируется коллективный субъект учебной деятельности, внутри которого рождается индивидуальный субъект учебной деятельности.

Ключевые слова: субъект учебной деятельности, коллективный субъект учебной деятельности, развивающее обучение, учебная деятельность, квази-исследовательская деятельность.

В середине прошлого столетия известный советский психолог Д. Б. Эльконин задался вопросом, как существующая на тот момент система обучения влияет на развитие младшего школьника. В результате проведенного масштабного исследования, одной из целей которого стала проверка гипотезы Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития ребенка, было обнаружено, что традиционная система (ТО) обучения ориентируется преимущественно на зону актуального развития, т. е. на возрастные образования, уже сформированные или формирующиеся к началу системного обучения. Перед исследователями встала архисложная задача – создать такую систему, содержание и методы которой целенаправленно управляли бы развитием ребенка. Такая система обучения, ориентированная на зону ближайшего развития младшего школьника, получила название «развивающее обучение» (РО). Участвовал в ее разработке целый ряд авторов, было создано несколько школ, среди них – система Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова [2]. Это одна из немногих систем, которая проделала весь сложный путь от гипотезы к теории, от теории к практике и стала одной из немногих психологических концепций, реально действующей в системе школьного образования России.

Известно, что психическое развитие может осуществляться только в формах обучения и воспитания, следовательно, эти формы всегда имеют

развивающий характер. Любое обучение и воспитание можно и нужно называть «развивающим». Однако, эффекты развития существенно отличают разные системы обучения и не всегда могут приводить к запланированному положительному результату.

В психологической науке утверждается, что смысловым ядром системы РО является теория учебной деятельности. Автор данной теории Д. Б. Эльконин считал, что учебная деятельность – это деятельность по самоизменению субъекта, поэтому понятие субъекта учебной деятельности является центральным в теории развивающего обучения [7].

Если цель системы развивающего обучения – преобразование обучающегося из объекта учебной деятельности в субъекта, т. е. ребёнка, способного учиться самостоятельно, то цели и стратегии обучения будут обеспечивать условия, когда формирование учащегося, т. е., ученика, способного к саморазвитию, превращается в главную задачу, как для педагога, так и для самого обучающегося [3].

Такое развитие возможно только тогда, когда имеется свое особое содержание учебных предметов, где приоритет отдается не репродуктивному запоминанию учебного материала, а способам работы с ним, где своя особая логика развертывания учебного процесса, где каждый этап характеризуется определенным типом коллективной деятельности, где решаются стратегические задачи формирования теоретического мышления младшего школьника.

В рамках целостной концепции Эльконина-Давыдова существуют несколько отличающихся друг от друга подходов к определению психологического содержания категории субъекта учебной деятельности.

В. В. Репкин – соратник и соавтор Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, настаивал, что эффективность учебной деятельности обеспечивают особые типы учебных задач, которые решает младший школьник в процессе ее освоения. Напомним, что учебная задача рассматривалась авторами программы как задача по поиску нового способа действия. В. В. Репкин, обосновав новую модель целеполагания, квалифицировал учебные задачи как практическую, исследовательскую и теоретическую. Эти задачи отличаются по содержанию целей и по условиям их достижения [4].

Такая схема организации процесса обучения дает возможность управлять развитием ребенка, формируя у него основы теоретического мышления. В результате такой деятельности индивидуальным субъектом будут присвоены действия содержательного анализа, планирования, учебной рефлексии. Эти действия, согласно взглядам основателей теории развивающего обучения, и характеризуют субъекта учебной деятельности (В. В. Давыдов, В. В. Репкин, Д. Б. Эльконин) [2; 4; 7].

Для Г. А. Цукерман быть субъектом учебной деятельности, значит быть способным к самостоятельному поиску новых способов действия в новой ситуации, быть активным, заинтересованным участником этого процесса [6]. Многолетние исследования её, её коллег и учеников указывают на существование определенной динамики становления субъекта учебной деятельности. Сначала в младшем школьном возрасте, в условиях систематически организованной совместной деятельности, субъект формируется в своих коллективных формах (коллективный субъект учебной деятельности)

и только к концу этого периода он начинает индивидуализироваться. Основными психологическими показателями становления субъекта учебной деятельности, с точки зрения автора, являются учебные действия, оценки и познавательная активность ученика [6].

Исследования Н. В. Репкиной показывают, что субъект учения характеризуется целостной системой интегративных процессов: определяющей рефлексией, пониманием, мотивацией и целеполаганием [4]. В этом подходе для субъекта характерен содержательный учебный интерес, побуждающий ученика поставить перед собой учебную задачу, а потом решать ее самостоятельно или с помощью другого человека.

Итак, несмотря на различия в теоретических подходах, исследователи придерживаются единого мнения, что развитие субъектности в учебной деятельности связано с развитием способности школьника учиться самостоятельно. Субъектность младшего школьника проявляется в его способности ставить учебные цели, а в соответствии с целями уметь планировать свою деятельность, включаться в поиск нового способа учебного действия, нести ответственность за полученные результаты.

У авторов этой статьи большой практический опыт реализации данной системы обучения. Анализ длительного лонгитюдного исследования, проведенного на базе классов развивающего обучения, позволил авторам уточнить динамику расширяющейся субъектности младшего школьника и выделить некоторые особенности становления его как субъекта учебной деятельности.

Экспериментальную выборку составили выпуски детей, обучавшихся по программе развивающего обучения в начальной школе с 1998 по 2014 гг. Обучение в классах строилось в соответствии с принципами развивающего обучения Эльконина-Давыдова. Учитель, работающий в этих классах, – учитель высшей категории О. Е. Хорошилова, прошла подготовку в Харьковском центре ННМЦРО под руководством В. В. Репкина и реализует систему РО в школе более двадцати лет.

Особое внимание уделялось диагностическому инструментарию, т. к. проблема исследования динамических показателей психологического феномена «структура учебной деятельности» требует специального методического обеспечения и особого подхода. Нами был выбран метод, соответствующий методу продольных срезов (лонгитюдное исследование) – мониторинг учебной деятельности. Технология мониторинга опирается на базовые дидактические положения практики развивающего обучения, а последовательность этапов мониторинга определили типы учебных задач, за которыми стоит логика разворачивания предметного содержания. Разработанная нами технология мониторинга учебной деятельности позволила использовать ее как особую форму диагностической и коррекционной практики, что реализуется в традициях гуманитарной парадигмы, где основной способ познания – понимание.

Используемый нами диагностический инструментарий был органично вплетен в структуру учебной деятельности – диагностические вопросы, диагностические задания, диагностические ситуации, встроенные в реальный учебный процесс. Результаты получены с помощью метода анализа результатов деятельности и его варианта контент-анализа, который

исходит из общей предпосылки о связи внутренних психических процессов и внешних форм поведения и деятельности.

Перейдем к обсуждению результатов исследования.

Под субъектом УД мы понимаем ученика, который способен в ходе решения конкретной учебной задачи, осознав дефицит способа учебного действия, самостоятельно определить цель и поставить задачи по поиску нового способа.

Наши многолетние исследования и практический опыт позволяют выделить несколько важнейших признаков субъектности индивида в учебной деятельности в границах младшего школьного возраста:

- умение адекватно принять цель, возникающую в ходе коллективно-распределенной учебной деятельности по решению учебной задачи;
- способность контролировать и оценивать свои действия по освоению нового способа УД;
- по результатам контроля и оценки корректировать их.

Сам же процесс становления субъекта учебной деятельности нами определяется как сложный, нелинейный, гетерогенный и гетерохронный процесс расширяющейся субъектности. Результаты обучения, наблюдаемые и диагностируемые с помощью методик, позволяют сделать вывод, что становление структуры учебной деятельности детерминировано как внешне (организация коллективно-распределенной деятельности), так и внутренне (индивидуальная когнитивная и личностная готовность) [1].

Анализ данных лонгитюда и их интерпретация с использованием методов математической статистики позволил выявить и описать четыре этапа становления психологической структуры учебной деятельности, психологическое содержание которых обеспечивается последовательностью введения учебных задач.

Первый этап – это этап адаптации, когда первоклассники включаются в коллективно-распределенную учебную деятельность при решении учебных задач букварного (русский язык) и дочислового (математика) периодов. Представим наглядно результаты корреляционного анализа на начальном (Рис. 1) и заключительном этапах (Рис. 2) становления учебной деятельности.

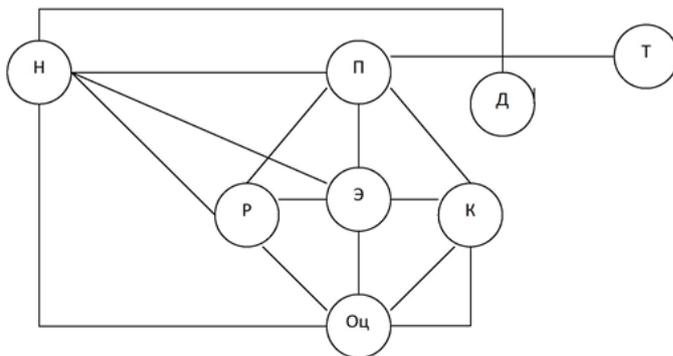

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей процесса становления учебной деятельности (первый класс)

На рисунке показаны все выявленные значимые корреляционные связи между психологическими показателями структур учебной деятельности и мышления младшего школьника (СТАТИСТИКА-7).

Интерпретируем результаты визуализированного количественного анализа. Видно, что именно на этом этапе внимание ребенка направляется на предметное содержание (Н), а учебные мотивы начинают доминировать над игровыми, представленными в детском эгоцентрическом мышлении (Д). Включаясь на этом этапе в коллективно-распределенную учебную деятельность при решении «промежуточных» учебных задач, дети сосредотачиваются на получении конечного практического результата. Достигнуть же практического результата можно только опытным путем, через реальные учебно-практические действия ребенка. Например, налить одинаковое количество воды в разные по форме сосуды, измерить длину, не пользуясь линейкой и т. д. Так, в первом классе в процесс учебной деятельности активно включается эмпирическое мышление ребенка (Э), а из структурных компонентов учебной деятельности начинают формироваться как действия контроля (К), так и оценки (Оц). При этом эмпирическое мышление не вступает в противоречие с уже имеющимся детским эгоцентрическим мышлением (Д). Последнее же, при правильной постановке учебной задачи, способствует развитию познавательного интереса, вовлекая младшего школьника в захватывающий поиск нового способа действия (П) и в коллективный процесс решения учебной задачи (Р). Опора на эмпирический опыт ребенка – это стартовая площадка для формирования теоретического мышления. Надо отметить, что уже в первом классе есть дети, способные к теоретическому обобщению (Т). Это первые помощники учителя, реализующего программу развивающего обучения.

Следующий этап связан с разрушением старого привычного, характерного для эмпирического мышления способа действия ребенка и формирование осознанных учебных действий, психологическое содержание которых определяет учебно-практическая задача. Решение учебно-практических задач формирует обобщенные способы осуществления практического действия. На этом этапе практические действия школьника становятся целенаправленными и осознанными.

Третий этап – этап интеграции внешне организованной УД во внутренние структуры сознания обучающихся, где психологическое содержание обеспечивается за счет решения учебно-исследовательской задачи. Начинают формироваться две системы учебных действий: контрольно-оценочная и система действий по поиску способа решения учебной задачи исследовательского типа. Правда, на этом этапе эти две системы слабо связаны между собой.

В приведенной ниже корреляционной плеяде (Рис. 2) наглядно видно, что вся структура учебной деятельности выстраивается вокруг центрального показателя, описывающего теоретическое мышление. При этом эмпирическое мышление перестает играть ведущую роль в учебном процессе, а сохраняющееся детское эгоцентрическое мышление образует отрицательные связи, как с теоретическим мышлением, так и с такими компонентами учебной деятельности, как контроль и оценка.

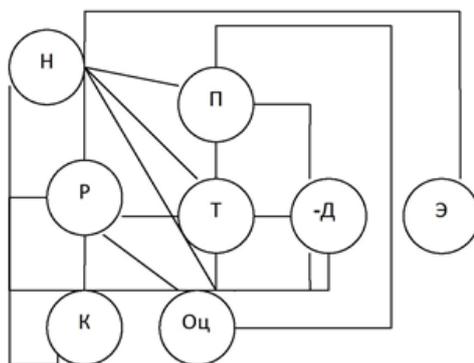

Рис. 2. Корреляционная плеяда показателей процесса становления учебной деятельности (четвертый класс)

Таким образом, четвертый – последний этап интеллектуализации, который реализуется на базе решения теоретической задачи, завершается формированием коллективного субъекта учебной деятельности. В этот период учебная деятельность приобретает целостную структуру, где все ее компоненты тесно связаны между собой. Эта целостность обеспечивается активностью коллективного субъекта УД, его направленностью на предметное содержание, что свидетельствует о сформированном стойком познавательном интересе.

Как правило, коллективный субъект неоднороден. По характеру включения в коллективно-распределенную деятельность в нем выделяются группы: «теоретики», «исследователи», «практики», «формалисты» и дети «с уходом от деятельности». Первые три группы с прогрессивной динамикой становления субъектности: «теоретики», «исследователи» и «практики» и две группы со слабой динамикой: дети с «уходом от деятельности» и «формалисты». Доказано, что у детей, которые не преодолевают детскую эгоцентрическую позицию допонятийного мышления, не формируется целостная психологическая структура учебной деятельности.

Внутри коллективного субъекта вызревает индивидуальный субъект учебной деятельности, а сам коллективный субъект можно определить как зону ближайшего развития индивидуального субъекта. Окончательную самостоятельность индивидуальный субъект учебной деятельности приобретает за пределами начальной школы, но процесс перехода из зоны ближайшего развития в зону актуального наиболее вероятен будет только в том случае, если будут созданы условия для проявления его способности учиться самостоятельно.

Таким важнейшим условием становления субъектности в учебном процессе, на наш взгляд, есть организация учителем коллективно-распределенной учебной деятельности.

Это подтвердили и результаты факторного анализа (статистический анализ, Статистика-7) [1]. С помощью факторного анализа нами была выделена группа показателей (переменных), которые имели самые большие

весовые значения в факторных структурах. Ими оказались учебные действия на всех этапах внешне организованной учителем коллективно-распределенной учебной деятельности, а также показатели *направленность на учебное содержание* и показатели *мышления*, которые мы связываем с внутренним планом учебной деятельности. Показатели *формальная направленность, уход от деятельности* чаще всего противостояли по знаку выше перечисленным показателям. В факторной матрице в первом факторе с высокими нагрузками оказались показатели, которые описывают осознание школьниками системы учебных действий, на всех этапах **внешне** организованной учителем коллективно-распределенной учебной деятельности. Следовательно, правильно организованная коллективно-распределенная деятельность обеспечивает *направленность обучающегося на учебное содержание и развитие теоретических форм мышления*.

Итак, важнейшим условием формирования субъекта УД является внешне организованная учителем коллективно-распределенная учебная деятельность.

В рамках данной статьи выделим некоторые, на наш взгляд, крайне важные требования к коллективно-распределенной учебной деятельности.

Для нас учебная задача – это цель для поиска нового способа учебного действия в измененных условиях, когда старый способ действия, присвоенный ранее, не работает. Именно поэтому учебная задача не декларируется, а возникает при поиске ответа на вопрос, почему старый способ действия не работает. В анализе противоречий и поиске нового способа действия и проявляется субъектность ребенка. Тридцатилетняя практика в условиях формирующего эксперимента показала, что такой процесс, существенно расширяющий субъектные возможности ребенка, по форме может быть только дискуссионным. Задача учителя выстроить так учебный диалог, чтобы дать возможность ученику озвучить свою версию, включить остальных детей в анализ и сделать правильный вывод. В таком диалоге учитель только направляет движение мысли, а делают вывод сами ученики.

Из сказанного следует, что диалог, который приобретает характер квази-исследования, – это единственно возможная форма поисковой учебной деятельности. Не навязать правильное решение, не продавить его, а дать возможность включиться в поиск наибольшему количеству участников диалога и при этом поддержать накал поиска, интерес к нему, не потерять цель – это задача учителя.

Таким образом, становится ясно, что целью и результатом учебной деятельности является изменение самого ученика как субъекта деятельности. Поэтому деятельность, которая обеспечивает развитие способности учиться самостоятельно, предполагает и особое целеполагание. Решение этих задач предъявляет особые требования к самому учителю системы РО, где становление школьника как субъекта учебной деятельности во многом определяется его способностью вовлечь ребенка в содержательный диалог, создать возможность самостоятельно оценивать и корректировать цели и способы их достижений в возникшей учебной ситуации.

Практика же развивающего обучения доказывает, что формирование теоретического мышления в границах младшего школьного возраста возможно и, решая эту задачу, мы формируем стойкий учебный мотив,

который в старших возрастных группах создаст условия для становления индивидуального субъекта учебной деятельности.

Список литературы

1. Булах, И. П. Становлення психологічної структури учбової діяльності в системі розвивального навчання : спец. 19.00.07 «Педагогічна та вікова психологія» : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. психол. наук / Булах Ірина Петрівна ; Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2008. – 23 с.
2. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – Москва : Интор, 1996. – 544 с. – ISBN 5-89404-001-9.
3. Давыдов, В. В. Учебная деятельность: состояние и проблемы исследования / В. В. Давыдов // Вопросы психологии. – 1991. – № 6. – С. 5–14.
4. Репкин, В. В. Типы учебной активности и методы обучения / В. В. Репкин, Н. В. Репкина // Развивающее обучение: теория и практика : сб. ст. / В. В. Репкин, Н. В. Репкина. – Томск, 1997. – ISBN 5-88630-072-4. – С. 3–47.
5. Репкина, Н. В. О возможности формирования учебной деятельности младших школьников в разных системах обучения / Н. В. Репкина // Актуальні проблеми сучасної української психології : наук. записки Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України / за ред. С. Д. Максименка. – Київ, 2007. – Вип. 26. – С. 163–173.
6. Цукерман, Г. А. Как младшие школьники учатся учиться / Г. А. Цукерман. – Москва ; Рига : Эксперимент, 2000. – 224 с.
7. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин ; под ред.: В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. – Москва : Педагогика, 1989. – 560 с. – ISBN 5-7155-0035-4.

**Bulakh I. P.,
Khoroshilova O. E.**

About some features of the formation of the subject of educational activity in the system of developmental education

The content of the category "subject of educational activity" presented in the school of developmental education (Elkonin-Davydov-Repkin system) is analyzed. Approaches to the definition of the subject of educational activity are complemented by the results of a longitudinal study and the practical experience of the authors of the article. The content of the stages of formation of subjectivity of younger schoolchildren in the system of developmental education is highlighted. It is shown that within the boundaries of primary school age, a collective subject of educational activity is formed, within which an individual subject of educational activity is born.

Key words: *subject of educational activity; collective subject of educational activity; subjectivity; developmental learning; educational activity.*

Кубатина Юлия Анатольевна,
ст. преподаватель
кафедры психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
yula5176@mail.ru

Толерантность к неопределенности как маркер личностной автономии психолога-профессионала

В данной статье автором были кратко рассмотрены подходы к пониманию содержания таких личностных феноменов, как автономия и толерантность к неопределенности, выделены их основные характеристики. Сделана попытка теоретически обосновать и эмпирически выявить особенности взаимосвязи личностной автономии и толерантности к неопределенности у студентов-психологов.

Ключевые слова: *психолог-профессионал, требования к личности психолога, свойства личности психолога, личностная автономия, ситуация неопределенности, толерантность к неопределенности.*

Актуальность исследования личностных свойств профессионала-психолога (а именно – личностной автономии как признака психологической зрелости специалиста и толерантности к неопределенности как одного из ее компонентов) обусловлена как высокой востребованностью психологической помощи в современном мире, так и самой спецификой жизнедеятельности современного социума.

Целью данной статьи было выявление особенностей личностной автономии и толерантности к неопределенности студентов, выбравших для себя профессию психолога.

В обществе XXI в. уже давно устоялось выражение, что самое стабильное в современном мире – его нестабильность, неустойчивость и неопределенность. Это ощущение нестабильности и неопределенности существенно усложняет задачу личности не просто адаптироваться в неустойчивой ситуации, когда из-за стремительно меняющихся вводных данных окружающих реалий сложно встраиваться в темп жизни социума, строить планы на будущее, но и полноценно развиваться, быть активным субъектом своей жизнедеятельности.

Все это ставит перед человеком все новые и новые задачи, решение которых требует от него определенных личностных качеств: высокого уровня интеллекта, гибкости, стрессоустойчивости и пр. К таким качествам мы относим и личностную автономию, под которой предлагаем, в первую очередь понимать самодетерминацию и высокий уровень самоуправления личности. Личностная автономия является той внутренней осью структуры личности, которая, независимо от внешних воздействий, позволяет человеку быть верным самому себе и более конструктивно переносить любые катаклизмы, происходящие в обществе.

Что бы ни происходило вовне, человек, сохраняющий собственную автономность и четкую определенность внутри себя – стройную, устоявшуюся систему ценностей и смыслов, будет идти к намеченной цели, принимая решения с опорой на эту смысловую определенность и, соответственно, гибко реагируя на каждый новый вызов извне.

И если, по Э. Фромму, главными чертами автономной личности является солидарность с другими путем развития в себе творческой активности, вновь соединяющая человека с миром как истинно свободного человека, то О. А. Доронцова акцентирует внимание на таких качествах автономной личности, как уверенная позиция, ответственность, контроль принимаемых решений и активное взаимодействие со средой и социумом [2].

При этом именно умение активно взаимодействовать с окружающими в трудной ситуации является одним из показателей такого личностного феномена, присущего автономной личности, как толерантность к неопределенности.

Проблема толерантности к неопределенности последние десятилетия является предметом активного изучения отечественных психологов. Так, данную тему в своих работах поднимали Т. В. Корнилова, Д. А. Леонтьев, Е. Г. Луковицкая, А. И. Гусев, М. С. Мириманова и А. С. Обухов, Е. Н. Осин, Н. О. Первушина, Е. Т. Соколова, А. А. Федоров и др.

Если неопределенность трактуется данными авторами как состояние, которое воспринимающий индивид не может категоризировать из-за недостатка информации, времени, либо, наоборот, перегруженности информацией [4], то под ситуациями неопределенности понимаются новые, сложные и противоречивые ситуации; это ситуации отсутствия знакомых вариантов решения и поведенческих альтернатив [5].

Надо отметить, что зачастую ситуация неопределенности рассматривается как жизненная ситуация с негативной модальностью. Так, Е. Т. Соколова описала несколько типов переживания неопределенности:

1) первый тип переживания – всепоглощающая тревога, базирующаяся на ощущении чуждости, враждебности, угрожающих психологическому выживанию и целостности «я»;

2) второй тип переживания больше окрашен страхом новизны, что, по мнению автора, ведет к предпочтению простоты, упорядоченности, обычности и предсказуемости в качестве защиты от ожидаемой катастрофичности нового, непрогнозируемости будущего и паники перед лицом потери (само)контроля и постоянства «я»;

3) третий тип характеризуется полной непереносимостью неопределенности как ситуации отсутствия доступа к внутренним ресурсам и как результат – крайней зависимостью от социального окружения; отказом от собственной системы эталонов, предпочтением личного и социального конформизма;

4) четвертый тип переживаний – маниакальная проекция «опьянения» трансгрессией и хаосом, отсутствием всех и всяческих границ, любых сдерживающих нормативов и правил [6].

При этом, автор подчеркивает, что существует и пятый – положительный – тип переживания ситуации неопределенности, при котором переживания окрашены позитивным эмоциональным тоном (любопытство, поисковая и

смыслотворческая активность, игра фантазии и т. д.) и ведут к креативному и осмысленному достраиванию ситуации неопределенности, ощущению потенциальной свободы и перспективы нахождения уникальных траекторий существования (это «мудрость неопределенности», по Н. М. Урманцеву) [7].

Однако психологическая практика говорит, что клиенты ситуацию неопределенности зачастую рассматривают именно как триггер личностных и поведенческих деструкций. Неопределенность вызывает у них ощущение шаткости бытия, что ведет к формированию чувства тревоги и депрессии. При этом сам психолог находится в том же неустойчивом социокультурном пространстве, что и клиент. Следовательно, и сам специалист, чтоб продуктивно жить и помогать другим, должен обладать некой устойчивостью к неопределенности.

Поэтому большинство исследователей, рассматривая проблему неопределенности, акцентируют внимание на поиске средств совладания с нею, которые бы дали возможность справляться с растущей тревогой, помогали бы формировать «антихрупкость», позволяющую человеку работать с неизвестностью (Н. Талеб). Так и возникает задача развития толерантности личности к неопределенности.

По определению Б. С. Алишева, толерантность – это интегральная характеристика индивида, определяющая его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтаций и развития позитивных взаимоотношений с собой и с окружающим миром [1].

Д. А. Леонтьев отмечает, что существование в условиях неопределенности открывает для развития человека новые горизонты, где он может реализовать любой проект самого себя, в определенные моменты своей жизни выбирать возможность становиться другим и быть разным [3].

Итак, неопределенность современных условий, в которых живет человек, ставит перед ним проблему совладания с этой ситуацией, поиска и развития тех внутренних ресурсов, которые дадут человеку возможность быть стабильным в условиях нестабильности. При этом надо учесть, что ситуация неопределенности для некоторых видов профессиональной деятельности является стандартной характеристикой условий труда специалиста (врачи, сотрудники системы МЧС и пр.).

К этой категории профессий можно отнести и профессию психолога. Так работа психолога-практика зачастую связана с необходимостью принимать решения относительно характера и средств оказания психологической помощи клиенту в условиях повышенной эмоциональной напряженности, ограниченного времени и неполноты информации. А отсутствие единого однозначного алгоритма, заранее готового способа выполнения поставленной задачи требуют от психолога высокой профессиональной подготовки.

При этом, с одной стороны, правильность решения специалиста в работе с клиентом определяется рациональностью, критичностью и креативностью мышления психолога, опорой на знание определенных закономерностей развития тех или иных психологических феноменов, широтой и детальностью учета фактов истории конкретного клиента; с другой стороны, именно умение принимать неопределенность

является мощным ресурсом поиска оптимального решения в сложных профессиональных ситуациях.

Всё это даёт основания полагать, что толерантность к неопределённости как готовность психолога-профессионала действовать в условиях дефицита (информации, времени, готовых шаблонов решения тех или иных профессиональных задач) делает специалиста не просто самого более жизнестойким, а переводит его из «работника» в «творца», гибко и креативно реагирующего на изменения, видящего в новом возможности для саморазвития и самореализации.

Рассмотрим особенности сформированности толерантности к неопределённости у студентов направления подготовки 37.03.01 «Психология». Эксперимент проводился на базе Луганского государственного педагогического университета. Выборку составили 62 студента-психолога 1 курса очной и заочной форм обучения. В качестве диагностического инструментария были взяты методики «Опросник каузальных ориентаций» Деси-Райана и «Шкала Толерантности к неопределённости» Баднера.

Как показали результаты наших опрошенных (Рис. 1), полученные при обработке методики на автономию личности Деси-Райана, большинство наших испытуемых попали в группу «внутренний локус каузальности».

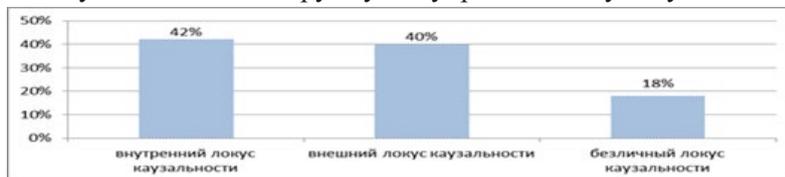

Рис. 1. Показатели сформированности личностной автономии у студентов-психологов

Т. е. результаты практически половины опрошенных студентов (42%) говорят о том, что респондентам присуще осознанное саморегулируемое поведение, детерминированное собственной системой смыслов и ценностей. Данные студенты самостоятельны в принятии решений. Они видят причинно-следственные связи в своей собственной деятельности и осознают границы своей ответственности, которую готовы принять. Все это свидетельствует о достаточно развитой личностной автономии данных студентов. Такие результаты дают возможность предположить, что такие личностные качества будущих психологов являются не только основой их психического здоровья, но и станут впоследствии залогом их успешной профессиональной деятельности.

При этом надо отметить, что почти такое же количество опрошенных (40%) руководствуется в своей деятельности и поведении внешними мотивами (внешний локус каузальности) и внешними критериями приемлемости-успешности поведения.

Оставшаяся практически пятая часть испытуемых студентов-психологов (18%) считает, что от них в этой жизни мало что зависит, что обстоятельства зачастую сильнее человека, что нет смысла принимать самостоятельные решения, если все подчиняется воле каких-то мало понимаемых и мало управляемых человеком причин.

Как видим, результаты последних двух групп (группы с внешним локусом каузальности и группы с безличным) говорят о недостаточном уровне развитости профессионально значимых качеств психолога-профессионала.

Далее наш эксперимент был нацелен на выявление наличия или отсутствия взаимосвязи личностной автономии студентов-психологов и толерантности к неопределенности. Для чего сначала мы попытались выявить уровень сформированности толерантности к неопределенности у студентов нашей выборки (Рис. 2).

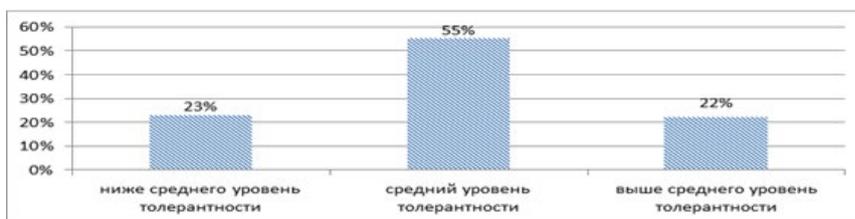

Рис. 2. Толерантность к неопределенности студентов-психологов

Как видим, несмотря на достаточно высокие показатели по уровню личностной автономии в данной выборке студентов-психологов, толерантность к неопределенности выше среднего была выявлена лишь у 22% опрошенных студентов. Т. е. только примерно пятая часть наших респондентов готова действовать в ситуации, когда нет четких ориентиров и единого верного решения, когда необходимо гибко реагировать на ситуацию и творчески подходить к поиску верных шагов.

Большая же часть испытуемых (55%) продемонстрировала средний уровень толерантности к неопределенности, что тоже достаточно неплохо. Однако еще 23% студентов показали уровень толерантности ниже среднего, что свидетельствует об их плохой адаптации в меняющейся ситуации, что, в свою очередь, может привести как к эмоциональным проблемам личности (повышение уровня тревоги и беспомощности в подобных ситуациях), так и к проблемам в профессиональной самореализации.

Далее, при помощи коэффициента корреляции Пирсона, мы выявили наличие прямой связи между уровнем личностной автономии и толерантностью к неопределенности у студентов-психологов нашей выборки (эмпирическое значение $r_{\text{эмп}} = 0,27$, а критическое $r_{\text{крит}} = 0,25$ при уровне статистической значимости 0,05), что свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что толерантность к неопределенности является одним из маркеров личностной автономии человека.

Итак, готовность к самостоятельному доопределению неопределенности, толерантность к ней является не только залогом стрессоустойчивости личности, ее здоровья и психологического благополучия, но и эффективности в разных сферах жизнедеятельности. Она является профессионально необходимым качеством психолога, обеспечивающим его профессиональную компетентность и продуктивность. Поэтому создание условий в образовательной среде вуза для формирования данных личностных феноменов (личностная автономия и толерантность к неопределенности) является важной задачей в подготовке профессионала-психолога.

Перспективным направлением дальнейшего исследования данных свойств личности будущих психологов является выявление динамики их развития в процессе профессионального обучения в вузе.

И стоит еще раз отметить, что не только сам психолог должен обладать толерантностью к неопределенности, но и нацеливать клиента на развитие у него этой толерантности, т. к. современная реальность – это жизнь в ситуации неопределенности.

Список литературы

1. **Алишев, Б. С.** Преодоление неопределенности / Б. С. Алишев // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6, № 3. – С. 3–26.
2. **Доронцова, О. А.** Психолого-педагогические детерминанты развития автономии подростков в образовательном процессе : спец. 19.00.07 «Пед. психол.» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / Доронцова Ольга Александровна ; Саратовский нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2019. – 23 с.
3. **Леонтьев, Д. А.** Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности / Д. А. Леонтьев // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 1–11.
4. **Луковицкая, Е. Г.** Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : спец. 19.00.05 «Соц. психол.» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / Луковицкая Елена Геннадьевна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1998. – 173 с.
5. **Первушина, Н. О.** Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы / Н. О. Первушина // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Психология». – 2007. – Т. 1, № 1. – С. 11–19.
6. **Соколова, Е. Т.** Культурно-историческая и клиничко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности / Е. Т. Соколова // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 2012. – № 2. – С. 37–48.
7. **Урманцев, Н. М.** Неопределенность бытия и свобода человека / Н. М. Урманцев // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 111–116.

Kubatina Y. A.

Tolerance to uncertainty as a marker of personal autonomy of a professional psychologist

In this article, the author briefly reviewed approaches to understanding the content of such personal phenomena as autonomy and tolerance for uncertainty, and highlighted their main characteristics. We theoretically substantiated and empirically identify the features of the relationship between personal autonomy and tolerance for uncertainty among psychology students.

Key words: *professional psychologist, requirements for the personality of a psychologist, personality traits of a psychologist, personal autonomy, situation of uncertainty, tolerance to uncertainty.*

Романов Наталья Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nataljaromanof@rambler.ru

Особенности представлений подростков об идеальной личности

Особенности социальной ситуации развития современных подростков отражаются на содержании их нравственных идеалов. В статье представлены результаты исследования представлений подростков об идеальной личности. Оказалось, что общий уровень нравственности напрямую взаимосвязан с такими чертами характера идеальной личности, как мудрость, доброта, честность и социальный интеллект. Несомненно, что направленность личности, проявляясь в идеалах, через них и формируется. В силу этого понимание содержания ценностей и идеалов подрастающего поколения дает основу для поиска наиболее эффективных методов взаимодействия и подходов к воспитанию.

Ключевые слова: идеал, нравственные качества, черты личности, подростки.

Современная психологическая наука в наше время становится участником идеологической борьбы, предлагая свои ответы на вопросы о том, что плохо и что хорошо для нашего общества. В рамках этого процесса важную роль играют представления о личностном идеале в нашем обществе: их анализ, тенденции изменений, возможности формирования. В структуре нравственного сознания идеал занимает ключевое место: им определяется содержание добра и зла, должного и желаемого, правильного и неправильного, истинного и ложного. Войны, перевороты, революции осуществляются в обществе под влиянием тех или иных идеалов. Идеал всегда взаимосвязан с ценностными ориентациями и определяет путь жизни личности. Идеал может быть гарантией духовного здоровья человека, но может, определяя направление деятельности, в той или иной степени представлять для него опасность.

Проблеме формирования идеалов посвящено большое количество психолого-педагогических исследований. Л. И. Божович, Е. М. Дубовская, О. А. Карабанова, Я. Корчак, Т. Д. Марцинковская, С. Л. Рубинштейн, Д. И. Фельдштейн, И. С. Кон, Д. Б. Эльконин и др. исследовали возрастную динамику содержания, строения и функций идеалов. Представленностью конкретных литературных персонажей в структуре идеалов и антиидеалов современного подростка занимались А. С. Буреломова, В. С. Собкин. Влияние степени осознанности идеалов в развитии и регуляции поведения личности рассматривали Т. Н. Разуваева, Е. А. Шевченко.

В подростковом возрасте идеал имеет большое значение для личностного развития, построения жизненных и профессиональных планов. Социальная ситуация развития современных подростков очень непростая. На неё оказывают влияние такие факторы, как цифровизация общества,

модернизация содержания образования, смещение ценностных аспектов поло-ролевой идентификации и национально-культурной идентичности, разнообразие культурных ценностей в информационной среде, и, что самое серьезное, военные конфликты. Все это, безусловно, отражается на содержательных особенностях идеалов подрастающего поколения, влияет на выбор ценностных ориентиров, становления мировоззрения.

Мы все имеем возможность наблюдать, что вследствие кризисных событий, происходящих на нашей родине, меняется ценностно-смысловая сфера личности (это характерно сейчас для всех жителей Донбасса). В результате одни еще больше укрепляются в добре (сочувствие, помощь другим, терпение жизненных трудностей), а другие – еще больше во зле (позиция: лишь бы в меня не попало, уход от проблем в развлечения, желание заработать на проблемах других, используя ситуацию, злость на всех). Различные жизненные обстоятельства взрослеющий человек переживает, осмысливает, и внешние образцы поведения становятся постепенно его внутренними нормативами. Военная обстановка провоцирует возникновение многих внутренних конфликтов. Решение таких вопросов – всегда результат личной нравственной работы и помочь в этом может опора на сформированные нравственные идеалы и ценности.

Сказанное обуславливает актуальность изучения особенностей представлений подростков об идеальной личности.

Анализ психолого-педагогической литературы позволит нам глубже разобраться с содержательной составляющей идеала в теоретическом плане.

Владимир Даль показывает глубину понимания слова «идеал», как она зафиксирована в великорусском языке середины XIX века: «Идеал – мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде, первообраз, прообраз, началообраз; представитель» [3].

Известный русский психолог А. Ф. Лазурский под идеалами понимал «общие, основные стороны жизни», с которыми старается сообразовываться человек, как в своей познавательной деятельности, так и в своих чувствованиях и поступках [4]. В его понимании, идеал – это сложный психический комплекс: с одной стороны, это представление о необычайной глубине и интенсивности входящих в этот комплекс стремлений и их внешних выражений, а с другой – яркое и отчетливое (чаще всего образное) воплощение в жизни того, что составляет сущность данного идеала.

С. Л. Рубинштейн так писал о значении идеала в процессе становления личности: «Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные в этом смысле привлекательные человеческие черты, – образ, который служит образцом. ... Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития. ... В идеалах человека ярко проявляется его общая направленность. Проявляясь в них, она через них и формируется. Идеалы формируются под определяющим воздействием общественных оценок. Воплощаясь в идеале, через его посредство эти общественные оценки формируют общую направленность личности» [5].

С точки зрения В. Е. Давыдовича, идеал «есть идея, представленная как цель и ценность», «идеал... цель, та точка в будущем, к которой устремлено

внимание субъекта деятельности. Это та цель, которая властно доминирует направленность и задает ей вектор» [2]. В. Е. Давыдович считает идеал «оцененной целью» и именно поэтому высшей ценностью.

В свою очередь, Д. И. Фельдштейн выделяет отдельные этапы в процессе формирования идеала у подростков. Если на первой стадии подросткового периода у абсолютного большинства (93%) идеалы носят конкретный характер (воплощается в конкретном человеке), то к четырнадцати-пятнадцати годам большинство подростков ориентируются на обобщенный идеал [6].

Анализ понимания идеала в теоретическом плане позволяет увидеть, что сформированные представления об идеалах являются одним из индикаторов социальной развитости личности. Идеал не может быть неизменным на протяжении жизни человека. Он во многом зависит от социокультурной ситуации и, конечно, от возрастных особенностей.

Некоторое представление об особенностях нравственного идеала современных подростков мы вместе с магистром кафедры психологии ЛГПУ Худяковой Ангелиной Александровной смогли получить в процессе изучения особенностей процесса становления Я-идентичности подростков. Опираясь на исследования М. И. Воловиковой, мы предполагали, что представления об идеале подростков имеют сложную структуру, в центре которой – так называемое ядро, не всегда вполне осознаваемое, но образующее основу личности подростка [1].

В рамках нашего исследования были опрошены 100 подростков ЛНР, были использованы методики «20 черт характера идеальной личности» (О. А. Казанский) и «Добро-зло» (Л. М. Попов, А. П. Кашин). Это позволило нам выявить взаимосвязи между уровнями морально-нравственных качеств и чертами характера идеальной личности в представлениях подростков.

Методика Л. М. Попова, А. П. Кашина «Добро-зло» позволила получить такие данные:

Таблица 1

Общий уровень нравственности

Низкий уровень	2% (2 человека),
Средний уровень	59% (59 человек)
Уровень выше среднего	36% (36 человек)
Высокий уровень	3% (3 человека)

Таблица 2

Уровень выраженности положительных и отрицательных морально-нравственных качеств подростков

Стремление к добру					
Уровень выраженности положительных морально-нравственных качеств			Уровень выраженности отрицательных морально-нравственных качеств		
Высокий	2	↑	↓	19	Низкий
Выше среднего	8			63	Ниже среднего
Средний	24			18	Средний
Ниже среднего	58			–	Выше среднего
Низкий	8			–	Высокий
Стремление к злу					

Приведенные данные позволяют увидеть, что большинство респондентов продемонстрировали средние показатели общего уровня нравственности. А вот уровень выраженности как положительных, так и отрицательных морально-нравственных качеств подростков оказался ниже среднего.

Результаты методики «20 черт характера идеальной личности» (О. А. Казанский) следующие:

Таблица 3

Черты характера	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	Среднее значение	Ранг
Мудрость	9%	19%	18%	20%	18%	16,8	1
Честность	30%	10%	17%	11%	12%	16	2
Доброта	13%	23%	12%	15%	12%	15	3
Юмор	9%	14%	12%	14%	15%	12,8	4
Упорство	5%	5%	1%	3%	4%	3,6	5
Креативность	2%	3%	3%	3%	6%	3,4	6
Самоконтроль	3%	1%	3%	3%	6%	3,2	7
Великодушие	1%	3%	7%	1%	2%	2,8	8
Критическое мышление	3%	3%	1%	4%	1%	2,4	9
Социальный интеллект	4%	5%	–	2%	–	2,2	10
Равенство	–	4%	3%	3%	1%	2,2	10
Благодарность	5%	2%	–	1%	1%	1,8	11
Храбрость	2%	2%	–	1%	3%	1,6	12
Бодрость	–	2%	1%	4%	1%	1,6	12
Работа в команде	–	–	5%	2%	1%	1,6	12
Лидерство	4%	1%	–	2%	1%	1,6	12
Скромность	1%	–	1%	4%	2%	1,6	12
Оптимизм	2%	–	2%	1%	1%	1,2	13
Любовь к учению	1%	–	–	3%	1%	1	14

Таким образом, можно увидеть, что на первое место 30% респондентов ставят честность, 13% – доброту, по 9% – мудрость и юмор. Реже всего на первое место ставят любовь к учению, великодушие и скромность (по 1%).

Полученные результаты исследования были статистически обработаны при помощи коэффициента корреляции r -Пирсона (для выборки в 100 человек при погрешности $p \leq 0,05$ $r_{\text{крит.}} = 0,194$, при $p \leq 0,01$ $r_{\text{крит.}} = 0,254$).

Таблица 4

«20 черт характера идеальной личности» (Казанский О. А.)	Методика «Добро-зло» Л. М. Попова, А. П. Кашина	
	Общий уровень нравственности	Уровень выраженности положительных морально-нравственных качеств
Мудрость	0,321	0,433
Доброта	0,195	0,241
Социальный интеллект	0,220	0,249
Честность	0,197	0,199
Лидерство	–	–0,160
Оптимизм	–	0,194
Юмор	–	0,196

Как видим, общий уровень нравственности напрямую взаимосвязан с такими чертами характера идеальной личности, как мудрость, доброта, честность и социальный интеллект. В случае преобладания положительных морально-нравственных качеств в личности, подростки выбирают такие черты идеальной личности, как мудрость, доброту, социальный интеллект, честность, оптимизм и юмор. Обратная взаимосвязь с лидерством, очевидно, связана с тем, что личность, у которой преобладают положительные морально-нравственные качества, реже стремится к власти и доминированию над другими [7]. В целом прослеживается взаимосвязь между уровнями морально-нравственных качеств и чертами характера идеальной личности в представлениях подростков.

Вновь вспомним слова С. Б. Рубинштейна о том, что направленность личности, проявляясь в идеалах, через них и формируется. В силу этого надемся на то, что, позиционируя такие представления об идеальной личности, подростки будут ориентированы на развитие данных качеств в себе, реализовывать их в жизни, а в трудных жизненных обстоятельствах смогут сделать выбор в пользу добра, а не зла. Ведь нравственный идеал не может раствориться в личности, он социально обусловлен, обоснован поиском совершенства духа, имеет предрасположенность к самоуглублению и служит средством духовной опоры.

В свою очередь, практические психологи и педагоги могут использовать эти данные при проектировании педагогического процесса в современной системе образования. Для дальнейшего осмысления важно понять, какой смысл вкладывают подростки в те черты личности, которые они считают наиболее значимыми, как раскрывают их содержание, в каких жизненных поступках, по их мнению, эти качества проявляются. Нам нужно изучать особенности подрастающего поколения, в частности их ценности и идеалы,

чтобы найти наиболее эффективные методы взаимодействия и подходы к воспитанию.

Список литературы

1. **Воловикова, М. И.** Представления русских о нравственном идеале / М. И. Воловикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2005. – 331 с. – ISBN 5-9270-0071-1.
2. **Давидович, В. Е.** Теория идеала / В. Е. Давидович. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 184 с.
3. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. И – О / Владимир Даль. – Санкт-Петербург ; Москва : Изд. М. О. Вульфа, 1881. – 807 с.
4. **Лазурский, А. Ф.** Избранные труды по психологии / А. Ф. Лазурский ; [сост. Ю. Н. Олейник ; редкол.: А. В. Брушлинский (пред.) и др.]. – Москва : Наука, 1997. – 445, [1] с., [1] л. портр. – ISBN 5-02-013254-3.
5. **Рубинштейн, С. Л.** Идеалы / С. Л. Рубинштейн // Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – Москва, 1989. – Т. 2. – ISBN 5-7155-0180-6. – С. 119–120.
6. **Фельдштейн, Д. И.** Психология становления личности / Д. И. Фельдштейн. – Москва : Междунар. пед. акад., 1994. – 192 с. – ISBN 5-87977-018-4.
7. **Худякова, А. А.** Представления об идеале у подростков в процессе становления Я-идентичности : направ. подгот. 37.04.01 «Психология» : маг. программа: «Кризисная психология» / А. А. Худякова ; ФГБОУ ВО ЛНР «Луганский гос. пед. ун-т». – Луганск : [Б. и.], 2023. – 137 с.

Romanof N. A.

Features of adolescents' ideas about the ideal personality

The peculiarities of the social situation of the development of modern adolescents are reflected in the content of their moral ideals. The article presents the results of a study of adolescents' ideas about ideal personality. It turned out that the general level of morality is directly related to such character traits of the ideal personality as wisdom, kindness, honesty and social intelligence. Undoubtedly, the orientation of the personality, manifesting itself in ideals, is formed through them. Because of this, understanding the content of the values and ideals of the younger generation provides the basis for finding the most effective methods of interaction and approaches to education.

Key words: ideal, moral qualities, personality traits, teenagers.

Ткачева Вероника Александровна,
ассистент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
tkacheva_va@mail.ru

Характеристика мотивационной сферы личности студентов в психологической науке

Содержание данной статьи раскрывается на основе анализа научных психологических источников, посвященных проблеме развития мотивационной сферы личности. Автор представляет краткую обобщенную характеристику взглядов отечественных ученых на содержание феномена, а именно выделяет подходы в исследованиях мотивации, акцентирует внимание на классификациях мотивов относительно различных оснований, дает некоторые аспекты взаимосвязи терминов «мотивация», «мотив» в структуре мотивационной сферы личности, анализирует систему мотивов студентов вуза в профессиональном становлении.

Ключевые слова: анализ научных источников, мотивационная сфера личности, мотивация, мотив, студенты.

В настоящее время проблема подготовки высококвалифицированных специалистов в высших учебных заведениях России приобретает все большее значение. Современное общество предъявляет выпускнику вуза высокие требования, среди которых важное место занимают профессионализм, социальная активность и творчество в рамках профессиональной деятельности. Термин «мотивация», взятый в широком смысле как процесс побуждения и стимулирования отдельного человека или группы людей к деятельности, к активности, к инициативе, используется во всех теоретических и практических отраслях психологической науки, исследующих сущность целенаправленного поведения личности.

Проблема мотивации разрабатывалась в рамках эмпирической психологии зарубежными психологами К. Бюлером, Э. Торндайком, Э. Шпрингером, З. Фрейдом, К. Левиним, а также в работах зарубежных авторов Дж. Аткинсона, Г. Холла, К. Мадсена, А. Маслоу, Г. Оллпорта, К. Роджерса, Х. Хекхаузена.

Особое внимание исследованию мотивации поведения и деятельности было уделено в работах отечественных психологов А. Г. Асмолова, В. Г. Асеева, К. А. Абульхановой-Славской, Е. П. Ильина, А. К. Марковой, В. Д. Шадрикова. Определено, что специфика изучения мотивационной сферы личности заключается в поиске научного консенсуса относительно глубинной психологической природы и механизмов данного явления, а также факторов, средств и условий, играющих существенную роль в формировании мотивационной сферы личности.

Весомый вклад в процесс формирования исторического аспекта данного вопроса находим в трудах П. К. Анохина, П. П. Блонского, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, К. Н. Корнилова, А. А. Ухтомского, П. Ф. Каптерева, В. С. Мерлина, И. И. Пирогова. Например, мотивационная сфера личности

рассматривается в контексте деятельностного (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, В. Д. Шадриков) и структурно-личностного подходов (К. К. Платонов, Л. И. Анцыферова, В. Г. Асеев, Л. И. Божович).

Так, деятельностный подход, опираясь на принцип единства человеческой психики и деятельности, задает системность в изучении мотивационно-потребностной сферы человека. В данном подходе Д. А. Леонтьев выделяет мотив как целостный способ организации активности индивида, интегральный побудитель, осуществляющий регуляцию деятельности [7]. В рамках структурно-личностного подхода В. Г. Асеев углубляется в сложности ценностно-смысловых образований личности, которые видит в «диалектически двойственном, нелинейном, содержательно-динамическом характере истоков их формирования, структурного строения и механизмов регуляции» [2].

Таким образом, наиболее значимым для прикладного исследования в психологической науке, на наш взгляд, является интегративное единство представленных теоретико-методологических подходов, которое позволит рассмотреть мотивационную структуру личности в наиболее широком контексте.

Выделяемый из ряда научных психологических дефиниций феномен «мотивационная сфера личности» имеет достаточно широкий круг толкований. К примеру, Л. И. Божович обозначает содержание термина как иерархию мотивов на основе их осознания и обобщения в поведении и деятельности [3]. В. Г. Асеев определяет данный феномен как вид психической регуляции жизнедеятельности, активно-действенное отношение индивида к существующей реальности [1].

Более подробно остановимся на исследовании мотивационной сферы личности в работе «Мотивация и мотивы» Е. П. Ильина, где автор выделяет важной характеристикой мотивационной сферы личности ее гибкость. По его словам, более гибкой считается такая мотивационная сфера, в которой для удовлетворения мотивационного побуждения более общего характера (более высокого уровня) может быть использовано больше разнообразных мотивационных побудителей более низкого уровня. Например, при условии использования более разнообразных средств удовлетворения одного и того же мотива, в зависимости от обстоятельств, мотивационная сфера одного человека является более гибкой по сравнению с другим [4].

Заметим, что широта и гибкость характеризуют мотивационную сферу человека по-разному: широта – это разнообразие потенциального объема предметов, которые способствуют для данного человека удовлетворению актуальной потребности, а гибкость – это подвижность связей, существующих между разными уровнями иерархической организованности мотивационной сферы.

Следует подчеркнуть, что в психологической науке мотивационную сферу определяют и как один конкретный мотив, и как единую систему мотивов, и как особую сферу, включающую в себя потребности, мотивы, цели, интересы в их сложном переплетении и взаимодействии.

В связи с этим рассмотрим понятие «мотив» более подробно. По мнению Е. П. Ильина, мотивы – сложное психологическое образование,

побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием). Под мотивационной сферой личности автор понимает всю имеющуюся у данного человека совокупность мотивационных образований: диспозиций (мотивов), потребностей и целей, интересов [4].

Ориентируясь на данные Н. В. Бордовской, А. А. Реан, С. И. Розум, мотив есть внутреннее побуждение личности к тому или иному виду активности (деятельность, общение, поведение), связанной с удовлетворением определенной потребности. В качестве мотивов могут выступать идеалы, интересы, убеждения, социальные установки, ценности личности, но при этом предполагаем, что детерминируют данные понятия различные потребности личности (от витальных, биологических, социальных до высших, в которые входят эстетические потребности) [10].

Как отмечает В. А. Толочек, мотив объединяет в себе три взаимосвязанных стороны одного явления. С одной стороны, это внутренние побуждения, связанные с необходимостью удовлетворения физических, социальных и духовных потребностей; с другой, их объектная представленность в том, что воспринимает человек необходимым, ценным для себя; с третьей стороны – осознание человеком целей и действий [12]. А. В. Капцов считает, что мотивы, являющиеся динамическими образованиями личности, лежат в основе мотивации как процесса, направленного на реализацию определенного отношения субъекта с окружающей действительностью [5]. В работах В. Г. Асеева мотив описан как вид психической регуляции жизнедеятельности, внутренняя, активная самостоятельность, активно-действенное отношение человека к социуму [1].

Общее системное представление о мотивационной сфере человека позволяет исследователям классифицировать мотивы по разным основаниям. Например, в зависимости от характера участия в деятельности, Д. А. Леонтьев выделяет понимаемые, знаемые и реально действующие мотивы [7]. В своих работах Б. Ф. Ломов дает понимание далекой и короткой мотивации на основании протяженности деятельности во времени [8]. Психология развития Л. И. Божович описывает широкие социальные и узкие личные мотивы в зависимости от факта включенности человека в деятельность [3].

На каждом возрастном этапе будут складываться определенные особенности мотивации и структуры мотива, поскольку процесс формирования мотива связан с использованием многих личностных образований, постепенно формирующихся по мере физиологического и психического развития индивида и опосредованных в ведущей деятельности возрастного периода. Действительно, мотивационная сфера личности характеризуется направленностью, устойчивостью, динамичностью и системностью, имеет многокомпонентную структуру, на основе которой можно провести более качественный теоретико-методологический анализ мотивационной сферы личности студентов.

Рассматривая особенности развития личности в юности, определяя контекст анализа в русле тезиса о том, что мотивационная сфера студента представляет собой динамическую систему побудительных сил, обуславливающих для студентов эффективную коммуникацию с профессорско-преподавательским составом, иными студентами, и успешное

овладение учебно-профессиональной деятельностью в вузе, охарактеризуем некоторые психологические исследования.

В современных научных трудах, рассматривающих мотивационную сферу студента в профессиональном становлении (Ю. П. Поваренков, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Р. И. Цветкова, О. А. Чаденкова, Е. А. Ларина, В. Д. Шадриков), обнаруживается тенденция раскрытия структуры и содержания мотивационной сферы личности через мотивацию профессиональной ориентации и самоопределения, профессионального выбора, обучения, профессиональных способностей, уровня профессиональной подготовки будущего специалиста.

Так, например, разработанная модель мотивационной сферы личности Р. И. Цветковой позволяет теоретически определить изучаемый феномен как системообразующую, многоуровневую, иерархическую структуру, обуславливающую процесс формирования личности студента. Доказано, что только при учете психологических факторов условий и средств, воздействующих на личность студента, возможна строгая и адекватная идентификация образа «Я», образа будущей деятельности, саморегуляция, рефлексия и самомотивация, которые служат целям личности [13].

Мотивационная сфера студентов в вузе имеет свои особенности. Качество достижения и настойчивость в обучении зависят от индивидуальных особенностей студентов, от их интересов, от выбора мотива. Так как сила мотивации в обучении во многом зависит от самого индивида, компонентами мотивационной сферы студентов определяют мотивы, цели, эмоции, а также состояние их навыка учиться.

Рассмотрим более подробно трехкомпонентную структуру мотивационно-потребностной сферы личности современного студента, разработанную Е. А. Лариной, которая выделяет учебно-познавательный, профессиональный и коммуникативный структурные компоненты [6].

Так, в учебно-профессиональный компонент мотивационной сферы личности студента входят учебно-познавательный мотив, научно-познавательный мотив, мотив достижения успеха и мотив избегания неудач. Например, научно-познавательный мотив побуждает студента к поиску различных способов получения новых системообразующих знаний, характеризуется возможным выходом за рамки собственно учебного процесса в вузе. Мотив достижения успеха предполагает стремление достичь высоких результатов и мастерства в ведущей деятельности студента, проявляется в выборе сложных заданий и стремлении их выполнить, так как в достижении успеха важны надежда на успех, его значимость, субъективная оценка вероятности и эталоны достижения успеха. Мотив избегания неудач встречается преимущественно у студентов-первокурсников с выраженной тенденцией к тревожности из-за чувства неуверенности в себе, сложностей адаптации к среде вуза.

Далее, профессиональный компонент мотивационной сферы личности студента в исследовании Е. А. Лариной содержит мотив познания будущей профессии как побуждение к получению студентами знаний о будущей профессиональной деятельности, мотив идентификации в профессии, а также прагматический мотив, в рамках которого студент стремится получить документ, подтверждающий в будущем его профессиональную пригодность.

И, наконец, коммуникативный компонент мотивационной сферы личности современного студента включает ведущий в деятельности студента мотив межличностного общения, мотив взаимопомощи и мотив идентификации в коммуникации, что предполагает способность студента к эмпатии.

Следует подчеркнуть, что отсутствие единой теории мотивационной сферы личности юношеского периода не позволяет ответить на многие психолого-педагогические запросы, связанные с особенностями успешной реализации потенциальных возможностей студентов, обеспечением качественной подготовки современного специалиста, адаптацией и идентификацией в условиях социальной нестабильности. На наш взгляд, предложенные компоненты мотивационной структуры личности студента, описанные в модели Е. А. Лариной, могут стать базисом для прикладного исследования психологических особенностей личности в данной области и детерминировать новую интегративную модель мотивационной сферы студентов психологических специальностей.

Обобщив вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Так, в отечественной психологической науке исследования проблемы мотивации представлены на основе двух теоретико-методологических подходов – деятельностного и структурно-личностного. Вслед за корифеями, современная отечественная психология связывает понятие «деятельность» с понятием «мотив», который представляет собой опредмеченную потребность, является побудителем и устанавливает развитие направленности личности в деятельности. Под мотивом понимают внутреннее побуждение личности к тому или иному виду активности (деятельность, общение, поведение), связанной с удовлетворением определенной потребности [11].

Однако необходимыми составляющими целостного содержательно-структурного единства мотивационной сферы личности представлены высшие мотивационно-смысловые образования – ценностные ориентации, идеалы, жизненные цели и стратегии, индивидуальный стиль деятельности и акмеологические основы регуляции жизнедеятельности. Следовательно, опираясь на оба подхода, психологическая наука задает системность в изучении мотивационной сферы человека.

Таким образом, необходимо отметить, что современные психологические исследования феномена «мотивационная сфера личности студента» определяются расширением представлений о собственно мотивационной сфере личности студента и ее роли в понимании структуры личности. Рассмотренный объем научной литературы по предъявленной тематике свидетельствует о том, что изучение мотивационной сферы студента актуально в современной психологической науке.

Список литературы

1. Асеев, В. Г. Мотивация поведения и формирование личности / В. Г. Асеев. – Москва : Мысль, 1976. – 158 с.
2. Асеев, В. Г. Структурные особенности ценностно-мотивационной системы личности / В. Г. Асеев. – Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». – 2008. – Т. 14, № 4. – С. 53–58. – URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-osobennosti-tsennostno-motivatsionnoy-sistemy-lichnosti (дата обращения: 16.01.2024). – Режим доступа: сайт электрон. б-ки «КиберЛенинка».
3. **Божович, Л. И.** Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Л. И. Божович // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред.: Л. И. Божович и Л. В. Благоннадежиной ; Науч.-исслед. ин-т общ. и пед. психологии АПН СССР. – Москва, 1972. – С. 7–44.
 4. **Ильин, Е. П.** Мотивация и мотивы. / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2011. – 508 с. – ISBN 978-5-4237-0143-7.
 5. **Капцов, А. В.** Моделирование структуры мотива / А. В. Капцов // Мотивация в психологии управления : сб. материалов 3-й межвуз. науч.-практ. конф., 2–3 окт. 2004 г., Самара / [отв. ред. А. В. Капцов]. – Самара, 2004. – ISBN 5-86465-111-7. – С. 45–49.
 6. **Ларина, Е. А.** Структура и динамика мотивационной сферы личности студентов разных направлений профессионального образования : спец. 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / Ларина Елена Анатольевна ; Современная гуманит. акад. – Москва, 2010. – 221 с.
 7. **Леонтьев, Д. А.** От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д. А. Леонтьев // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1996. – № 4. – С. 35–44.
 8. **Ломов, Б. Ф.** Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – Москва : Наука, 1984. – 444 с.
 9. **Мерлин, В. С.** Лекции по психологии мотивов человека / В. С. Мерлин. – Пермь : [Б. и.], 1971. – 267 с.
 10. **Реан, А. А.** Психология изучения личности : учеб. пособие / А. А. Реан. – Санкт-Петербург : Михайлов В. А., 1999. – 288 с. – ISBN 5-8016-0044-2.
 11. **Ткачева, В. А.** К вопросу эмпирического исследования мотивационно-потребностной сферы студентов – будущих психологов / В. А. Ткачева // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер. 5, Гуманит. науки. Техн. науки. – 2023. – № 1(99). – С. 71–75.
 12. **Толочек, В. А.** Современная психология труда / В. А. Толочек. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 479 с. – ISBN 5-272-00193-1.
 13. **Цветкова, Р. И.** Мотивационная сфера личности современного студента: факторы, условия и средства ее формирования в процессе профессионального становления : спец. 19.00.07 «Пед. психол.» : дис. на соиск. учен. степ. д-ра психол. наук / Цветкова Римма Ивановна ; Дальневосточный гос. гуманит. ун-т. – Хабаровск, 2007. – 530 с.

Ткачева В. А.

**Characteristics of the motivational sphere of students' personality
in psychological science**

The content of this article is revealed based on the analysis of scientific psychological sources devoted to the problem of the development of the motivational sphere of personality. The author presents a brief generalized description of the views of Russian scientists on the content of the phenomenon, namely, identifies approaches in motivation research, focuses on classifications of motives relative to various bases, gives some aspects of the relationship of the terms "motivation", "motive" in the structure of the motivational sphere of personality, analyzes the system of motives of university students in professional development.

Key words: *analysis of scientific sources; motivational sphere of personality; motivation; motive; students.*

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Физико-математические науки

УДК [330.131.7.51-7]-017.44

Давыскиба Оксана Викторовна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры фундаментальной математики
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
davidovao@list.ru

Комар Валерия Сергеевна,
магистрант,
направления подготовки
«Математика»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
lerakomar61@mail.ru

Анализ математических методов оценки рисковой стоимости VaR

В статье проведен сравнительный анализ основных математических методов оценки рисковой стоимости VaR, таких как параметрический метод расчета VaR, исторический VaR и гибридный метод Халла-Вайта. Рассмотрены разнообразные подходы к верификации на основе ретроспективных данных: метод, применяемый Базельским комитетом, тест Купика, тест Кристоферсона и метод функции потерь.

Ключевые слова: оценка риска, Value at Risk (VaR), математические методы, рисковая стоимость.

В современной экономике неопределенность и риск являются частью деловой среды, поэтому возникает необходимость прогнозирования финансово-экономических процессов для принятия обоснованных и правильных решений. Субъекту рынка необходимо учитывать возможные финансовые риски: оценивать степень рисков; границы, за которые не следует выходить; правильно их анализировать и интерпретировать. Рисковая оценка является важным инструментом для финансовых институтов и инвесторов, поскольку позволяет определить потенциальные потери в результате неблагоприятных событий на рынке.

Целью статьи является анализ математических методов оценки рисковой стоимости VaR.

Риск рассматривается как совокупный фактор вероятности возникновения нежелательного события и его последствий и технически наилучшим образом

описан набором возможных сценариев с соответствующим распределением вероятностей. Сегодня для оценки риска существует много разных технологий, например: VaR (Value-at-risk), ES (Expected Shortfall), CaR (Capital-at-Risk), Maximum Loss и др. Для количественного измерения рыночного риска наибольшее использование получила методика «Value at Risk» VAR [1]. Во-первых, данные методологии просты в применении и интуитивно понятны, так как основываются на расчете возможных потерь. Во-вторых, стандарты международных организаций признают их и рекомендуют к применению для ведения риск-менеджмента финансовых организаций.

Следует отметить, что под термином VAR понимают как саму методику, так и количественную оценку рыночного риска (мера риска) в виде параметра VAR [2]. Данная мера риска рассматривается как квантиль заданного уровня распределения риска.

Анализ научных источников позволил выделить три основных подхода к оценке предельной характеристики риска: параметрический подход расчета VaR; исторический VaR; гибридный метод Халла-Вайта.

В основе параметрического метода расчета показателя VaR лежит предположение о логарифмически нормальном распределении факторов риска и стоимости портфеля (логарифмические доходности нормально распределены):

$$r_t = \ln(P/P_{t-1}) \sim N(\mu, \sigma^2). \quad (1)$$

где: P_t, P_{t-1} – цена актива в начале и в конце периода; μ – математическое ожидание; σ^2 – дисперсия доходности актива.

Например, математическая модель для одного актива с использованием единичной инвестиционной позиции (изменение цены данного актива за день) представляет собой размер дневной прибыли (убытка). С заданной вероятностью $(1 - \alpha)$ спрогнозированная наименьшая ожидаемая цена следующего дня равна:

$$P_{t+1} = P_t e^{\mu_t - k_{1-\alpha} \sigma_t}. \quad (2)$$

Величина VaR отражает не цену или стоимость как таковую, а ее наибольшее ожидаемое изменение за один день:

$$VaR = P_t (e^{\mu_t - k_{1-\alpha} \sigma_t} - 1). \quad (3)$$

Например, при расчете значения VaR для портфеля активов, используя предыдущие данные статистики, определяют ожидаемые значения доходностей, дисперсий и ковариаций доходностей активов. С учетом этих значений определяется VaR портфеля для заданного уровня доверительной вероятности по следующей формуле:

$$VaR_p = S_p \cdot \sigma_p \cdot n_p, \quad (4)$$

где: S_p – стоимость портфеля; σ_p – стандартное отклонение доходности портфеля; n_p – количество стандартных отклонений, соответствующих уровню доверительной вероятности [4].

Метод исторического моделирования относится к группе методов абсолютного оценивания и является непараметрическим. В основе данного метода лежит предположение о стационарности поведения ожидаемых рыночных цен. Основная идея заключается в использовании ретроспективных данных для моделирования изменений переменных состояния (строится эмпирическая функция распределения) [5].

Метод Халла-Вайта, с целью получения более надежного и устойчивого результата, объединяет метод исторического моделирования и параметрический подход:

- исторические данные для оценки параметров распределения (например, среднего и стандартного отклонения);
- параметрический подход для расчета VaR на основе полученных параметров.

В целом, это позволяет учитывать именно наблюдаемые данные, а также информацию о статистических свойствах доходностей активов.

Рассмотрим математическую модель для одного актива. Пусть день t , тогда величина VaR оценивается для дня $t + 1$. Волатильность доходности актива, которая оценивается в день $s - 1$, равна σ_s . Получим следующую формулу для вычисления меры риска:

$$VaR_{\gamma,t+1} = P_t k_{1-\gamma}^{эмн}(r^*), \quad (5)$$

где: P_t – текущая стоимость актива, $k_{1-\gamma}^{эмн}(r^*)$ – квантиль порядка $(1 - \gamma)$ функции распределения данных $(\sigma_{t+1} / \sigma_{t+1-s}) r_{t+1-s}$, $s \in [1, T]$; r – наблюдаемые однодневные доходности, волатильности σ_s вычисляются по параметрическому методу.

Метод Халла-Вайта придает больший вес более поздним наблюдениям, так как вводится дополнительный коэффициент отношения волатильностей [3].

Для сравнения качества оценок методов расчета величины VaR также разработаны различные подходы к верификации методов на основе ретроспективных данных (бэк-тестинг): метод, используемый Базельским комитетом; тест Купика; тест Кристоферсона; метод функции потерь.

Метод Базельского комитета представляет собой подход к верификации оценок VaR для оценки риска финансовых институтов.

В пределах заданного интервала тестирования, количество превышений k рассчитывается на основе прошлых данных. В соответствии с методикой Базельского комитета, проверка точности расчета VaR включает анализ отклонения фактической частоты превышений k / N_{obs} от заданной вероятности 1%.

Для определения точности метода выполняется подсчет количества дней, когда фактические убытки от колебаний стоимости портфеля превышали прогнозные значения VaR за последние 250 рабочих дней. Принимается, что адекватный метод, при доверительном уровне 99%, в среднем не должен иметь более 2,5 превышений значения VaR.

Далее определяют кумулятивную вероятность:

$$P(x \leq k | N_{obs}, p) = \sum_{i=0}^k P(x = i). \quad (6)$$

Вероятность ошибки первого рода:

$$P(x \geq k | N_{obs}, p) = 1 - \sum_{i=1}^k P(x = i). \quad (7)$$

Кроме того, следует отметить, что полученные результаты проверки распределяют на три зоны:

- зеленая зона – метод оценки VaR считается достаточно точным и вероятность использования некорректного метода невелика;
- желтая зона включает в себя методы, которые можно полагать адекватными, так и некорректные методы;
- красная зона – метод расчета VaR необходимо изменить [3].

Тест Купика (POF-тест) основан на подсчете количества превышений и проверке нулевой гипотезы о несмещенности наблюдаемой частоты превышений в отношении допустимой вероятности потерь γ :

$$H_0 : \gamma = \hat{\gamma} = k / N_{obs} \text{ против альтернативы } H_{alt} : \gamma \neq \hat{\gamma}.$$

Проверка осуществляется с помощью статистики:

$$L_{POF} = -2 \ln \left(\frac{(1 - \gamma)^{N_{obs} - k} \gamma^k}{(1 - k / N_{obs})^{N_{obs} - k} (k / N_{obs})^k} \right). \quad (8)$$

Если нулевая гипотеза верна, то L_{POF} асимптотически сходится к χ^2 .

Если значение L_{POF} превышает критическое значение распределения χ^2 , то нулевая гипотеза отклоняется и метод оценки VaR считается некорректным.

Среди недостатков данного теста можно выделить следующие: ограниченность только количеством превышений; не учитывается их распределения во времени [2].

В тесте Кристоферсона, как и в тесте Купика, используется логарифмическая статистика. Точность прогнозов VaR в рамках используемых методов может быть оценена при помощи анализа числа пробоев – случаев, когда реализованный убыток инвестирования превысил расчетный лимит VaR.

Для этого вводится индикативная функция:

$$I_t = \begin{cases} 1, & \text{если } R_t < VaR_t(\alpha) \\ 0, & \text{если } R_t \geq VaR_t(\alpha) \end{cases}. \quad (9)$$

Рассмотрим основные требования к оценке лимитов значений VaR:

1) Гипотеза UC (Unconditional Coverage Hypothesis): ожидаемая вероятность превышения убытков величиной VaR должна быть равна выбранному уровню значимости VaR (α), следуя определению VaR:

$$P(I_t(\alpha) = 1) = E(I_t(\alpha)) = \alpha, \quad (10)$$

Если это условие нарушается, то оценка VaR систематически недооценивает или переоценивает риск.

$$P(I_t(\alpha) = 1) > \alpha. \quad (11)$$

2) Гипотеза IND (Independence Hypothesis): предполагается независимость случаев, когда наблюдаются нарушения границы VaR (I_t) и когда события имеют независимые распределения (I_s).

$$\forall t \neq s P(I_t = a) = P(I_t = a / I_s = b), a, b = 0, 1 \quad (12)$$

где: I_t и I_s – индикативные функции пробоя и суперпробоя; t – момент наступления пробоя; s – момент наступления суперпробоя; a, b – некоторые константы из множества 0 и 1 (вероятность принятия одной функцией любого возможного значения (a) не зависит от принятия другой функцией любого возможного значения (b)).

В случае, если IND-гипотеза не выполняется, возникает эффект кластерности, который проявляется чередующимися периодами пробоев и их отсутствием. При выполнении УС-гипотезы, модель с отвергнутой IND-гипотезой может давать неверные прогнозы из-за зависимости случайных величин I_t и I_s , где $t \neq s$.

Таким образом, при тестировании VaR расчетная оценка должна удовлетворять обоим критериям (УС и IND). Если хотя бы одно из условий нарушено, оценка считается неверной [2].

Метод функции потерь измеряет среднюю величину: насколько фактические убытки превышают уровень VaR. Функция потерь имеет следующий вид:

$$Loss_{Lopez} = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k Loss_i = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k \left(1 + (\Delta P_i - VaR_i)^2 \right), \Delta P_i > VaR_i, \quad (13)$$

С одной стороны, использование данного показателя дает возможность выбора между различными методами расчета VaR, а с другой, данный показатель не определяет правильность метода расчета. Чем меньше значение функции потерь, тем более точным является метод оценки риска.

Таким образом, проведенный анализ основных методов расчета показателя VaR при оценке рыночных рисков показал, что рассмотренные методы представляют собой достаточно эффективные инструменты для оценки риска и принятия обоснованных решений в инвестиционных операциях. Безусловно, идентификация и количественная оценка играют важную роль в управлении рисками, но получение лишь оценки риска не решает проблемы. Так, по словам, руководителя аналитического подразделения компании J. P. Morgan, создателя системы расчета VAR Risk Metrics: «VaR не может заменить

качественную систему управления, опыт и мотивированную экспертную оценку» [1].

Список литературы

1. **Оценка финансовых рисков: VAR индивидуальных стратегий.** – Текст : электронный // РискИнфосервис : [сайт]. – 2023. – URL: <http://riskinfo.ru/materialy/finansovye-riski/ocenka-finansovyh-riskov-var-individualnyh-strategij> (дата обращения: 05.12.2023).
2. **Дробыш, И. И.** Модели Value at Risk в оценке рыночных рисков / И. И. Дробыш // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – № 4. – С. 101–112.
3. **Дробыш, И. И.** Сравнительный анализ методов оценки рыночного риска, основанных на величине Value at Risk / И. И. Дробыш // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, № 4. – С. 74–93.
4. **Картвелишвили, В. М.** Риск-менеджмент. Методы оценки риска : учеб. пособие / В. М. Картвелишвили, О. А. Свиридова. – Москва : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-7307-1239-3.
5. **Шоломицкий, А. Г.** Теория риска. Выбор при неопределенности и моделирование риска : учеб. пособие для вузов / А. Г. Шоломицкий ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 400 с. – ISBN 5-7598-0280-1.

**Davyskiba O. V.,
Komar V. S.**

Analysis of mathematical methods for assessing risk value VaR

The article provides a comparative analysis of the main mathematical methods for assessing the risk value of VaR, such as the parametric method of calculating VaR, historical VaR and the hybrid Hull-White method. Various approaches to verification based on retrospective data are considered: the method used by the Basel Committee; Kupik test; Christofferson test; and the loss function method.

Key words: risk assessment, Value at Risk (VaR), mathematical methods, risk value.

Темникова Светлана Владимировна,
канд. техн. наук,
зав. кафедрой фундаментальной математики
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
temnikovasvetlana@rambler.ru

Исследование эффектов изотермического отжига пентапласта в широком температурном интервале

В статье представлены результаты комплексного исследования влияния изотермического отжига в температурном диапазоне (298–456 К) на структуру и некоторые физические свойства пентапласта. Показано, что отжиг в интервале от температуры стеклования до температуры плавления пентапласта можно классифицировать по трем температурным интервалам, в которых количественные и качественные изменения исследованных параметров существенно отличаются.

Ключевые слова: *изотермический отжиг, пентапласт, удельная теплоёмкость, плотность, степень кристалличности.*

Физические свойства материалов на основе частично-кристаллических полимеров существенно зависят от их термической предыстории, которая определяется технологическими процессами получения и переработки в готовые изделия. Одним из методов физической модификации полимерных материалов является изотермический отжиг готового продукта в широком диапазоне температуры при варьировании временных интервалов выдержки [2; 3]. Анализ литературы, посвящённой изучению влияния изотермического отжига на структуру и комплекс физических свойств полимерных материалов, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день ни одному из предложенных молекулярных механизмов отжига нельзя отдать предпочтение, хотя все они основываются на многочисленных экспериментальных фактах. В ряду исследований, посвященных указанной проблеме, пентапласт может быть представлен в качестве модельного материала с малой степенью кристалличности (до 34%), малой скоростью кристаллизации, удобным для исследований расположением интервала температуры стеклования – плавления (298–453 К), наличием двух модификаций элементарной ячейки [3; 4; 5].

Исходные образцы получали медленным охлаждением (0,013 К/с) расплава полимера, выдержанного при 523 К в течение 1200 с. для потери структурной памяти под давлением $1,5 \cdot 10^7$ Па. Образцы для калориметрических и дилатометрических исследований были изготовлены в форме цилиндров диаметром 7 мм и высотой 21 мм, для акустических и рентгено-структурных исследований – в форме дисков диаметром 20 мм и высотой 10 мм.

Изотермический отжиг проводили в воздушном термостате. Параллельный отжиг в силиконовом масле ПФМС-4 в рабочей ячейке объёмного дилатометра позволял следить за изменением плотности образцов

в самом процессе отжига. Результаты такого сканирования приведены на Рис. 1.

Зависимость плотности при комнатной температуре отожжённых образцов от температуры отжига (Рис. 2) позволяет по количественным и качественным изменениям, происходящим в материале при термообработке, всю область исследований разбить на интервалы I, II низкотемпературного и III – высокотемпературного отжига, в которых исследованные параметры имеют качественное и количественное отличие.

К низкотемпературной области изотермического отжига был отнесен широкий диапазон температуры ($T_{от}$), в котором происходящие структурные изменения не приводят к трансформации основной кристаллической структуры (293–423 К), что контролировалось калориметрическими и рентгеноструктурными данными.

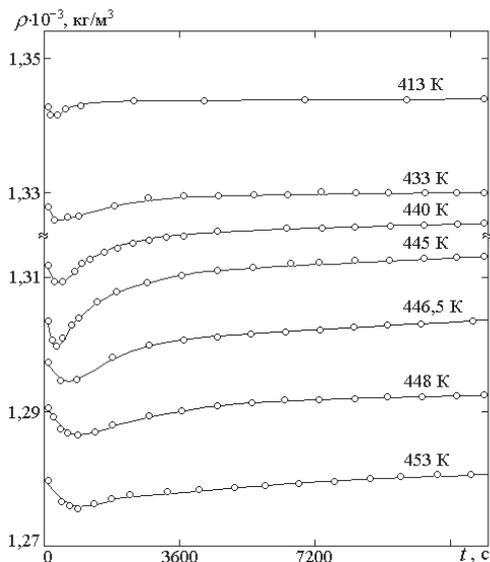

Рис. 1. Временные зависимости плотности пентапласта при различных температурах изотермического отжига

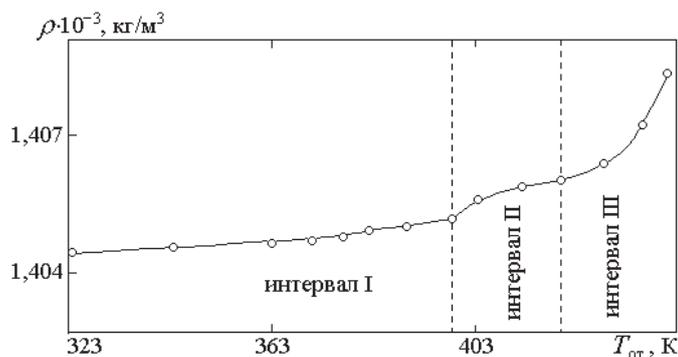

Рис. 2. Зависимость плотности пентапласта при 293 К отожженных образцов от температуры отжига

В интервале I прирост плотности с увеличением температуры отжига незначительный и частично обратим. В начале выдержки в течение 5–10 минут при заданной температуре обнаруживается процесс уменьшения плотности образца (Рис. 1, отжиг при 413 К), связанный, очевидно, с процессом плавления малоупорядоченных структур в аморфных областях пентапласта. Затем плотность отжигаемого образца монотонно возрастает, указывая на включение механизмов реструктуризации в аморфных областях. Насыщения процесс достигает в течение 2 часов. На дифрактограммах широкоугольного рентгеновского рассеяния (ШУРР) для исходного материала чётко выделяется пик при $2\theta = 14^\circ 27'$, соответствующий наличию α -модификации пентапласта (Рис. 3).

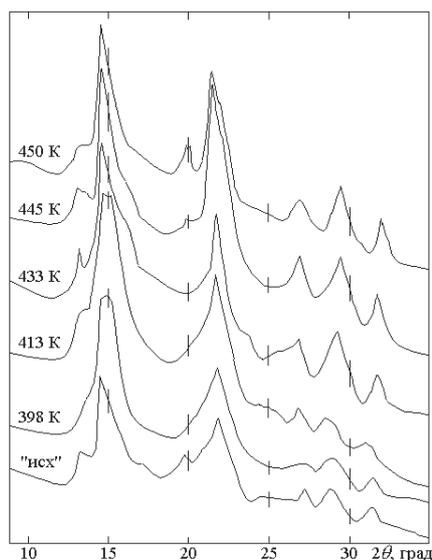

Рис. 3. Дифракционные кривые образцов пентапласта исходного и изотермически отожженного при различных температурах

Однако пик не симметричен и имеет уширение в сторону увеличения угла рассеяния. Следовательно, в материале присутствует и β -модификация с $2\theta = 15^\circ 15'$, доля которой существенно меньше доли α -модификации. Отжиг в интервале I (Рис. 3, отжиг при 398 К) приводит к симметрии дифракционного пика относительно метки 15° . Следовательно, при отжиге в этом интервале, при неизменности доли α -модификации, имеется существенный прирост доли β -модификации. Соотношение $\alpha:\beta$ приближается к единице.

Результаты зависимости степени кристалличности (χ), соотношения модификаций ($\alpha:\beta$) и средних размеров кристаллитов (L_α , L_β) пентапласта от температуры отжига по данным ШУРР приведены на Рис. 4.

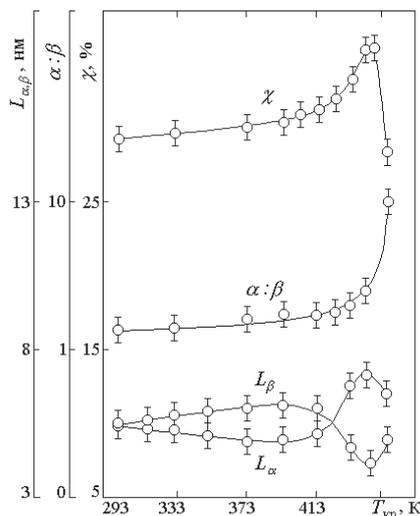

Рис. 4. Зависимости степени кристалличности (χ), соотношения модификаций ($\alpha:\beta$) и средних размеров кристаллитов (L_α, L_β) от температуры отжига пентапласта по данным ШУРР

Анализ температурной зависимости удельного объема пентапласта показал, что температуре отжига 373 К в интервале I соответствует изгиб, подтверждающий наличие процесса плавления малоупорядоченных структур, сформировавшихся при термообработке.

На температурной зависимости удельной теплоёмкости (Рис. 5) наблюдается скачок удельной теплоёмкости при температуре на 10 К выше температуры отжига.

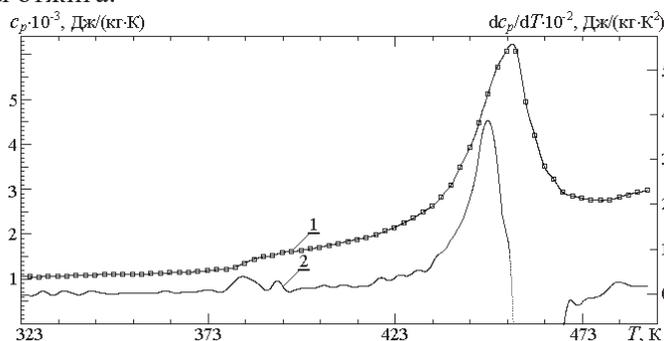

Рис. 5. Температурная зависимость удельной теплоёмкости (1) и первой производной удельной теплоёмкости по температуре (2) пентапласта при температуре отжига 373 К в течение 8 часов

На температурной зависимости первой производной от удельной теплоёмкости по температуре (dc_p/dT) обнаруживается двойной пик. Очевидно, процессы перестройки затрагивают не только структуры с кристаллографической решёткой β -модификации, но и малоупорядоченные области α -модификации.

Отжиг в интервале II интенсифицирует процессы, обнаруженные в интервале I. Область предварительного плавления (Рис. 1, отжиг при 433 К) имеет более глубокий минимум и захватывает больший временной промежуток, нежели в интервале I. Насыщение достигается в течение 4 часов. Изменения необратимы. Пик спектра ШУРР в районе метки 15° симметричен, соотношение $\alpha:\beta$ остаётся близким к единице (Рис. 3). Очевидно, в интервале II реорганизация в равной мере затрагивает структуры обеих модификаций в малоупорядоченных областях пентапласта, приводя к количественному возрастанию параметров эффектов отжига. Основная кристаллическая структура при этом остаётся неизменной, судя по полной идентичности высокотемпературных пиков плавления на калориметрических кривых (Рис. 5), совпадающих по форме, площади и температурному положению максимума (температура плавления $T_{пл}$). Мультиплет, зафиксированный вблизи температуры отжига в интервале I, вырождается в единичный пик симметричной формы. Возможно, это связано с зарождающимся в интервале II процессом $\beta \rightarrow \alpha$ перехода.

Отжиг в интервале III радикально трансформирует основную кристаллическую структуру пентапласта. Плотность отжигаемого образца пентапласта (Рис. 1) первоначально уменьшается (тем больше, чем выше $T_{от}$) и затем начинает медленно возрастать линейно от логарифма времени, что напоминает процесс вторичной изотермической кристаллизации пентапласта из расплава.

Время, соответствующее достижению минимума плотности на изотерме отжига, увеличивается с ростом $T_{от}$. Насыщение достигалось при отжиге в диапазоне 440–448 К (ниже температуры плавления исходного полимера $T_{пл} = 449$ К) в течение 10 часов и не достигалось в течение 2 суток в отжиге при 456 К.

На дифрактограммах ШУРР при высокотемпературном отжиге практически наблюдается только пик при $2\theta = 14^{\circ} 27'$, отвечающий за α -модификацию пентапласта. Остатки β -модификации проявляются в виде уширения пика только при начальных температурах высокотемпературного интервала отжига (Рис. 3, отжиг при 433 К). Высокотемпературный отжиг значительно увеличивает степень кристалличности исходного материала (от 26% до 33–36%) как по данным ШУРР, так и из калориметрических и dilatометрических измерений. На температурной зависимости удельного объёма излома кривой вблизи температуры отжига не наблюдается. Очевидно, в процессе нагрева происходит практически полная $\beta \rightarrow \alpha$ трансформация кристаллической структуры. Температура плавления смещается до 4 К в высокотемпературную область, что обусловлено возрастанием средних размеров α -кристаллитов (Рис. 4).

На Рис. 6 видно, что 2 часа изотермического отжига при 443 К приводят к значительной полидисперсности в области температур 418–443 К, которая подчёркивается низкотемпературным уширением пика эндотермы плавления и мультиплетностью температурной зависимости dc_p/dT в этой области.

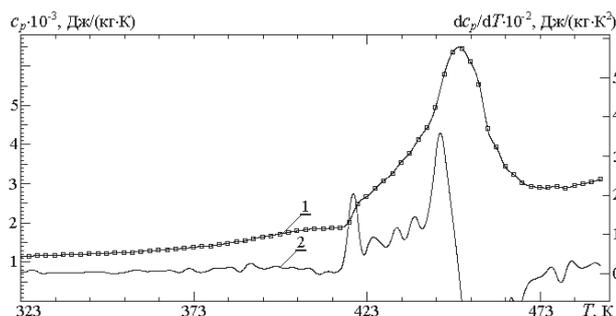

Рис. 6. Температурная зависимость удельной теплоёмкости (1) и первой производной удельной теплоёмкости по температуре (2) пентапласта при температуре отжига 443 K в течение 2 часов

Обусловлено это включением сложных механизмов трансформации структуры, таких как плавление малоупорядоченных областей, полиморфный $\beta \rightarrow \alpha$ переход и процесс увеличения большого периода α -кристаллитов. При этом увеличивается площадь эндотермы плавления (степень кристалличности) и смещается в высокотемпературную область её максимум (температура плавления).

В течение 4 часов отжига (Рис. 7) рекристаллизационные процессы нивелируются. На температурной зависимости удельной теплоёмкости проявляется четкое разграничение между малоупорядоченными структурированными областями и основной кристаллической структурой α -модификации.

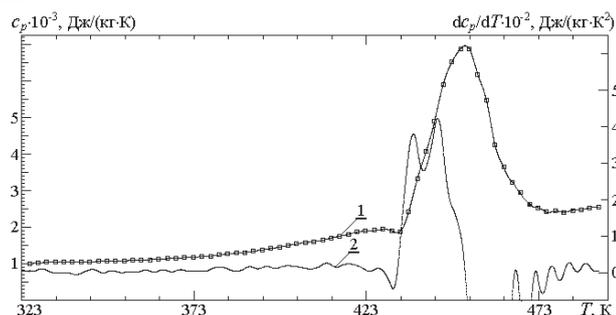

Рис. 7. Температурная зависимость удельной теплоёмкости (1) и первой производной удельной теплоёмкости по температуре (2) пентапласта при температуре отжига 443 K в течение 4 часов

Наличие малой доли материала, не успевшей «втянуться» в общую область высокого упорядочения, обнаруживается дуплетом на температурной зависимости dc_p/dT в интервале 430–448 K. Активным остаётся только процесс увеличения большого периода ламелей α -кристаллитов, приводящий к дальнейшему росту степени кристалличности и температуры плавления. Однако скорость этого процесса с ростом температуры отжига резко уменьшается (Рис. 8).

После отжига при 456 K эндотерма плавления материала представляет собой триплет. Значительная часть кристаллической структуры при этой

температуре переходит в расплавленное состояние и очень медленно кристаллизуется в более совершенную форму максимально большого периода с температурой плавления порядка 465 К (температура плавления исходного материала 449 К). Увеличение на порядки времени выдержки могло бы привести к полной рекристаллизации структуры частично-кристаллического пентапласта в максимально высокоорганизованную форму, однако возможностей для длительного отжига в наших условиях не было.

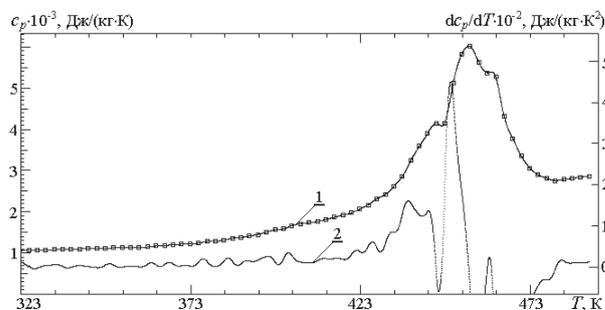

Рис. 8. Температурная зависимость удельной теплоёмкости (1) и первой производной удельной теплоёмкости по температуре (2) пентапласта при температуре отжига 456 К в течение 4 часов

Средний пик триплета связан с реорганизованной не расплавившейся структурой полимера, а низкотемпературный – со структурой, сформировавшейся из расплава при охлаждении образца. Степень неоднородности структурных элементов значительно возрастает по сравнению с данными отжига при 443 К. Степень кристалличности и усреднённые размеры кристаллитов уменьшаются (Рис. 4).

Таким образом, методами калориметрии, дилатометрии и рентгеноструктурного анализа проведено исследование влияние температуры и времени изотермического отжига на структурные превращения в пентапласте. Установлено, что изотермический отжиг в диапазоне от температуры стеклования до температуры плавления можно классифицировать по трем температурным интервалам, в которых количественные и качественные изменения исследованных параметров существенно отличаются:

- в интервале I (290–398 К) изменения относительно малы, достигают насыщения в течение 2 ч. выдержки и частично обратимы. Характеризуются скачком удельной теплоёмкости и изломом дилатометрической кривой при температуре отжига. Основная кристаллическая структура не затрагивается. Результаты ШУРР не оставляют сомнения, что в данном случае имеет место процесс плавление – кристаллизация. При этом кристаллографические данные новой структуры соответствуют β -модификации;

- в интервале II (398–423 К) указанные процессы интенсифицируются. Калориметрические и дилатометрические эффекты отжига возрастают на порядок. Насыщение достигается в течение 4 ч. Изменения необратимы. Основная кристаллическая структура остается незатронутой. Данные ШУРР по-прежнему говорят о структурировании аморфных зон в β -модификацию;

- в интервале III (423–458 К) отжиг приводит к значительной трансформации основной кристаллической структуры, что связано с

неравновесным термодинамическим состоянием материала, полученного обычным технологическим путем. Степень кристалличности увеличилась до 33–36%. Резко изменились форма и площадь основного эндотермического пика. Максимум смещается в сторону более высокой температуры. Основному максимуму предшествует небольшой низкотемпературный пик, который отвечает за плавление метастабильной структуры, сформировавшейся при охлаждении образца после отжига. Минимум, разделяющий обе эндотерми, скорее связан не с экзотермическими процессами рекристаллизаций, а с ограничениями, которые налагаются на процесс последующей кристаллизации основной кристаллической структурой.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке технологических процессов модификации структуры в частично-кристаллическом пентапласте с целью направленного влияния на комплекс его физических свойств.

Список литературы

1. **Влияние температуры и времени** изотермического отжига на структурные превращения в поливинилиденфториде / В. М. Барановский, Ю. А. Горностаева, Ю. В. Зеленев [и др.] // *Материаловедение*. – 2000. – № 9. – С. 31–33.
2. **Вундерлих, Б.** Физика макромолекул : в 3 т. Т. 2. Зарождение, рост и отжиг кристаллов / Б. Вундерлих. – Москва : Мир, 1979. – 679 с.
3. **Мулин, Ю. А.** Пентапласт / Ю. А. Мулин, И. К. Ярцев. – Ленинград : Химия, Ленингр. отд-ние, 1975. – 120 с.
4. **Расчет и получение изделий** из полимерных материалов : монография. Т. 1. Физико-математическая модель создания пористых материалов / Б. Е. Байгалиев, С. В. Темникова, А. В. Черенков, А. В. Черноглазова. – Казань : Изд-во КНИТУ-КАИ, 2016. – 288 с. – ISBN 978-5-7579-2184-6.
5. **Темникова, С. В.** Некоторые параметры изотермической кристаллизации пентапласта из расплава и закалённого состояния / С. В. Темникова // *Вестник Луганского государственного педагогического университета*. Сер. 5, Гуманит. науки. Техн. науки. – 2021. – № 4(69). – С. 73–78.

Temnikova S. V.

Investigation of the effects of isothermal annealing of pentaplast in a wide temperature range

The article presents the results of a comprehensive study of the effect of isothermal annealing in the temperature range (298–456 K) on the structure and some physical properties of the pentaplast. It is shown that annealing in the range from the glass transition temperature to the melting point of the pentaplast can be classified into three temperature ranges, in which quantitative and qualitative changes in the studied parameters differ significantly.

Key words: *isothermal annealing, pentaplast, specific heat, density, degree of crystallinity.*

Технические науки

УДК 628.9-047.74-0.27.43.004.4'232

Калайдо Александр Витальевич,
канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры
технологий производства и
профессионального образования
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kalaydo18@mail.ru

Шишлакова Виктория Николаевна,
ст. преподаватель кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
v.shishlakova@rambler.ru

Автоматизация процесса расчета производственного освещения посредством табличного процессора MS Excel

В статье рассмотрены наиболее распространенные методы проектного расчета искусственного рабочего освещения и показаны преимущества метода коэффициента использования светового потока. Для данного метода при помощи табличного процессора MS Excel реализован алгоритм автоматического расчета количества осветительных приборов в зависимости от размеров и назначения помещения. Описаны вычислительные процедуры линейной интерполяции и автоматического выбора параметров при определении величины требуемого светового потока.

Ключевые слова: освещенность, табличный процессор, расчет, источник света.

Свет является одним из важнейших явлений в жизни человека, получающего при помощи органов зрения более 80% информации об окружающей действительности. Естественный свет оказывает благоприятное влияние на иммунную, сердечно-сосудистую и нервную системы, имеет выраженный антибактериальный эффект, способен существенно влиять на психоэмоциональное состояние.

Однако современный человек более 7 000 часов в год (80% времени) проводит в зданиях, где создаваемая естественная освещенность недостаточна или пренебрежимо мала (в темное время суток). В подобных условиях задача

обеспечения благоприятной внутренней световой среды ложится на источники искусственного освещения – лампы и светильники.

Безусловно, искусственное освещение не способно в полной мере заменить дневной свет, однако по мере совершенствования осветительных приборов их спектр все больше приближается к спектру излучения Солнца. Еще одно направление совершенствования конструкции ламп – повышение их энергоэффективности, поскольку на данный момент в России на искусственное освещение тратится до 14% от общего энергопотребления [4]. В соответствии с концепцией повышения энергоэффективности, лампы накаливания в свое время были заменены более экономичными газоразрядными лампами, которые в настоящее время сами постепенно вытесняются куда более совершенными и экономичными светодиодными.

Особую важность правильная организация искусственного освещения приобретает для производственных и служебных помещений. В отличие от жилой зоны, производственное освещение не только должно поддерживать высокую производительность труда, но и обязано отвечать требованиям действующего санитарного законодательства [5]. При этом рабочий ресурс производственного освещения полностью закладывается на стадии его проектирования.

Несмотря на набирающую обороты тенденцию замены газоразрядных ламп на более энергоэффективные светодиодные, методы расчета искусственного освещения не претерпели изменений. В настоящее время используются:

– *точечный метод расчета* – чаще всего применяется при расчете освещения наружных пространств, а также при проектировании аварийного, эвакуационного или антипанического освещения, он позволяет точно учесть освещенность, создаваемую световым потоком, отраженным от стен и потолка;

– *метод коэффициента использования светового потока* – основной метод, применяемый для проектного расчета общего равномерного освещения горизонтальных рабочих поверхностей;

– *метод удельной мощности* – используется для приближенной проверки соответствия освещенности данного помещения нормативным величинам, в настоящее время в расчетах встречается крайне редко [2].

На данный момент на рынке представлен большой выбор систем автоматизированного проектирования освещения, но большая их часть иностранной разработки и не совместима с требованиями российских нормативных актов. Довольно распространен программный комплекс Dialux, разработанный немецкой компанией DIAL GmbH для расчёта наружного и внутреннего освещения при заданном типе, количестве и расположении светильников [1]. Более прост в использовании ReluxProfessional – частично платный программный продукт швейцарской компании ReluxInformatik AG по расчету внутреннего освещения.

Однако все представленные на рынке лицензионные САПР искусственного освещения не являются бесплатными и поэтому не всегда доступны небольшим учреждениям и организациям непромышленной (социально-культурной) сферы. В то же время, проектный расчет искусственного

освещения может быть выполнен при помощи табличного процессора MS Excel с минимальными затратами человеческих и машинных ресурсов. Проиллюстрируем это на примере проектного расчета искусственного освещения помещения учебного заведения методом коэффициента использования светового потока.

Для общего освещения учебного помещения можно использовать люминесцентные или светодиодные лампы. Исходными данными для расчета выступают размеры помещения (длина a , ширина b , высота h) и высота рабочей поверхности $h_{нов}$, а минимальная освещенность E_{min} принимается в соответствии с санитарными правилами [5]. В частности, для учебных аудиторий минимальная допустимая освещенность, создаваемая люминесцентными лампами, должна составлять $E_{min} = 300$ лк.

Освещенность рабочей поверхности определяется расстоянием до нее от потолка

$$H_0 = h - h_{нов}.$$

Для достижения наиболее равномерной освещенности рабочей зоны рекомендуется соблюдать соотношение $\frac{L}{H_0} = 1,2$, из которого определяется

расстояние между центрами светильников $L = 1,2 \cdot H_0$.

На первом этапе проектного расчета необходимое количество световых точек (светильников или ламп) определяется по формуле

$$n = \frac{a \cdot b}{L^2}, \quad (1)$$

после чего полученный результат автоматически округляется до ближайшего большего целого числа.

Для определения коэффициента использования светового потока необходимо вычислить индекс помещения через его габаритные размеры по формуле

$$i = \frac{a \cdot b}{H_0 \cdot (a + b)}. \quad (2)$$

Но значения коэффициента использования светового потока η известны только для определенных (узловых) значений индекса помещения i (табл. 1), поэтому для найденного i коэффициент использования светового потока вычисляется с помощью линейной интерполяции.

Таблица 1

Коэффициент использования светового потока [3]

Индекс помещения i	0,5	1	2	3	4	5
Коэффициент использования светового потока η	0,22	0,37	0,48	0,54	0,59	0,61

Для произвольного $c \in (a; b)$ вычисление коэффициента использования светового потока η при помощи линейной интерполяции имеет вид

$$\eta(c) = \eta(a) + \frac{\eta(b) - \eta(a)}{b - a} \cdot (c - a), \quad (3)$$

где a и b – значения индекса помещения i в Табл. 1.

В MS Excel для реализации этой процедуры воспользуемся функцией ГПР, которая выполняет поиск значения в первой строке таблицы или массив значений и возвращает значение, находящееся в том же столбце в заданной строке таблицы или массива. Функция ГПР используется, когда сравниваемые значения расположены в первой строке таблицы данных, а возвращаемые – на несколько строк ниже.

В предлагаемом варианте вычисление значения коэффициента использования светового потока средствами MS Excel производится в три этапа:

1. Выполняется сравнение вычисленного по формуле (2) значения индекса i со значениями в узловых точках Табл. 1: если индекс помещения – узловое значение, то используется прямое нахождение значения η с помощью функции ГПР, иначе применяется процедура линейной интерполяции.

2. Используются функции ОКРУГЛВВЕРХ и ОКРУГЛВНИЗ, которые округляют расчетное значение индекса i до ближайшего большего и ближайшего меньшего из представленных в Табл. 1. Так определяется интервал значений индекса помещения i , которому принадлежит конкретное значение.

3. Непосредственное вычисление коэффициента использования светового потока по формуле (3).

Описанные выше этапы в процессоре MS Excel реализуются одной формулой в ячейке для определения коэффициента использования светового потока, которая выглядит следующим образом:

=ЕСЛИ(ИЛИ(D30>=I32;ИЛИ(D30<=D32;D30=E32;D30=F32;D30=G32;D30=H32));ГПР(D30;D32:I33;2;1);ГПР(D30;D32:I33;2;1)+((ГПР(ОКРУГЛВВЕРХ(D30;0);D32:I33;2;1)-ГПР(D30;D32:I33;2;1))/(ОКРУГЛВВЕРХ(D30;0)-ОКРУГЛВНИЗ(D30;0)))*(D30-ОКРУГЛВНИЗ(D30;0))),

где D30 – ячейка с рассчитанным ранее индексом помещения (Рис. 1); D32: I33 – диапазон с коэффициентами использования светового потока.

В представленной формуле также использованы логические функции ЕСЛИ и ИЛИ, позволяющие избежать ошибки деления на ноль в точках, когда индекс помещения i принимает узловое значение.

Завершающая часть расчета состоит в определении требуемого светового потока для данного помещения с учетом его снижения в процессе эксплуатации по следующим причинам:

1. Световой поток снижается при осаждении пыли на поверхностях светильников, поэтому в конечную формулу входит коэффициент запаса k (2,0 – при значительном выделении пыли; 1,8 – при среднем; 1,5 – при малом).

2. Световой поток ламп со временем снижается на 10...15%, поэтому чтобы в процессе эксплуатации освещенность не опустилась ниже гигиенического норматива, в расчетную формулу вводится коэффициент запаса $z = 1,15$.

Световой поток от одной световой точки определяется по формуле

$$F = \frac{E_{\min} \cdot a \cdot b \cdot k \cdot z}{n \cdot \eta}, \quad (4)$$

где все величины в правой части являются исходными данными или вычислены программой в процессе работы.

Чаше всего полученный поток от одной световой точки не может быть обеспечен одной лампой, поэтому далее необходимо определить количество ламп в светильнике. Для этого общий световой поток F нужно разделить на световой поток выбранной лампы F_1 (Табл. 2), при этом следует помнить, что в светильнике могут устанавливаться 2, 4, 6 или 8 ламп.

После того, как выбран тип лампы и определено количество ламп в светильнике, определяется суммарное необходимое количество ламп

$$N = n \cdot n_{\text{лампы}}. \quad (5)$$

Процедура выбора лампы также легко может быть автоматизирована, для этого в расчетный лист табличного процессора MS Excel необходимо внести информацию о технических характеристиках имеющихся в наличии ламп (Табл. 2).

Таблица 2

Светотехнические характеристики люминесцентных ламп [3]

Тип и мощность лампы	Световой поток F_1 , лм
Люминесцентная дневного света для качественной цветопередачи ЛДЦ 40	2 100
Люминесцентная дневного света низкого давления ЛД 40	2 340
Люминесцентная белого света ЛБ 40	3 000
Люминесцентная дневного света для качественной цветопередачи ЛДЦ 80	3 560
Люминесцентная дневного света низкого давления ЛД 80	4 070
Люминесцентная белого света ЛБ 80	5 220

Описанный выше алгоритм не подразумевает единственности решения, поэтому, меняя тип лампы, можно изменять количество ламп в светильнике, методом перебора добиваясь получения стандартного значения.

Описанная выше процедура может быть использована и при проектировании дизайнерского освещения жилых и общественных помещений с использованием получающих все большее распространение светодиодных

источников света. Фрагмент рабочего листа MS Excel для расчета искусственного освещения рабочей зоны люминесцентными лампами представлен на Рис. 1.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	Расчет искусственного освещения											
3	<i>Исходные данные для расчета:</i>											
4	Длина помещения	$a =$	9	м								
5	Высота помещения	$H =$	3,7	м								
6	Ширина помещения	$b =$	5	м								
8	Высота рабочей поверхности	$h =$	0,75	м								- если освещенность нормируется на поверхности стола.
10	Минимальная достаточная освещенность	$E_{min} =$	300	лк								- для учебных аудиторий в соответствии с требованиями СП 52.13330.2016
11	Коэффициент выделения пыли в помещении	$k =$	1,5									- принимается для учебных аудиторий
12	Коэффициент запаса	$z =$	1,5									
14	<i>Расчет количества светильников:</i>											
15	Расстояние от светильника до рабочей поверхности											
16		$H_0 = H - h =$	2,95	м								
18	Расстояние между центрами светильников из условия обеспечения равномерной освещенности											
19		$L = 1,2 \cdot H_0 =$	3,54	м								
21	Предварительное количество светильников											
22		$n = \frac{ab}{L^2} =$	3,5909	шт								
23	Полученное значение округляется до ближайшего большего целого											
25		$n =$	4	шт								
28	Определение коэффициента использования светового потока											
29		$i = \frac{a \cdot b}{H_0 \cdot (a + b)} =$	1,0896									
32	Коэффициенты использования светового потока											
33		i	0,5	1	2	3	4	5				
34		η	0,22	0,37	0,48	0,54	0,59	0,61				
35		$\eta(i) =$	0,3799									
37	Световой поток от одной световой точки											
38		$F = \frac{E_{min} \cdot a \cdot b \cdot k \cdot z}{n \cdot \eta} =$	19991	лм								
41	<i>Количество ламп в одном светильнике, если выбираем лампу типа ЛБ50:</i>											
42		световой поток выбранной лампы F_1	5220	лм								
44		$n_{лампы} = \frac{F}{F_1} =$	3,8297	шт.								
46	Округляем до ближайшего целого числа ламп =											
47			4	шт.								
48	Окончательное необходимое число ламп выбранного типа											
49		$N = n \cdot n_{лампы} =$	16	ламп								

Результаты выполненного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Искусственное производственное освещение является главным фактором, определяющим эффективность трудового процесса, а его рабочий ресурс закладывается на стадии проектирования.

2. Существующие системы автоматизированного проектирования общего внутреннего освещения по большей части не являются ни российскими, ни бесплатными.

3. Благодаря возможностям табличного процессора MS Excel возможна полная автоматизация процесса расчета системы общего рабочего освещения,

что и продемонстрировано в данной работе на примере метода коэффициента использования светового потока.

4. Предложенный подход также может быть использован в проектных и проверочных расчетах других параметров трудового процесса, величина которых регламентируется действующим санитарным законодательством.

Список литературы

1. **Гаврилов, Д. С.** Сравнение программ для расчета освещения с возможностью 3D моделирования / Д. С. Гаврилов, Н. В. Денисова // Вестник технологического университета. – 2018. – Т. 21, № 5. – С. 191–194.
2. **Казарин, В. Е.** Совершенствование методики расчета освещения методом удельной мощности светодиодными световыми приборами сельскохозяйственных предприятий и организаций / В. Е. Казарин // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2019. – № 2(172). – С. 172–176.
3. **Калайдо, А. В.** Охрана труда в отрасли. Сфера образования Луганской Народной Республики : учеб.-метод. пособие / А. В. Калайдо, А. Н. Корнеева ; ГОУ ВО ЛНР «Луганский гос. пед. ун-т». – Луганск : Книта, 2022. – 112 с.
4. **Лапшина, Ю. С.** Разработка методики по оптимизации освещения административных и производственных помещений / Ю. С. Лапшина, С. А. Лившиц // Молодой исследователь: вызовы и перспективы : сб. ст. по материалам СЛП Междунар. науч.-практ. конф., февр. 2020 г. / [редкол.: О. В. Виштак и др.]. – Москва, 2020. – ISSN 2415-8771. – № 5(152). – С. 123–124.
5. **СП 52.13330.2016.** Естественное и искусственное освещение : актуализированная редакция СНиП 23-05-95 : (утв. приказом М-ва строительства и жилищно-коммунального хозяйства. РФ от 7 нояб. 2016 г. ; 777/пр) : дата введения 8 мая 2017 г. / исполнитель – ФГБУ «Науч.-исслед. ин-т строительной физики Рос. акад. архитектуры и строительных наук» (НИИСФ РААСН) и ЦЕРЕРА-ЭКСПЕРТ (ООО «ЦЕРЕРА-ЭКСПЕРТ»). – Изд. офиц. – Москва : Стандартинформ, 2017. – IV, 116 с. : ил.

**Kalaydo A. V.,
Shishlakova V. N.**

Automation of the industrial lighting calculating process using a spreadsheet processor MS Excel

The paper discusses the most common methods for design calculation of artificial working lighting and shows the advantages of the luminous flux utilization factor method. For this method, using the MS Excel spreadsheet processor, an algorithm has been implemented to automatically calculate the number of lighting fixtures depending on the size and purpose of the apartment. Computational procedures for linear interpolation and automatic selection of parameters when determining the required luminous flux are described.

Key words: illumination, table processor, calculation, light source.

УДК 67.02/ 67.08

Капустин Денис Алексеевич,
канд. техн. наук, доцент,
зав. кафедрой информационных
образовательных технологий и систем
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
kap-kapchik@mail.ru

Швыров Вячеслав Владимирович,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
slavik_asas@mail.ru

Сентяй Роман Николаевич,
ст. преподаватель кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
sentyayroman@yandex.ru

Короп Геннадий Викторович,
канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры информационных
образовательных технологий и систем
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
korop_g@mail.ru

Автоматизация контроля качества водоугольной суспензии и измерительные устройства для ее реализации

Современное развитие технологии водоугольного топлива невозможно без всесторонней автоматизации процессов его производства, транспортирования и использования. Особую важность представляет автоматизация сжигания (газификации) топливной водоугольной суспензии, которая является залогом расширения сферы применения таких энергоносителей. Для автоматизации определения основных параметров топливной водоугольной суспензии используются различные измерительные устройства: расходомеры, плотномеры, датчики влажности и зольности, а также вискозиметры. Их работа основана на использовании различных принципов: ультразвуковых колебаний, перепаде давления на сужающихся элементах трубопровода, гамма-излучении, а также на использовании электромагнитных свойств угля.

Установлено, что основными факторами, влияющими на точность определения свойств водоугольной суспензии, являются толщина слоя исследуемой среды, фракционный состав, наличие определенных химических

элементов, скорость и направление движения, а также наличие аномалий течения.

Ключевые слова: *топливная водоугольная суспензия, измерение, прибор, автоматизация, зольность.*

Постановка проблемы. Одной из самых заметных и значимых технологий в области использования угля для получения энергии считается создание топливной водоугольной суспензии, которая представляет собой не просто смесь угольной пыли с водой, а специфическое жидкое топливо с определенными техническими характеристиками, которое позволяет минимизировать затраты на его подготовку, хранение, транспортировку, сжигание или газификацию.

За последние годы значительно увеличилось количество исследований, посвященных решению различных задач в этой области. Среди наиболее интересных можно выделить разработку эффективных технических систем, а также моделирование процессов течения ТВУС по трубопроводам различной конфигурации [1; 5; 7]. Основной проблемой при использовании водоугольного топлива является значительная вязкость суспензии при необходимом уровне концентрации угольной пыли. Исследования показали, что на вязкость влияют различные параметры водоугольного топлива, включая содержание твердых частиц, температуру суспензии, свойства угля, состояние поверхности частиц, тип пластификатора, режим транспортирования и другие факторы. Установлено, что водоугольное топливо с бимодальной структурой дисперсной фазы обладает лучшими реологическими свойствами по сравнению с классическим топливом, включающим полифракционный состав угольной пыли [5]. Тем не менее, для создания ТВУС с таким бимодальным размером частиц угольной пыли потребуются определенное усложнение технологического процесса, подразумевающее использование дополнительных измельчительных приборов или сортировочных устройств.

Важной задачей развития технологии водоугольного топлива и обеспечения бесперебойной работы различных технологических систем, связанных с ним, является автоматизация. Следует отметить, что в качестве объекта автоматизации могут выступать не только процессы транспортирования и приготовления, но и процессы горения или газификации.

Основным регламентируемым параметром в таком случае выступает зольность топливной водоугольной суспензии, которая напрямую связана с калорийностью ТВУС и стабильностью тепловых процессов.

Цель – исследование особенностей автоматизации работы технологических систем, предназначенных для топливных водоугольных суспензий, а также устройств для ее реализации.

Материалы и результаты исследования. Для построения систем автоматического управления технологическими процессами отделений подготовки водоугольной суспензии используют средства автоматического отбора информации о количестве и качестве рядовых углей и продуктов обогащения, расходах и плотности пульпы и суспензий, уровне жидких и сыпучих продуктов в технологических емкостях, положении подвижных объектов и их отдельных компонентов и др.

В качестве датчиков расхода и плотности используют традиционные средства, основанные на перепаде давления в сужающих устройствах, разности гидростатических давлений контролируемой жидкости и чистой воды.

Приборы РКТП-1 и РКТП-2 были первыми промышленными золомерами для потоков угля, в настоящее время разработаны золомеры РКТП-4 и РКТП-5 [6].

Наиболее часто используемыми устройствами для контроля зольности угольного концентрата являются устройства типа УЗПИ, работающие на принципе обратного рассеивания гамма-лучей. Кроме того, используются оптические индикаторы зольности отходов флотационного процесса (тип УЗОФ) и устройства контроля концентрации и зольности твердых частиц пульпы (тип УКЗ).

Устройство контроля зольности угля в потоке УЗПИ является важным инструментом для обеспечения эффективности процесса обогащения угля. Оно позволяет непрерывно контролировать зольность угля в технологическом потоке, что помогает оптимизировать процесс обогащения и повысить качество продукции. Кроме того, установка устройства УЗПИ требует определенных климатических условий, которые необходимо обеспечить на производстве. Это обеспечивает надежность работы устройства и точность получаемых данных о зольности угля.

Устройство УЗПИ обладает высокой степенью защиты от пыли и влаги, что позволяет использовать его в тяжелых условиях обогатительных фабрик. Принцип его работы основан на измерении уровня гамма-излучения, которое отражается от угля. Это позволяет точно определить зольность угля, даже при изменении влажности и содержания железа. Устройство подходит для угля размером до 100 мм и работает со слоем угля толщиной не менее 100–150 мм и шириной не менее 250 мм для обеспечения точности измерений. Изменения влажности угля и содержания оксидов железа в зоне не должны превышать 7% [6].

Функциональная схема устройства УЗПИ показана на Рис. 1.

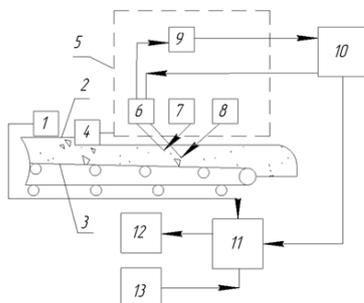

Рис. 1. Функциональная схема устройства контроля зольности УЗПИ

Устройство состоит из трех блоков: детектора 5, предварительного преобразования сигнала 10, преобразования сигнала 11, индикации 12 и управления 13.

Блок детектора 5 выполнен на основе сцинтилляционного детектора; он преобразует рассеянный контролируемым продуктом 2 поток гамма-квантов. Средняя частота выходных импульсов блока детектора обратно

пропорциональна содержанию золообразующих элементов в контролируемом продукте 2. Наличие угля на конвейере контролируется датчиком 1 [1; 6].

Блок детектора, содержит два источника гамма-излучения: основной 8 и дополнительный 7, каждый из которых выполнен на основе радионуклида америций-241.

Блок детектора устройства УЗПИ имеет конструкцию, которая обеспечивает стабильность выходного сигнала, независимо от расстояния между продуктом и детектором в пределах ± 15 мм. Это повышает точность контроля зольности. Устройство управления 13 позволяет настраивать устройство на один из трех диапазонов контроля зольности, с различной точностью.

Устройство УЗПИ используется в качестве датчика зольности в системах автоматического управления отсадкой, флотацией, сепарацией и других процессов.

Для непрерывного контроля зольности отходов и зольности питания флотации используют устройство типа УЗОФ, имеющее диапазон контроля 50...90% с относительной погрешностью до 10% (Рис. 2) [6].

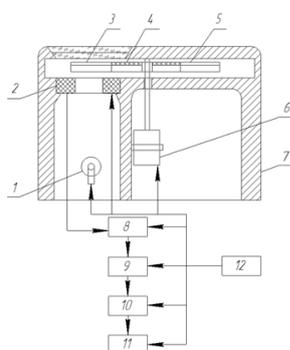

Рис. 2. Схема прибора для контроля зольности отходов флотации УЗОФ

Устройство контроля зольности УЗПИ состоит из двух основных частей: оптического устройства и электронного блока. Оптическое устройство устанавливается в потоке угля, а электронный блок используется для обработки полученных данных и отображения результатов.

Оптическое устройство состоит из источника света 1, фотоприемника 2, разграничительного стекла 3, обтюратора 4, имеющего эталонное поле 5, микроэлектродвигателя 6 и корпуса 7. Электронный блок содержит преобразователь 8, усилитель 9, выпрямитель 10, миллиамперметр 11 и источник питания 12.

Устройство УЗПИ необходимо калибровать на фабрике с использованием химического анализа проб угля. Проведенные испытания показали, что погрешность измерения зольности угля составляет около 8,06%, при средней зольности 64,4%. Устройство может использоваться как самостоятельно для контроля работы флотационных машин, так и в составе систем автоматического управления процессом обогащения угля. В дальнейшем устройство было усовершенствовано и теперь может также измерять концентрацию и зольность твердой фазы пульпы.

Датчики влажности угля являются важной частью оборудования для контроля процесса обогащения угля. Они работают на основе принципа измерения диэлектрической проницаемости угля и воды, что позволяет определить влажность угля в режиме реального времени. Это обеспечивает возможность автоматической регулировки процесса обогащения для достижения максимальной эффективности и качества продукции.

В последнее время наиболее распространены микроволновые методы определения влажности. Указанный принцип положен в основу работы влагомеров ВУС-1М (Рис. 3) и АВУ-1. Оба прибора используют геометрию измерения «на прохождение».

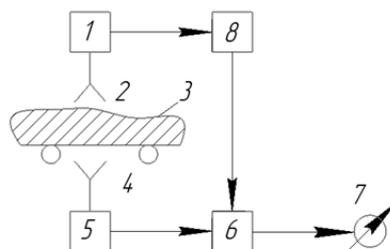

Рис. 3. Блок схема влагомера ВУС-1М

Влагомер ВУС-1М содержит генератор сверхвысокой частоты 1, передающую 2 и приемную 4 антенны, детектор СВЧ, блок обработки сигнала 6, индикатор 7 и блок питания 8. Передающая антенна устанавливается над лентой конвейера с углем 3, приемная – под ней. Прибор может быть использован для непрерывного контроля влажностного содержания потоков угля крупностью до 100 мм [1].

Датчики влажности угля имеют определенные диапазоны влажности и толщины слоя угля, которые взаимосвязаны. Увеличение толщины слоя угля уменьшает диапазон контролируемой влажности и наоборот. Точность определения влажности составляет 0,5–1,0% (абс.) при доверительной вероятности 0,95. Датчики ВУС-1М и АВУ-1 менее подвержены влиянию мешающих факторов, таких как изменение зольности и минерализации воды, по сравнению с датчиками других типов. Изменение зольности угля на $\pm 1\%$ соответствует изменению влажности на $\pm 0,05\%$. Изменение толщины слоя угля влияет на уровень электромагнитного излучения, что может искажать данные о влажности угля. Чтобы устранить этот фактор, используют стабилизацию толщины слоя угля. Время интеграции сигнала выбирают таким образом, чтобы отклонение высоты слоя от среднего значения не превышало ± 5 мм. Важно соблюдать соотношение крупных и мелких классов угля в потоке для обеспечения точности измерений. Например, если уголь имеет крупность 0...100 мм, то класс 50...100 мм должен составлять не более 15%.

Погрешность измерения влажности угля также зависит от изменений насыпной плотности угля, которые не коррелируют с влажностью. Компенсация влияния плотности возможна только при наличии соответствующего сигнала. На практике такая компенсация не всегда требуется, так как на обогатительных фабриках среднее значение плотности изменяется незначительно, не вызывая увеличения суммарной приборной

погрешности более 1% (абс). Датчик чувствителен к изменению температуры угля, и при превышении установленного диапазона температур автоматически включается система термокоррекции.

Следует отметить, что в последнее время активно внедряются устройства определения основных показателей (в частности зольности) водоугольных суспензий на основе вихревого поля [2; 4]. Такой метод включает обработку электромагнитным полем водоугольного сырья, которое перемещается по трубопроводу и содержит, как пустую породу, так и углесодержащий компонент. Он основан на электропроводности угольной компоненты сырья, которая полностью отсутствует или очень низкая у зольной компоненты. Кроме того, на результаты определения зольности вихрековым методом влажность практически не оказывает влияния.

Вывод. В ходе исследования установлено, что для обеспечения надежности работы технологических систем по приготовлению, транспортированию и использования ТВУС необходимо использование обширной системы автоматизации. Следует отметить, что процессы сжигания и газификации топливной водоугольной суспензии затруднительны без автоматического управления параметрами горелочных устройств.

Для определения показателей водоугольного топлива используются ряд приборов: расходомеры, плотномеры, устройства определения зольности и влажности, а также вискозиметры. Все известные устройства для определения свойств ТВУС имеют ряд существенных недостатков, связанных с порогом влажности анализируемой среды, необходимостью фиксированной толщины слоя угольной массы и т. д.

Новым направлением в сфере автоматизации технологии водоугольного топлива и анализа свойств водоугольной среды являются вихрековые методы и датчики на их основе.

Основными факторами, влияющими на погрешность измерений свойств водоугольной массы, являются толщина слоя, его фракционный состав, содержание химических элементов, а также скорость и направление потока. Кроме того, достоверность показаний зависит от диапазона измеряемых значений.

Список литературы

1. **Гидравлические системы для ВУТ:** моделирование, оптимизация : монография / Н. Д. Андрийчук, М. В. Пилавов, А. А. Коваленко [и др.] – Луганск : ВГУ им. В. Даля, 2013. – 239 с.
2. **Гутько, Ю. И.** Современные тенденции совершенствования технологии водоугольного топлива (суспензий) / Ю. И. Гутько, Д. А. Капустин, А. В. Кущенко // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2022. – № 12(66). – С. 35–41.
3. **Исследование и сравнительный анализ** систем и способов поточного определения зольности угля на предприятиях / Р. Н. Сентяй, Д. А. Капустин, Г. В. Короп, В. В. Швыров // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер. 5, Гуманит. науки. Техн. науки. – 2022. – № 1(79). – С. 99–107.
4. **Капустин, Д. А.** Роль и место измерительных устройств, как элемента перспективной системы получения теплоты в малой мощности /

- Д. А. Капустин, А. В. Кущенко, Г. В. Короп // Информационные и измерительные системы и технологии : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-техн. конф., г. Новочеркасск, 01 февр. 2016 г. / Новочеркасский политехн. ин-т. – Новочеркасск, 2016. – С. 116–119.
5. **Определение факторов транспортируемой среды** (водо-угольного топлива), влияющих на точность показаний измерительных устройств / Д. А. Капустин, А. В. Кущенко, В. В. Швыров, Р. Н. Сентяй // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2018. – № 11(17). – С. 62–69.
6. **Трубопроводный транспорт** твердых материалов : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1 / Б. Ф. Брагин, А. С. Коломиец, А. С. Кондратьев [и др.]. – Киев : ИВГУ, 1993. – 400 с.
7. **Факторы, влияющие на надежность** работы гидро-транспортной системы / Д. А. Капустин, Р. Н. Сентяй, В. В. Швыров [и др.] // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2019. – № 11(29). – С. 67–71.

**Kapustin D. A.,
Shvyrov V. V.,
Sentai R. N.,
Korop G. V.**

Automation of quality control of coal-water suspension and measuring devices for its implementation

Modern development of coal-water fuel technology is not possible without comprehensive automation of the processes of its production, transportation and use. Of particular importance is the automation of combustion (gasification) of fuel-coal-water suspension, which is the key to expanding the scope of application of such energy carriers. To automate the determination of the main parameters of fuel-coal-water suspensions, various measuring devices are used: flow meters, density meters, humidity and ash content sensors, as well as viscometers. Their work is based on the use of various principles: ultrasonic vibrations, pressure drop across the tapering elements of the pipeline, gamma radiation, as well as the use of the electromagnetic properties of coal.

It has been established that the main factors influencing the accuracy of determining the properties of a coal-water suspension are the thickness of the layer of the medium being studied, the fractional composition, the presence of certain chemical elements, the speed and direction of movement, as well as the presence of flow anomalies.

Key words: *fuel-coal-water suspension, measurement, device, automation, ash content.*

УДК 621.316.99

Корнеева Анжелика Николаевна,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой
безопасности жизнедеятельности и
охраны труда
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
korneeva_an@mail.ru

Шворникова Анна Михайловна,
канд. техн. наук, доцент,
доцент кафедры
безопасности жизнедеятельности и
охраны труда
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
shvorni@mail.ru

Технические средства защиты от поражения электрическим током в производственных и служебных помещениях

Статья посвящена изучению наиболее эффективного коллективного средства защиты работников от поражения электрическим током – защитного заземления. Подробно описан принцип действия заземления и пути протекания электрического тока при замыкании фазы на корпус. Выполнен анализ конструкции и технических характеристик используемых в настоящее время систем защитного заземления, а также описаны области применения для каждой из них.

Ключевые слова: электричество, электротравма, заземление, ток, напряжение.

Электричество уже около ста лет является главным атрибутом комфортной жизнедеятельности человека. Не только производственная, но и бытовая среда предельно насыщена электрическими приборами и устройствами, количество и функционал которых непрерывно растет. Отсутствие электричества в современных условиях является признаком аварийной или даже чрезвычайной ситуации.

В то же время электрический ток – один из наиболее опасных факторов производственной среды. Хотя по статистике на поражение электрическим током приходится чуть более 1% всех случаев бытового и производственного травматизма, но вклад электротравм в несчастные случаи со смертельным исходом превышает 20%, причем 2/3 производственных электротравм приходится на электроустановки до 1 000 В [1]. Это значит, что чаще всего пострадавшими от поражения электрическим током являются работники с

1-й группой допуска, не обладающие базовыми знаниями в вопросах электробезопасности.

Причины поражения электрическим током достаточно разнообразны, но могут быть объединены в следующие группы:

1. *Касание токоведущих частей* – чаще всего имеет место при чрезвычайных ситуациях, поскольку в режиме повседневной жизнедеятельности все неизолированные токоведущие части должны быть ограждены или размещены на недоступной для человека высоте.

2. *Работа неисправным оборудованием* – имеет место при нарушении требований охраны труда.

3. *Касание нетоковедущих частей, оказавшихся под напряжением* – наиболее распространенная причина, чаще всего возникает вследствие потери изоляционных свойств оболочкой проводов с их замыканием на металлический корпус оборудования.

Если две первых причины являются следствием внештатных ситуаций и так называемого «человеческого фактора», то последняя не связана с нарушением правил эксплуатации электрооборудования самим работником и может быть устранена использованием технических средств защиты – заземления или зануления.

Заземление – основной подход к обеспечению электрической безопасности рабочей зоны производственных и служебных помещений. Принцип его реализации состоит в преднамеренном соединении с землей металлических нетоковедущих частей оборудования с целью снижения потенциала до безопасной величины. На Рис. 1 показаны случаи прохождения тока через тело человека при незаземленном и заземленном корпусе оборудования, на который произошло замыкание фазы L бытовой сети.

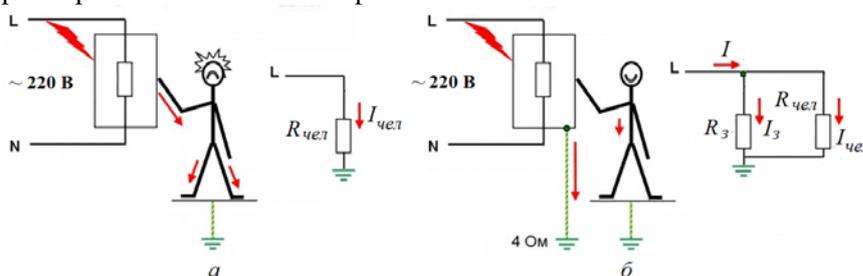

Рис. 1. Касание нетоковедущих металлических частей под напряжением:
а – корпус не заземлен; б – корпус заземлен

Прохождение электрического тока через тело человека описывается законом Ома для участка цепи

$$I = \frac{U}{R}, \quad (1)$$

где U – питающее напряжение, В; R – сопротивление цепи, Ом; I – сила тока в цепи, А.

Тяжесть электротравмы определяется силой тока, проходящей через тело человека. Пороговые величины сил переменного тока бытовой частоты 50 Гц представлены в Табл. 1.

Таблица 1

Пороговые значения силы переменного тока (50 Гц)

Порог чувствительности	1–3 мА
Неотпускающий ток	10–15 мА
Паралич дыхания	50–80 мА
Фибрилляционный (смертельный) порог	100 мА и более

Как видно из (1), тяжесть поражения током увеличивается с ростом питающего напряжения и уменьшается с повышением сопротивления тела человека. Сопротивление тела формируется кожным покровом и не является постоянной величиной – у здорового человека с сухой чистой кожей оно может достигать 400 кОм, снижаясь в болезненном состоянии, состояниях алкогольного и наркотического опьянения и т. д. В отдельных случаях величина сопротивления тела человека способна опускаться ниже 1 000 Ом, поэтому за расчетное значение принимается $R_{чел} = 1$ кОм.

Как видно из Рис. 1, а, при незаземленном корпусе оборудования, включенного в бытовую сеть, весь ток пойдет через тело человека, и его расчетная сила составит $220/1\ 000 = 0,22$ А. Таким образом, в определенных ситуациях угрозу жизни человека может представлять даже его включение в однофазную (бытовую) электрическую сеть.

Ситуация кардинально изменяется при наличии заземления корпуса электрооборудования (Рис. 1, б). В этом случае ток имеет два пути прохождения – через защитный провод и через тело человека, но эти пути неравнозначны, поскольку сопротивление заземлительного провода не может превышать 4 Ом. Электрический ток, как известно, протекает по пути наименьшего сопротивления, вследствие чего $I_z \gg I_{чел}$ и даже при минимальном сопротивлении тела человека сила тока через него не превысит $I_{чел} = 0,8$ мА, что ниже порога чувствительности (Табл. 1).

Таким образом, основная функция заземления – ограничение тока через тело человека введением альтернативного и более благоприятного пути прохождения. Но, несмотря на кажущуюся простоту, системы заземления являются достаточно сложными инженерными конструкциями, которые различаются по схемам соединения, а также числу нулевых рабочих и защитных проводников. Так, различное распространение получили системы заземления TN-C, TN-S, TN-C-S, TT и IT. Основные требования к системам заземления содержатся в [2; 3], их обозначения имеют следующий смысл:

- T – непосредственное соединение нейтрали источника питания с землей;
- I – токоведущие части изолированы от земли;
- N – нулевой рабочий провод.

Буквы, следующие через дефис за N, определяют способ устройства нулевого защитного PE и нулевого рабочего N проводников [3; 4]:

– С – функции нулевого защитного и нулевого рабочего проводников объединены в одном общем проводнике PEN;

– S – функции нулевого защитного и нулевого рабочего проводников обеспечиваются отдельными проводниками.

Системы с глухозаземлённой нейтралью TN используют общую глухозаземлённую нейтраль для подключения нулевых рабочего и защитного проводников, а все корпусные электропроводящие детали следует подключить к общему нулевому проводнику, соединённому с данной нейтралью. Применяются три подвида системы TN: TN-C, TN-S, TN-C-S, которые отличаются друг от друга различными способами подключения нулевых проводников N и PE (Рис. 2).

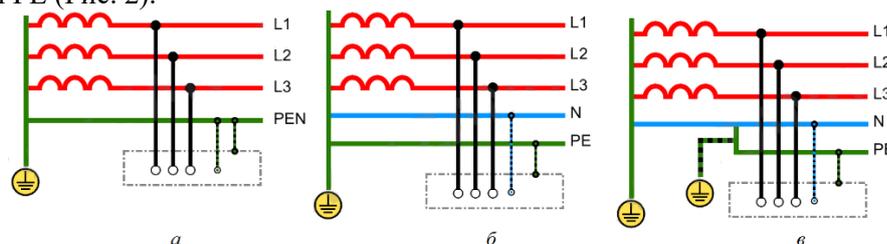

Рис. 2. Системы заземления TN с глухозаземленной нейтралью:
а – TN-C; б – TN-S; в – TN-C-S

Система TN-C (Рис. 2, а) является традиционной схемой, в которой с основной шиной заземления (глухозаземленной нейтралью) дополнительными нулевыми проводами соединяют все нетоковедущие металлические части, способные оказаться под напряжением. Однако главный недостаток данной системы – появление фазного напряжения на корпусе электроустановок при аварийном обрыве нуля – потребовал разработки более совершенных заземлительных схем.

В системе TN-S (Рис. 2, б) рабочий и защитный ноль разделены, что позволяет устранить проблему появления фазного напряжения на корпусе электроустановок при обрыве рабочего нуля. При более высоком уровне электробезопасности данная схема имеет существенный недостаток – более высокую стоимость, что препятствует ее широкому внедрению.

Система TN-C-S (Рис. 2, в) достаточно распространена, так как сочетает достоинства первых двух схем. Рабочий и защитный проводники в ней разделены, а подача электричества с использованием комбинированного нуля PEN, подключенного к глухозаземленной нейтрали, позволяет снизить ее стоимость. Однако при повреждении провода PEN на проводнике PE и на всех связанных с ним корпусных деталях электроприборов появляется опасное напряжение. Поэтому при использовании системы TN-C-S требуется обеспечения специальных мер защиты проводника PEN от повреждений.

Система с глухозаземлённой нейтралью TT (Рис. 3, а) стала применяться на территории РФ относительно недавно, но уже успела получить достаточно широкое распространение. В ней также реализовано «глухое» заземление нейтрали источника с рабочим нодем N, а на стороне потребителя

все проводники защитной земли PE, связанные с корпусными деталями, подключаются к местному заземлителю. Но при таком способе устройства заземления обязательным условием является наличие защитного отключения.

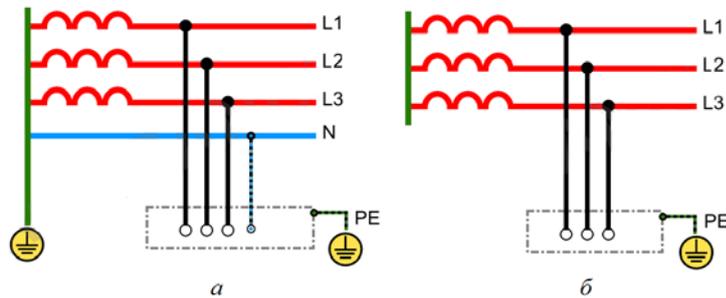

Рис. 3. Схемы заземления: а – с глухозаземленной нейтралью ТТ; б – с изолированной нейтралью IT

В системе с изолированной нейтралью IT напряжение от источника к потребителю передается по минимально возможному количеству проводов, а все токопроводящие детали корпусов должны быть надежно подключены к заземлителю. Нулевой рабочий проводник N на участке от источника до потребителя в системе IT отсутствует. Данная система применяется в электроустановках зданий, к которым предъявляются повышенные требования надежности, например, в больницах [4].

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что все существующие схемы заземления способны исключить поражение током пользователей электрооборудования. Качественное и правильно установленное защитное заземление является незаменимой мерой безопасности, а нарушение данной меры может привести к опасным и непредвиденным ситуациям.

Список литературы

1. Васильева, И. Н. Устройства индивидуальной защиты человека от поражения электрическим током / И. Н. Васильева, А. Г. Васильев, В. К. Шакурский // Энергоэффективность и энергобезопасность производственных процессов : IV Всерос. науч.-техн. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Тольятти, 12–14 апр. 2016 г. : сб. тр. / [отв. за вып. В. В. Вахнина]. – Тольятти, 2016. – ISBN 978-5-8259-0948-6. – С. 24–27.
2. ГОСТ Р 50571.3-2009. Электроустановки низковольтные. Ч. 4-41, Требования для обеспечения безопасности. Защита от поражения электрическим током : ГОСТ Р 50571.3-2009 (МЭК 60364-4-41:2005) / подгот. Федеральным гос. унитарным предприятием «Всероссийский науч.-исслед. ин-т стандартизации и сертификации в машиностроении» (ВНИИНМАШ). – Изд. офиц. – Москва : Стандартинформ, 2011. – IV, 20 с. : ил.
3. Правила устройства электроустановок : Утв. М-вом энергетики Рос. Федерации 08 июля 2002 г. : ввод. в действие 01 янв. 2003 г. – 7-е изд. – [Б. м. : б. и.], 2002. – URL: <https://www.tesli.com/upload/iblock/d0a/ПУЭ.pdf> (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.

4. Система заземления IT. Как жить без нуля? – Текст : электронный // СамЭлектрик.ру: блог практикующего электрика : [сайт]. – URL: <https://samelectric.ru/spravka/sistema-zazemleniya-it-kak-zhit-bez-nulya.html> (дата обращения: 15.01.2024).

**Korneeva A. N.,
Shvornikova A. M.**

**Technical means of protection against electric shock in production
and office premises**

The paper is devoted to the study of the most effective collective means of workers protecting from electric impact – the protective grounding. The principle of grounding and the path of electric current flow when a phase is shorted to the housing is described in detail. An analysis of the design and technical characteristics of currently used protective grounding systems is carried out, and the areas of systems application are described.

Key words: *electricity, electrical injury, grounding, current, voltage.*

Экономические науки

УДК 330.131.5 : 37.014.54

Скороход Наталья Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
зав. кафедрой экономики
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nskorohod67@mail.ru

Социально-экономическая эффективность образования как индикатор экономического развития и общественного прогресса

В статье рассматриваются подходы в определении эффективности образования как специфической сферы деятельности. Автор показывает, что повышение эффективности и социально-экономической эффективности образования связано с увеличением доли живого труда педагогов при снижении нормативов нагрузки на них. В статье даётся исчисление показателей образовательного потенциала и фонда образования. Представлены международные сопоставления развития уровня образования, в соответствии с которыми Российская Федерация имеет как преимущества, так и отставание. Указано, что развитие экономики и общественный прогресс будут обеспечены при условии преодоления негативных тенденций, наметившихся в динамике фонда образования и образовательного потенциала Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая эффективность образования, социально-экономическая эффективность образования, фонд образования, образовательный потенциал, нормативы нагрузки, хозрасчётная стоимость, «инфляция знаний».

Экономическая эффективность, как и все другие экономические категории, отражает господствующие типы производственных отношений и реально выступает как социально-экономическая эффективность, т. е. эффективность, детерминированная социальными факторами.

«Чистые» показатели эффективности в существовавших и существующих типах экономики и общества не могут быть достигнуты и сами по себе не дают основания определить степень общественного развития. Традиционно рассматриваемые критерии эффективности экономики недостаточны и дополняются, модифицируются критериями, чувствительными к социальной справедливости. Важным является не просто экономический рост, а рост благосостояния народа, формирование условий для развития личности. В этом случае рассматриваются показатели валового внутреннего продукта на душу населения (средний уровень потребления и уровень потребления по группам населения); объёма и структуры рабочего и свободного времени; уровня образования населения, чистого экономического благосостояния (ЧЭБ). Преобладающее значение имеют показатели эффективности общественного воспроизводства, включающие социальный аспект деятельности работников. Эти показатели имеют преимущественное

значение в системе показателей эффективности, поскольку экономический прогресс объективно и потенциально связан, прежде всего, с экономическими интересами работников. Дж. К. Гэлбрейт отмечает, что экономисты впадают в ошибку, когда усматривают прямую зависимость прогресса от роста совокупного продукта, что предпочтительно оценивать прогресс по количеству людей, которым обеспечено прочное и полноправное место в обществе [2, с. 106].

В специальных исследованиях учёные приходят к выводу о том, что уже определилась доминанта современного цивилизационного развития – его гуманистический и гуманитарный характер, что в структуре народного хозяйства ряда стран оформилась самостоятельная многоотраслевая сфера инвестиций в развитие человека как физического и социального субъекта [4, с. 44, 47].

В статье Скороход Н. Н. и Заики И. П. «К вопросу интеграции ЛНР в социально-экономическое пространство Российской Федерации» показано, что образовательно-научный комплекс является ядром духовного (нематериального) производства. Этот комплекс создаёт реальный экономический ресурс – кадровый потенциал. Эффективность духовного (нематериального) производства непосредственно отражается в новом качестве социально-экономического развития [7, с. 114, 116]. Сфера образования является базовой составляющей нематериального (духовного) производства.

Анализ экономической эффективности образования как явления, отражающего систему производственных отношений, складывающихся в тот или иной исторический период, и выявление особенностей деятельности субъектов данной сферы относится к актуальным направлениям исследования в экономической науке и смежных с ней отраслях знания.

Показатели эффективности образования включают как экономические, так и социальные свойства.

Социально-экономическая эффективность образования имеет внутреннее и внешнее выражение.

В системе показателей внутренней эффективности образования рассчитывают такие показатели:

- общие затраты в расчёте на одного учащегося;
- общие затраты в расчёте на одного учащегося с учётом прибыли («чистого дохода») учреждения образования;
- средняя стоимость затрат на одного учащегося высшего образования.

Традиционный подход экономического анализа увязывает повышение «внутренней» экономической эффективности образования с сокращением совокупных затрат труда педагогов (живого труда) и экономии овеществлённого труда (амортизационных отчислений и материальных затрат). В этом случае приходится рассматривать необходимость сокращения педагогического персонала и замещения его техническими средствами обучения как магистральный путь развития образования аналогично пути развития, например, предприятий машиностроения. Такой подход, на наш взгляд, является фундаментально неверным.

Характерная черта сферы образования – высокая доля затрат квалифицированного труда преподавателей. Образовательный продукт является трудо- и энергоёмким. Трудо-энергоёмкость продукта образования,

который воплощается в образованном человеке, не отражает категория «стоимость», поскольку смешанная собственность приводит к смешанной форме обмена деятельностью. Показатели эффективности, в основе которых лежит стоимость, сами по себе не могут корректно отражать уровень экономического развития. Стоимость трансформируется в хозрасчётную стоимость. Хозрасчётная стоимость характеризуется тем, что трудо-энергозатраты на продукцию определяются на основе экономических нормативов, а, с другой стороны, этого рода затраты опосредованы обращением, т. е. сохраняют видимость стоимости. Стоимость обучения определяется на основе выверенных наукой нормативов (например, нормативы нагрузки на одного преподавателя студентов, нормативы штатов вспомогательного персонала, нормативы технических средств с различным периодом их оборота, коммунальных услуг и другое с учётом контингента обучаемых). Понятие стоимости в современных условиях обмена деятельностью становится условным. Традиционные показатели расчёта эффективности в образовании необходимо корректировать в силу и особого труда занятых здесь работников, и потому, что отношения интеллектуальной собственности и хозрасчётная форма организации деятельности обуславливают иные характеристики целей деятельности и иные следствия деятельности. Стоимостные (денежные) оценки являются в новых условиях квазипоказателями образовательной деятельности.

В системе образования результат труда субъективизируется, сам образовательный процесс, по сути, представляет собой непосредственные отношения субъект-субъект. Экономическая интеллектуальная собственность, как социально-экономическая среда образовательной деятельности, имеет своим объектом информацию, знания. Особенность объекта интеллектуальной собственности заключается в том, что он является материально-идеальным. Из этого следует субъектный характер объекта отношений и субъективизация самого процесса образования как производственной деятельности. Поэтому, на наш взгляд, возникает необходимость увеличения затрат времени общения и сотрудничества педагогов с учащимися, что должно находить отражение в снижении нормативов педагогической нагрузки, росте численности педагогов и увеличении вознаграждения за их труд. Это неизбежно приведёт к росту уровня образования в соответствии с действительными или реальными (скорректированными на «инфляцию знаний») компетенциями будущих специалистов.

В сложившейся системе «рынок» должен принимать названные условия, а не стимулировать снижение затрат труда на обучение одного учащегося. Иными словами, в системе образования конкуренция невозможна. Собственно, этот вывод корреспондируется с характером отрасли образования как института общественных благ, которые, как известно, неконкурентны и не исключаемы из потребления. Чем больше затраты живого труда, осуществляемого в условиях самых передовых материально-вещественных факторов образовательной деятельности, тем выше результат, тем он желательнее для общества. Предельная норма технологического замещения факторов производства в образовании выражается в том, что живой труд педагогов вытесняет овеществлённый труд: на каждую

прирастающую единицу техники, технологий прирастает большая доля (больше единицы) живого труда педагогов и наставников.

Опасным симптомом состояния современного образования является «инфляция знаний». Под «инфляцией знаний» мы понимаем процесс обесценивания аттестатов, дипломов, других документов об образовании. В этом смысле можно интерпретировать идеологию Сберкласса о скором отказе от документов об образовании как обусловленную данным эффектом [11]. Но при этом возникает вопрос: каким образом будет фиксироваться уровень образования?

Безусловно, образуется «разрыв образования» – формального и реального его уровней. «Дефлятор знаний» выражает отношение формального (номинального) уровня образования и его реального уровня. Будем рассматривать формальный (номинальный) уровень образования на основе образовательного потенциала, рассчитанного для определённых временных интервалов. Например, образовательный потенциал (ОП), рассчитанный для среднего (общего, основного, начального) образования в 2019 году, составил 12529469514 человеко-лет образования [5, с. 23; 6; 8, с.70]. По приведённым данным нехватки учителей (2018 год), мы рассчитали коэффициент дефляции, который составил 1,35 [8, с. 79]. Нехватка учителей в 2018 году отразилась отрицательно на показателе реального образовательного потенциала 2019 года. Так, реальный ОП=1252946951 человеко-лет образования/1,35=9281088529 человеко-лет образования. Поскольку динамика населения по годам от 2019 года и динамика обучающихся является отрицательной, а дефицит учителей и в целом педагогов сохраняется, постольку сокращается как формальный (номинальный) образовательный потенциал, так и реальный его уровень [1].

Рост фонда образования и образовательного потенциала показывает рост уровня образования. Отметим, что фонд образования (ФО) рассчитывается как накопленные издержки общества на обучение, повышение квалификации и переподготовку совокупной рабочей силы. Величина фонда образования прямо зависит от масштабов финансирования данной сферы деятельности. Финансирование образования осуществляется из разных источников. Обзор данных о расходах на образование позволяет сделать некоторые выводы о динамике этих расходов за период 2018–2021 годов. Полученные результаты анализа представим в Табл. 1.

Таблица 1

**Динамика расходов на образование в Российской Федерации
за период 2018-2021 годов (%)**

	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Всего:				
– в постоянных ценах 2020 г.	93,9	95,6	100,0	–
– в текущих ценах	90,5	95,1	100,0	–
Государственные расходы				
– в постоянных ценах 2020 г.	88,1	94,2	100,0	93,2
– в текущих ценах	84,8	93,7	100,0	108,5

Рассчитано по [6, с. 26].

Фонд образования Российской Федерации за период 2018–2021 годов вырос на 14100,5 млрд. руб. в основных ценах (ценах 2020 года).

В стороне мы оставляем актуальный вопрос о содержании образования, которое не отражает ни образовательный потенциал, ни фонд образования как таковые.

Следует отметить, что «внутренняя» эффективность образования обусловлена его особыми общественными функциями. «Внешняя» социально-экономическая эффективность может быть определена относительно параметров влияния образования на определённые, конкретные экономические процессы в стране, в отрасли, на предприятии. К методикам, определяющим «внешнюю» эффективность образования, относятся факторный анализ, корреляционные расчёты, редукция труда и другие. Они, однако, не позволяют определить фактор или совокупность факторов в полной мере и достоверно. При этом их использование даёт возможность оценить динамику зависимости общественного воспроизводства (макроэкономики) от уровня развития образования. Г. С. Струмилин в начале 20-х годов прошлого века особо отмечал, что важное значение для хозяйственной реконструкции имеют не только мощные материальные факторы, такие как электрификация, но и гораздо менее осязательные, как народное образование, без которого не может осуществиться и наиболее удачный план электрификации [9, с. 59].

Моделирование процессов, связывающих образование и общие экономические результаты, сегодня основывается на положении о том, что научно-технический прогресс не может рассматриваться как основное условие социально-экономического развития, теперь уже образовательно-научно-технический прогресс становится главной составляющей общественного прогресса [7, с. 117].

Анализ статистических данных уровня образования по странам – международные сопоставления – позволяют сделать ряд выводов, которые непосредственно отражают реализацию в Российской Федерации социально-экономической эффективности образования в разрезе достижений стран мира в этой области.

Международные сопоставления стран по уровню образования свидетельствуют о том, что в Российской Федерации в сравнении с другими странами в составе населения возрастной группы 25–64 года в 2020 году был более высокий удельный вес лиц со средним профессиональным образованием (34,5%) и с высшим образованием (30,2%). Суммарно доля лиц, имеющих среднее профессиональное образование и высшее профессиональное образование, в Российской Федерации составляет 64,7% данной возрастной группы. По странам БРИКС преобладает доля лиц, имеющих основное общее и ниже образование, а в странах ОЭСР преобладает доля лиц, имеющих общее среднее и высшее образование [3, с. 480–482]. Эти статистические данные свидетельствуют, при прочих равных условиях, о том, что по уровню профессионального образования Российская Федерация имеет преимущества, которые дают ей дополнительные производственные возможности.

Сравнение расходов на образование по странам с расходами на образование в Российской Федерации, а, следовательно, сравнение возможностей наращивания фонда образования по странам отражено в Табл. 2.

Таблица 2

**Расходы на образование по паритету покупательной способности
за 2018 год (выборка по странам мира; млн. долл.)**

	Всего расходы		Государственные расходы		Численность населения	
	абсолютно	в % к России	абсолютно	в % к России	абсолютно (млн. чел.)	в % к России
Россия	173082	100,0	148753	100,0	146,9	100,0
Великобритания	200242	156,9	158555	106,6	66,4	45,2
Германия	241889	139,8	227473	152,9	83	56,5
Италия	121577	70,2	110877	74,5	60	41,3
Республика Корея	111750	64,6	89313	60,0	51,176	38,1
США	1209008	698,5	895418	601,9	327,02	222,6
Турция	116657	67,4	92632	62,3	82,003	55,3
Франция	184876	106,8	169155	113,7	64,8	44,1

Рассчитано по [3, с. 488-489; 10].

По показателям прироста фонда образования Российская Федерация начинает отставать от ряда передовых стран. На наш взгляд, это является одной из фундаментальных причин экономического отставания нашей страны от ряда ведущих стран.

В то же время по структуре уровней образования Российская Федерация имеет сравнительные преимущества. Расширение сравнительных преимуществ и преодоление отставания от ведущих стран мира в темпах прироста фонда образования и образовательного потенциала будет способствовать сбалансированному экономическому росту, росту благосостояния населения Российской Федерации и получению дополнительных преимуществ в социальном развитии страны и её регионов.

Список литературы

1. **Голикова Т. А. заявила о нехватке 11 тысяч учителей в России.** – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282634> (дата обращения: 12.11.2023).
2. **Гэлбрейт, Дж. К.** Капитализм, социализм, сосуществование : [пер. с англ.] / Дж. К. Гэлбрейт, С. М. Меньшиков. – Москва : Прогресс, 1988. – 410 с. – ISBN 5-01-001819-5.
3. **Индикаторы образования 2022** : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.] ; Нац.-исслед. ун-т «Высшая шк. экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2022. – 532 с. – ISBN 9785759825982.
4. **Марцинкевич, В. И.** Экономика человека / В. И. Марцинкевич, И. В. Соболева. – Москва : Аспект-Пресс, 1995. – 286 с. – ISBN 5-7567-0036-6.
5. **Образование в цифрах 2022** : краткий стат. справ. / Л. М. Гохберг, Л. Б. Кузьмичева, О. К. Озерова [и др.] ; Нац.-исслед. ун-т «Высшая шк. экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2022. – 132 с. – ISBN 978-5-7598-2694-1.

6. **Распределение населения России по возрастным группам** : таблица. – Текст : электронный // РусИнд.ру – финансы и статистика : [сайт]. – URL: <https://rusind.ru/raspredelenie-naseleniya-rossii-po-vozzrastnym-grupparam.html> (дата обращения: 16.10.2023).
7. **Скороход, Н. Н.** К вопросу интеграции ЛНР в социально-экономическое пространство Российской Федерации / Н. Н. Скороход, И. П. Заика // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Сер. 5, Гуманит. науки. Техн. науки. Эконом. науки. – 2023. – № 1(99). – С. 111–128.
8. **Смолин, О. Н.** Хороший слуга, но плохой хозяин: к дискуссии о приоритетах отечественной социально-экономической политики / О. Н. Смолин // Альтернативы. – 2023. – № 3. – С. 62–85.
9. **Струмили́н, С. Г.** Хозяйственное значение народного образования / С. Г. Струмили́н. – Москва ; Ленинград : Эконом. жизнь, 1924. – 68 с.
10. **Численность населения стран мира в 1980–2022 гг.** – Изображение (неподвижное). Текст : электронные // Информация о северных странах : [сайт]. – URL: <https://svspb.net/danmark/naselenie-stran.php> (дата обращения: 16.10.2023).
11. **Электронная платформа Сберкласс** : [сайт]. – URL: <https://sberclass.ru> (дата обращения: 16.10.2023). – Текст : электронный.

Skorokhod N. N.

Socio-economic efficiency of education as an indicator of economic development and social progress

The article discusses approaches to determining the effectiveness of education as a specific field of activity. The author shows that the increase in the efficiency and socio-economic efficiency of education is associated with an increase in the share of teachers' live labor while reducing the load standards on them. The article gives the calculation of indicators of educational potential and the education fund. International comparisons of the development of the level of education are presented, according to which the Russian Federation has both advantages and a lag. It is indicated that the development of the economy and social progress will be ensured provided that the negative trends that have emerged in the dynamics of the education fund and the educational potential of the Russian Federation are overcome.

Key words: *economic efficiency of education, socio-economic efficiency of education, education fund, educational potential, load standards, self-supporting cost, "knowledge inflation".*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Александр Иосифович, доцент кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат исторических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Бажутина Светлана Борисовна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Борзенков Владислав Романович, магистрант, направление подготовки «Международные отношения. Мировая политика» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Булах Ирина Петровна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат психологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Воропай Елена Сергеевна, ассистент кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Горюнова Татьяна Николаевна, аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Давыскиба Оксана Викторовна, доцент кафедры фундаментальной математики ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Даренская Вера Николаевна, доцент кафедры социальной работы ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат философских наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Дибас Оксана Андреевна, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат исторических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Калайдо Александр Витальевич, доцент кафедры технологий производства и профессионального образования ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат технических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Капустин Денис Алексеевич, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий и систем ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат технических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Комар Валерия Сергеевна, магистрант, направлению подготовки «Математика» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Корнеева Анжелика Николаевна, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и охраны труда ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Короп Геннадий Викторович, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат технических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Кравец Юрий Антонович, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат исторических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Кубатина Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Левкович Артур Эдуардович, магистрант, направление подготовки «Международные отношения. Мировая политика» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Милокост Любовь Сергеевна, заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат исторических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Романов Наталья Александровна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Сентяй Роман Николаевич, старший преподаватель кафедры информационных образовательных технологий и систем ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Скорород Наталья Николаевна, заведующий кафедрой экономики ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат экономических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Темникова Светлана Владимировна, заведующий кафедрой фундаментальной математики ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат технических наук, г. Луганск, ЛНР

Ткачева Вероника Александровна, ассистент кафедры психологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Хорошилова Ольга Евгеньевна, учитель начальных классов ГУ ЛНР «ЛОУ СОШ № 19», г. Луганск, ЛНР

Шворникова Анна Михайловна, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и охраны труда ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат технических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Швыров Вячеслав Владимирович, доцент кафедры информационных образовательных технологий и систем ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат физико-математических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Шишлакова Виктория Николаевна, старший преподаватель кафедры информационных образовательных технологий и систем ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия», «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97–2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков

с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – (, “) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (:). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится приставный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной

статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
<i>Заполняется каждым автором</i>		
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 5

Гуманитарные науки
Технические науки

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. А. Черных**
Редактор серии – **С. В. Темникова**
Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**
Корректор – **О. И. Письменская**
Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 26.12.2023. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 10,72.
Тираж 23 экз. Заказ № 120

Издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011. Т/ф: +7 857-2-58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru